

Лоис Макмастер Буджолд
Границы бесконечности

Барраяр – 8

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128990
«Границы бесконечности»: Астрель; Москва; 2013
ISBN 978-5-271-43597-3

Аннотация

У Майлза Форкосигана, только что закончившего академию, короткий отпуск. Но

отдыха не предвидится: если ты — лорд, изволь вершить правосудие среди своих вассалов! Расследование убийства маленькой девочки в бедной горной деревеньке неожиданно ставит двадцатилетнего Майлза перед непростым выбором, когда следовать букве закона решительно невозможно...

Стандартное задание: проникнуть в логово генетических работарговцев и забрать ученого. И вновь талант военного отступает перед талантом психолога — Форкосиган не только спасает жизнь невинного юного существа, предназначенного ему в палачи, но и открывает для себя ценность жизни, обретает черты характера, наличие которых у себя и не подозревал...

Чтобы освободить из тяжкого плена несколько тысяч отчаявшихся, потерявших всякую надежду людей, Майлзу придется совершить чудо — превратить полудичавишую толпу в организованную силу. Но как работать с теми, кто почти утратил человеческий облик под гнетом неволи?

Лоис Макмастер Буджолд **Границы бесконечности**

Джону

I

— К вам посетитель, лейтенант Форкосиган.

Обычно невозмутимое лицо медбрата перекошилось от испуга, взгляд застыл. Он отступил в сторону, пропуская посетителя в палату. Автоматические двери еще не закрылись, а медбрат уже поспешно ретировался.

Вздернутый нос, лучистые глаза и открытое доброе лицо очень молодили вошедшего, хотя темно-русые волосы на его висках уже начали сесть. Он был худощав, одет в скромный костюм и отнюдь не распространял вокруг себя атмосферу ужаса, вопреки столь острой реакции медбрата — по правде говоря, гость вообще не производил никакого впечатления. Саймон Иллиан, глава Имперской службы безопасности Барраяра, начинал обычным тайным агентом, и эта работа приучила его быть незаметным.

— Привет, босс, — сказал Майлз.

— Выглядишь отвратительно, — любезно заметил Иллиан. — Не трудись отдавать честь.

Майлз коротко рассмеялся; даже смех сейчас причинял ему боль. У него болело все, кроме рук: они все еще не отошли после анестезии и были забинтованы и зафиксированы от лопаток до кончиков пальцев. Он поглубже зарылся в постель в тщетной надежде найти более удобное положение для своего тщедушного тела, облаченного в больничную пижаму.

— Как прошла операция? — осведомился Иллиан.

— Примерно так, как я и ожидал. Мне ведь однажды уже оперировали ноги. Самое противное началось, когда разрезали правую руку, чтобы вынуть осколки костей. Нудно. Левую сделали гораздо быстрее — там осколки были крупнее. Теперь буду ждать, приживется ли в пластике костный мозг. Какое-то время у меня будет малокровие.

— Надеюсь, ты не возьмешь за правило возвращаться после каждого задания на носилках?

— Ну-ну, это ведь всего второй раз! Да и вообще, рано или поздно у меня просто кончатся непересаженные кости. Годам к тридцати я уже буду целиком из пластика.

И Майлз представил себе эту невеселую перспективу. Интересно, могут ли его объявить юридически умершим, если больше половины его тела будет из запчастей? Не войдет ли он когда-нибудь на фабрику пластиковых протезов с возгласом «Мама!»?

— Давай-ка поговорим относительно твоего задания, — твердо произнес Иллиан.

Значит, этот визит не просто выражение сочувствия... Да и вообще, способен ли Иллиан хоть кому-нибудь сочувствовать? Иногда это трудно было понять.

— Мой доклад у вас, — уклончиво ответил Майлз.

— Твой доклад — это шедевр недоговоренности, — в голосе начальника Имперской службы безопасности не было и тени неудовольствия.

— Ну... Мало ли кто его прочтет. Никогда нельзя знать заранее.

— Оставь, Майлз! Ты прекрасно знаешь, что речь идет не об этом.

— Так в чем проблема?

— Деньги. А еще конкретнее — финансовая отчетность.

Может, все дело было в лекарствах, которыми его напичкали, но Майлз ничего не понял.

— Вам не нравится моя работа? — жалобно спросил он.

— Если не считать твоих ранений, результаты последнего рейда в высшей степени удовлетворительны... — начал Иллиан.

— Очень рад это слышать, — мрачно пробормотал Майлз.

— ...а твои похождения на Земле все еще полностью засекречены. Мы поговорим о них позже.

— Сначала мне надо будет доложиться парочке вышестоящих инстанций, — решительно заявил Майлз.

Иллиан отмахнулся:

— Я так и понял. Нет. Обвинения касаются мероприятия на Дагуле и того, которое ему предшествовало.

— Обвинения? — озадаченно переспросил Майлз.

Иллиан пристально посмотрел на него.

— Лично я считаю, что все затраты на поддержание твоих связей со Свободными дендарийскими наемниками окупаются с точки зрения внутренней безопасности. Хотя бы потому, что если бы ты постоянно находился, скажем, в Главном штабе, здесь, в столице, то стал бы превосходным магнитом для любых заговорщиков. Не только для тех, кто добивается почета и расположения властей, но и для тех, кто попытался бы через тебя задеть твоего отца. Как это происходит в настоящее время.

Майлз скосил глаза, надеясь, что сосредоточенный взгляд поможет ему собрать воедино и свои разбегающиеся мысли.

— Итак?..

— Короче, кое-кто сейчас очень прилежно изучает твои отчеты о тайных операциях флота наемников. Этим господам хотелось бы узнать, на что именно пошли определенные крупные суммы. Некоторые из твоих счетов по замене оборудования просто чудовищны — даже с моей точки зрения. А нашим противникам весьма желательно доказать существование систематических растрат. Осуждение тебя военным трибуналом за хищение казенных денег было бы сейчас чертовски некстати — и для твоего отца, и для всей центристской фракции.

— Это зашло настолько далеко?.. — ахнул пораженный Майлз.

— Пока нет. Я твердо намерен все замять. Но для этого мне нужны детали. Я не хочу действовать вслепую, как бывало уже не раз. Я еще не забыл, как из-за тебя провел месяц в моей собственной тюрьме...

Неприятное воспоминание заставило Майлза нахмуриться.

— На этот раз, — продолжал Иллиан, — они действуют через графа Форволка из Казначейства, а он до фанатизма предан императору и к тому же имеет его личную... э-э... поддержку. Под него не подкопаешься. Но боюсь, что distinguished граф поддается чужим влияниям. А поскольку он считает себя сторожевым псом, то чем больше от него отбрыкиваются, тем упорнее он цепляется за свои подозрения. С Форволком следует обращаться предельно осторожно, независимо от того, прав он или ошибается.

— Ошибается?.. — выдохнул Майлз.

До него наконец дошло, почему Иллиан пришел в госпиталь сегодня. Да, шефом и вправду руководит не беспокойство о раненом подчиненном. Но задавать свои вопросы сейчас, когда Майлз только очнулся после операции, слаб, накачан лекарствами, возможно, даже плохо соображает...

— Почему бы вам не допросить меня с суперпентоталом, да и делу конец? — огрызнулся он.

— Потому что я знаю о твоей аллергии к подобным препаратам, — невозмутимо ответил Иллиан. — Это очень прискорбно.

— Тогда отчего бы не выкрутить мне руки?

Задетый за живое начальник секретной службы помрачнел.

— У меня была такая мысль. Но потом я решил поручить это хирургам.

— Знаете, Саймон, вы иногда бываете настоящим подонком.

— Знаю. — К Иллиану вернулось хладнокровие. Он ждал и наблюдал. — В этом месяце, пока не кончится свара из-за бюджета, у твоего отца не должно быть скандалов в правительстве. И обвинения в твой адрес надо придушить независимо от того, на чьей стороне правда. Все сказанное в этой комнате останется — должно остаться — между нами. Но я должен знать!

— Вы что, предлагаете мне амнистию?

Голос Майлза превратился в рычание, сердце бешено заколотилось.

Иллиан был невозмутим.

— Если понадобится.

Майлз не мог сжать кулаки — он их даже не чувствовал, — но пальцы ног у него сжались. Он задыхался в мутных волнах ярости. Перед глазами все поплыло.

— Ты... мерзкий... ублюдок! Ты смеешь называть меня вором...

Майлз заметался в кровати, скидывая с себя больничные простыни. Медицинский монитор тревожно запищал. Тяжелые бесполезные руки болтались из стороны в сторону, как неживые.

— Это я крал у Барраяра? Я крал у моих собственных мертвецов?..

Он сбросил ноги и мощным усилием пресса вскочил с кровати. На миг выпрямившись, он резко качнулся вперед и, тут же потеряв равновесие, чуть не грохнулся на пол. Иллиан успел вскочить и поймать его.

— Какого черта, парень?! Что за шутки?

Майлз и сам толком не знал.

— Что вы делаете с моим пациентом? — крикнул, врываясь в палату, бледный военврач. — Он только что перенес серьезную операцию!

Доктор был разозлен и испуган, а вбежавший следом за ним медбрат вообще находился на грани истерики. Он попытался остановить своего начальника и даже схватил его за руку, пролепетав:

— Сэр, это шеф службы безопасности!

— Я знаю, кто он. Но будь он хоть призраком императора Дорки, я не позволю ему заниматься здесь его... работой! — Врач воинственно уставился на Иллиана. — Ваши допросы, или что вы тут затеяли, можете проводить в своих застенках. Я не допущу подобного в госпитале. Этого пациента еще нельзя тревожить!

У Иллиана вид был сначала недоумевающий, потом возмущенный.

— Я не...

Майлз прикинул, не следует ли ему артистично нажать на какие-нибудь нервные окончания и заорать благим матом, но сейчас, к сожалению, ему нечем было нажимать.

— Внешность бывает так обманчива, — промурлыкал он на ухо Иллиану, повисая на его руках. Сжав зубы, он изобразил мученическую улыбку.

Иллиан нахмурился, но очень бережно уложил молодого человека в кровать.

— Все в порядке, — прохрипел Майлз врачу. — Все в порядке. Я просто... просто... — «Разволновался» не вполне характеризовало ощущения Майлза, ему казалось, что сейчас у

него лопнет голова. — Ничего.

Чувствовал он себя хуже некуда. Подумать только: его заподозрил Иллиан, который знает Майлза всю жизнь, который, казалось бы, полностью ему во всем доверяет... Майлз гордился этим доверием, гордился тем, что он, еще такой молодой офицер, выполняет самостоятельные задания... Похоже, на деле его служба была не государственной необходимостью, а просто удобным предлогом загнать подальше опасного и неуклюжего щенка-фора. Игрушечные солдатики... А теперь он еще и растратчик! Какое страшное пятно на его чести — и на его разуме. Можно подумать, что Майлз не знает, откуда берутся финансы империи и какой ценой они достаются.

Черная ярость сменилась черным отчаянием. Неужели Иллиан — Иллиан! — действительно подумал, пусть даже на секунду... Да, он подумал. Он не пришел бы сюда, не расспрашивал бы его, если бы не был всерьез обеспокоен возможной справедливостью обвинений. К своему ужасу, Майлз почувствовал, что тихо плачет. Будь прокляты эти лекарства!

Иллиан смотрел на него с тревогой.

— Майлз, так или иначе я должен объяснить твои затраты уже завтра. Пойми, это затраты моей организации.

— Лучше я предстану перед трибуналом.

Иллиан сжал губы.

— Я приду позже. После того, как ты поспишь. Надеюсь, тогда ты сможешь рассуждать более трезво.

Затем над Майлзом хлопотал врач, всадивший в него еще одно чертово лекарство.

Молодой человек медленно повернулся лицом к стене — не спать, а вспоминать.

Горы Скорби

Поднимаясь от озера к дому, Майлз слышал женский плач. Он не стал вытираться после купания, поскольку день обещал быть жарким, а прохладная вода, стекая с волос, приятно освежала голую спину и грудь. Менее приятным было то, что капала она и с рваных шортов Майлза, а стержни, защищавшие его ноги от поломок, легко натирали мокрую кожу. Хлюпая разношенными кроссовками, Майлз в ускоренном темпе преодолел еле заметную тропинку в кустарнике. Когда голоса стали различимы, он замедлил шаги.

В женском голосе звучали горе и смертельная усталость.

— Пожалуйста, лорд, ну, пожалуйста! Я только хочу справедливости...

Охранник был раздражен и смущен.

— Не лорд я. Ну же, встань, женщина. Возвращайся в деревню и обратись к окружному судье.

— Говорю вам, я только что оттуда! — Майлз вышел из-за кустов и остановился, наблюдая любопытную сцену: женщина, стоявшая на коленях, так и не встала при его появлении. — Судья не вернется еще много-много недель. А я шла сюда четыре дня. У меня мало денег... — Покопавшись в кармане, она протянула охраннику сложенные лодочкой руки. — Здесь только марка и двадцать пенсов, но...

Раздосадованный страж заметил Майлза и резко выпрямился, словно боясь, что будет заподозрен в готовности принять такую жалкую взятку.

— Убирайся, женщина! — рявкнул он.

Майлз вопросительно выгнул бровь и захромал к воротам.

— Что тут происходит, капрал? — спокойно осведомился он.

Кaprал охраны принадлежал к Имперской службе безопасности и весьма рьяно относился к своим обязанностям. Таким душным утром ему было чертовски жарко в застегнутом до горла парадном мундире, но Майлзу казалось, что капрал, находясь на посту, скорее сварится, чем расстегнет хоть одну пуговицу на вороте. Выговор у охранника был не местный — наверняка парень из столицы, где бюрократы всех рангов издавна поднаторели в

решении проблемы «пускать или не пускать».

Женщина, напротив, была явно местная, из горного захолустья. Она была моложе, чем поначалу показалось Майлзу. Высокая, сероглазая, с покрасневшим от слез лицом и светлыми нечесаными волосами. Если ее отмыть, подкормить, прибавить уверенности в себе и жизнерадостности, она может оказаться почти хорошенькой. Правда, сейчас привлекательного в ней было мало, даже несмотря на потрясающую фигуру — стройная, но полногрудая... «Нет, — поправил себя Майлз, подходя к воротам, — только временно полногрудая». Лиф домотканого платья женщины был в подтеках молока, хотя младенца поблизости не наблюдалось. Ноги у женщины были босые, ступни заскорузлые и потрескавшиеся.

— Никаких проблем, — заверил Майлза охранник. — Убирайся, — прошипел он нарушительнице спокойствия.

Та неловко перекатилась с колен на зад.

— Я вызову сержанта! — Охранник поглядывал на простолюдинку уже с опаской. — Ее сию минуту уберут.

— Погодите-ка, — остановил его Майлз.

Женщина смотрела на Майлза снизу вверх и, судя по всему, не знала — радоваться или печалиться его появлению. По тому, что на нем надето, никак нельзя было догадаться об общественном статусе Майлза. Ну а все остальное было видно яснее некуда. Молодой человек вздернул подбородок и невесело улыбнулся. Слишком крупная голова, слишком короткая шея, утолщенная неровным позвоночником спина, кривые ноги, на которых сверкают хромом подпорки экзоскелета. Если бы горянка встала, его макушка едва достала бы ей до плеча. Майлз со скукой ждал, когда рука женщины сделает ритуальный жест, защищающий от сглаза и мутаций, но она только вздрогнула и сжалась.

— Мне надо видеть милорда графа. — Женщина обращалась к кому-то между Майлзом и охранником. — Это мое право. Мой отец погиб в армии.

— Премьер-министр граф Форкосиган, — чопорно заявил капрал, — прибыл в свое загородное поместье на отдых. Если бы он собрался заняться делами, то уехал бы в Форбарр-Султан.

При воспоминании о столице его глаза подернулись ностальгической грустью.

Женщина воспользовалась паузой:

— Ты всего лишь горожанин, а он мой граф. Я имею право.

— Зачем тебе надо видеть графа Форкосигана? — терпеливо спросил Майлз.

— Убийство! — воскликнула женщина. — Я хочу сообщить об убийстве.

— Разве не полагается сначала сообщить об этом своему деревенскому старосте? — спросил Майлз, жестом успокаивая дернувшегo было охранника.

— Я ему сказала. Но он ничего не желает слушать. — Ее голос сорвался от бессильной ярости. — Он говорит: сделанного не поправишь. И не хочет записывать мое обвинение, говорит, это чепуха. Только прибавит всем неприятностей, говорит. А мне все равно! Мне нужна справедливость!

В этой части родовых владений графа Форкосигана был всего один сильно перегруженный судья, который появлялся в деревне Форкосиган-Сюрло лишь раз в месяц на выездных заседаниях. Какие-либо инциденты были здесь большой редкостью, поскольку территория вокруг загородного поместья премьер-министра кишела охранниками, особенно когда здесь находился сам граф, и преступники предпочитали нарушать спокойствие где-нибудь подальше.

— Досмотрите ее и впустите, — приказал Майлз. — Под мою ответственность. Эта женщина имеет право апеллировать к графскому правосудию.

Охранник принадлежал к элитному подразделению службы безопасности и был приучен видеть возможного убийцу даже в собственной тени. Понизив голос, он попытался спорить:

— Сэр, если я позволю всем деревенским психам бродить по поместью, где им

вздумается...

— Я ее провожу.

Столичный цербер беспомощно пожал плечами, но отдавать честь не стал: в конце концов Майлз был не в мундире. Капрал снял с пояса сканер и демонстративно подверг женщину досмотру — возможно, он даже приказал бы ей раздеться, если бы не присутствие Майлза. Наконец, доказав всему свету, какой он бдительный, сознательный и преданный, капрал приложил ладонь к замку ворот, ввел в компьютер все данные (включая снимок сетчатки глаз посетительницы) и картинно вытянулся в струнку. Майлз усмехнулся и, взяв оборванную женщину за локоть, повел ее через ворота и вверх по извилистой дорожке.

Горянка постаралась сразу же освободиться от его руки, но от суеверного жеста все-таки снова удержалась — только смотрела на Майлза со странно жадным любопытством. Было время, когда такое откровенное разглядывание заставило бы Майлза заскрипеть зубами, но теперь он воспринимал его невозмутимо, даже с насмешкой. Они еще научатся. Они привыкнут.

— Ты служишь графу Форкосигану, человечек? — осторожно спросила женщина.

Майлз на секунду задумался над ее вопросом, потом кивнул.

В конце концов это соответствовало истине практически во всех смыслах, за исключением того, который имела в виду собеседница. Майлза так и подмывало сказать, что он — придворный шут, но он сдержался. Судя по виду женщины, у нее неприятности гораздо крупнее его собственных.

Видимо, горянка была не слишком уверена в своих правах, хотя и упорствовала там, у ворот; но сейчас, по мере приближения к цели, ее все сильнее охватывала паника.

— Как... как мне обратиться к графу? — выдавила наконец она. — Надо сделать книксен?

Женщина осмотрела себя, словно впервые заметив, какая она потная, грязная и растрепанная.

«Стань на колени и стукнись три раза лбом об пол, а потом говори — так всегда делают в Главном штабе». Вместо этого Майлз сказал:

— Просто стой прямо и говори правду. Старайся говорить ясно. Граф все поймет. В конце концов, — у Майлза чуть изогнулись губы, — опыта ему не занимать.

Женщина с трудом сглотнула.

Сто лет тому назад нынешняя резиденция Форкосиганов была баракком охраны, неприметным строением вблизи огромного замка, воздвигнутого на холме над деревней Форкосиган-Сюрло. Теперь от замка остались выгоревшие развалины, а барак превратился в удобное низкое каменное здание, неоднократно модернизированное, окруженное старательно ухоженным парком. Цветущие вьюнки заплели фасад снизу доверху. Прежние амбразуры расширили до размера огромных окон, и теперь оттуда открывался прекрасный вид на озеро. Крыша щетинилась антеннами. Ниже по склону, за деревьями, пряталось новое помещение охраны, но амбразур в нем не было.

Когда Майлз и его странная спутница подошли к дому, из парадной двери появился человек в коричнево-серебряной ливрее. Это был новый слуга. Как же его зовут?.. Пим, вот как.

— Где милорд граф? — обратился к нему Майлз.

— В верхнем павильоне, завтракают с миледи.

Взглянув на поселянку, Пим застыл в позе вежливого вопроса.

— Вот как... Ну ладно, эта женщина шла четыре дня, чтобы подать жалобу окружному судье. Его нет, но зато граф здесь. Так что она решила обойтись без посредников и обратиться прямо к начальству. Отведи ее к графу, хорошо?

— Во время завтрака? — спросил Пим.

Майлз склонил голову набок и обратился к женщине:

— Ты завтракала?

Та отрицательно помотала головой.

— Так я и думал. — Майлз вытянул руки с открытыми ладонями в знак того, что поручает ее заботам слуги. — Да, прямо сейчас.

— Мой отец, он погиб на службе, — чуть слышно повторила женщина. — Это мое право.

Похоже, этими словами она старалась убедить не столько других, сколько себя.

Пим был хоть и не горцем, но все же человеком местным.

— Пусть будет по-вашему, — вздохнул он и без долгих слов сделал женщине знак следовать за ним. С расширившимися от страха глазами горянка поплелась за слугой, то и дело оглядываясь на Майлза:

— Человечек?..

— Просто стой прямо! — крикнул он ей.

Проводив их взглядом до угла, Майлз ухмыльнулся и, перешагивая через две ступени, поспешил к парадному входу в резиденцию.

Побрившись и приняв холодный душ, Майлз оделся в своей комнате, окна которой выходили на озеро. Одевался он очень тщательно — не менее тщательно, чем два дня назад, собираясь на выпускной вечер академии и императорский парад. Чистое белье, кремовая рубашка с длинными рукавами, темно-зеленые брюки с лампасами. Зеленый мундир с высоким воротником, пошитый специально на его неловкую фигуру. На воротнике красовались ромбы младшего лейтенанта. Сняв ножной экзоскелет, Майлз натянул блестящие сапоги до колен и пижамой смахнул с них пыль. Пижамы подвернулась под руку, потому что перед тем, как идти купаться, Майлз сбросил ее на пол.

Выпрямившись, он осмотрел себя в зеркале. Темные волосы еще не отрасли после стрижки к церемонии выпуска. Бледное лицо с резкими чертами, мешков под глазами почти не видно, да и сами глаза почти не покраснели — увы, недостаточная выносливость к спиртному заставила Майлза прекратить празднование задолго до того, как оно могло бы серьезно отразиться на его внешности.

В голове молодого человека еще звучали отголоски выпускной церемонии, и он радостно ухмыльнулся. Вот и он начал свою карьеру, крепко уцепился за первую перекладину самой высокой на Барраяре служебной лестницы — Имперской службы. Там не было поблажек даже для сыновей старейших форов — ты получаешь только то, что заслужил. Пусть посторонние сомневаются, но собратья-офицеры это знают точно. Наконец-то Майлз сможет показать всем сомневающимся, чего он стоит. Вперед и вверх, без оглядки на прошлое!

Но сейчас еще предстояло бросить последний взгляд назад. Так же тщательно, как он только что одевался, Майлз собрал все необходимое. Белые матерчатые нашивки кадета академии. Каллиграфическая копия его нового офицерского патента, заказанная специально для этой цели. Копия зачетной ведомости за все три года академии со всеми похвальными отзывами и выговорами. В это утро нет смысла кривить душой. На первом этаже в шкафу Майлз нашел медную курильницу и треножник, бережно завернутые в ткань, и пластиковый пакет с сухой корой можжевельника. Так, теперь химические зажигательные палочки.

Он выскользнул из дома через черный ход и пошел наверх по холму. Вскоре тропинка раздвоилась: правая шла к павильону на вершине холма, левая — вдоль склона к окруженной невысокой оградой площадке. Майлз толкнул калитку.

— Доброе утро, сумасшедшие предки! — крикнул он, потом посерьезнел.

Пройдя между могилами, Майлз нашел ту, которая была ему нужна, опустился на колени и установил треножник с курильницей. На надгробии было высечено только «Генерал граф Петер Форкосиган» — и даты. Если бы камнерезы попытались записать все его награды и подвиги, им пришлось бы перейти на микрошрифт.

Майлз уложил в курильницу кору, выстраданные тяжким трудом бумаги, нашивки кадета и прядь своих темных волос, сбереженную после последней стрижки. Он поджег все это и, усевшись на пятки, стал смотреть на пламя. В течение долгих лет он сотни раз

представлял себе эту минуту во множестве вариантов — начиная от торжественных речей до танца нагишом на могиле старика. Кончилось тем, что он выбрал традиционную церемонию, без всяких выкрутасов. Все между ними двоими, и никого постороннего.

— Ну вот, дедушка, — провозгласил наконец Майлз, — вот мы и здесь. Теперь ты доволен?

Позади остались суматоха выпускных церемоний, сумасшедшие усилия последних трех лет, нервотрепка и боль... Они вели к этой минуте — но могила молчала, не сказала ему: «Молодец. Теперь можешь успокоиться». Пепел не составил букв послания, в поднимающемся к небу дыме не возникли видения. Огонь очень быстро догорел. Наверное, слишком мало топлива.

Окруженный солнечным светом и тишиной, Майлз встал и отряхнул колени. Так чего же он ждал? Аплодисментов? Почему он оказался здесь? Он осуществляет мечты мертвого старика... Кому вообще нужна эта Служба? Деду? Ему самому? Чахлому императору Грегору? Да какая разница?

— Ну, старик, — прошептал Майлз, а потом вдруг крикнул: — Ты наконец доволен?

Над кладбищем разнеслось эхо.

За спиной у него кто-то откашлялся. Майлз подпрыгнул как ошпаренный и обернулся. Сердце у него бешено колотилось.

— Э-э... милорд? — осторожно проговорил Пим. — Извините, я не хотел мешать... Но граф, ваш отец, просят вас прийти в верхний павильон.

Лицо слуги оставалось совершенно невозмутимым. Майлз сглотнул, выжидая, когда поблекнет яркая краска, залившая его щеки.

— Хорошо. — Он пожал плечами. — Огонь почти догорел. Я попозже все приберу. Не... разрешай никому к этому прикасаться.

Он прошествовал мимо Пима и не стал оборачиваться.

Павильон был легкой постройкой из старого серебристого дерева, открытой со всех четырех сторон. С запада тянул ветерок, и Майлз подумал, что после полудня можно будет покататься на яхте. Осталось только десять дней драгоценного отпуска, а ему так много всего хотелось — в том числе съездить в Форбарр-Султан с кузеном Айвеном, чтобы выбрать новый легкий флайер. А потом он получит свое первое назначение. Он с трудом справился с искушением попросить отца сделать так, чтобы это обязательно было направлением на корабль. Конечно, Майлз с благодарностью примет любое назначение, какое пошлет ему судьба — таковы правила игры, и он постарается выиграть с любыми доставшимися ему картами.

В павильоне было сумрачно и прохладно. Здесь стояли удобные старые кресла и столы, на одном из которых виднелись остатки обильного завтрака. Майлз заметил два одиноких пончика на полном крошек подносе и уже мысленно предназначил их для собственного употребления. Мать как раз допивала последнюю чашку чая. Она улыбнулась сыну через стол.

Отец, одетый в рубашку с открытым воротом и шорты, уже позавтракал и перебрался в потрепанное кресло. Эйрел Форкосиган был коренастым седовласым мужчиной с тяжелым подбородком, густыми бровями и шрамом на нижней челюсти. Такое лицо очень удобно для недоброго шаржа — Майлз повидал немало таких карикатур в печати оппозиции и в памфлетах противников Барраяра. Достаточно было изменить только одну деталь — сделать тусклыми эти яркие пронизательные глаза, — и получалась типичная пародия на военного диктатора.

«Как сильно не дает ему покоя дед? — гадал Майлз. — Внешне почти ничего не заметно. Но в конце концов это и не должно быть заметно. Адмирал Эйрел Форкосиган, непревзойденный стратег космического боя, покоритель Комарры, герой Эскобара, в течение шестнадцати лет был регентом империи и верховным властителем Барраяра, хотя и не носил императорского титула. А потом нарушил все предсказания и снискал себе неувядаемую

славу, добровольно передав власть достигшему совершеннолетия императору Грегору. Так что жизнь адмирала Эйрела затмевала даже достижения генерала Петера...»

И с чем теперь остался младший лейтенант Майлз? С двумя двойками и джокером. Надо или сдаваться, или блефовать по-черному...

Горянка сидела на низенькой скамеечке, держа в руке недоеденный пончик. Утратив дар речи, она уставилась на Майлза во всем его великолепии. Когда молодой человек поймал ее взгляд, губы женщины сжались, а глаза вспыхнули. Выражение ее лица показалось ему каким-то странным. Что это — гнев, радость, смущение, ликование или какая-то непонятная смесь всех этих чувств? «За кого ты меня приняла, женщина?»

Поскольку Майлз был в мундире, он встал перед отцом навытяжку.

— Сэр?

Граф Форкосиган обратился к женщине:

— Это мой сын. Если я пошлю его в качестве моего Голоса, тебя это удовлетворит?

— Ох, — выдохнула она и тут же расплылась в непонятной яростной улыбке. — О да, милорд!

— Прекрасно! Пусть будет так!

«Что будет?» — встревоженно подумал Майлз.

Граф с довольным видом откинулся в кресле, но сощуренные глаза говорили, что он не на шутку рассержен. Однако гнев его направлен не против этой женщины (они явно в чем-то согласны) и — Майлз быстро проверил себя — не на собственного отпрыска. Молодой человек негромко кашлянул, склонил голову набок и вопросительно улыбнулся.

Граф сдвинул кончики пальцев и наконец обратился к сыну:

— Очень интересное дело. Теперь я понимаю, почему ты послал ее сюда.

— О да, — дипломатично произнес Майлз. На что это он напоролся? Он просто помог ей пройти мимо охранника, это был порыв донкихотства — и еще наивное желание подразнить отца за завтраком...

Брови графа Форкосигана поползли вверх.

— Ты не знал?

— Она говорила об убийстве и о равнодушии местных властей. Я решил, что ты отправишь ее к судье...

Граф еще глубже вжался в кресло и задумчиво потер шрам на подбородке.

— Это дело об убийстве ребенка.

У Майлза все внутри похолодело. «Я не хочу с этим связываться! Ну, теперь понятно, почему у нее при таких грудях не было младенца».

— О таких случаях властям почти никогда не сообщают. Мы уже больше двадцати лет воюем против старых обычаев, — продолжал граф. — Пропаганда, просвещение... В городах прогресс немалый.

— В городах, — вполголоса произнесла графиня, — у людей есть альтернативные выходы.

— Да. Но в захолустье почти ничего не изменилось. Мы знаем, что происходит, но без доклада, без жалобы... А семья обычно защищает своих... Уцепиться не за что.

— А какая, — Майлз снова откашлялся и кивнул женщине, — была мутация у твоего ребенка?

— Кошачий рот. — Женщина ткнула себе в губу. — Сосала она плохо — захлебывалась и плакала, но молока ей хватало, хватало!

— Заячья губа. — Графиня Форкосиган, родившаяся на Колонии Бета, перевела барраярское название на общепринятый галактический язык. — И похоже, несращение нёба. Харра, это даже не мутация. Это даже на Старой Земле встречалось. Э-э... Нормальный врожденный дефект, если можно так выразиться. Это не наказание за то, что твои барраярские предки прошли через Огонь. Простой операции было бы достаточно...

Графиня замолчала. На лице горянки отразилась душевная мука.

— Я слышала, — сказала она, — милорд построил в Хассадаре больницу. Я собиралась

отнести девочку туда, когда немного окрепну, хотя денег у меня не было. Ручки и ножки у нее были здоровенькие, все это видели... — Голос у женщины сорвался. — Но Лэм успел ее убить.

Майлз прикинул: неделя ходьбы из Дендарийских гор к долинному городу Хассадару. Понятно, что сразу после родов такой переход был ей не по силам. А флайеру всего час лету...

— Итак, мы получили заявление об убийстве, — сказал граф Форкосиган, — и нам предстоит разобрать дело. Это дает законный повод обратиться с посланием к самым отдаленным уголкам наших владений. Ты, Майлз, будешь моим Голосом, который прозвучит там, где не звучал еще никогда. Ты осуществишь графское правосудие — и не тайком. Пора покончить с обычаями, выставляющими нас дикарями в глазах всей галактики.

Майлз с трудом сглотнул.

— А разве местный судья не больше подходит...

Граф чуть улыбнулся:

— Для этого дела лучше тебя никого не найдешь.

Посланник и послание в одном лице! Как бы Майлзу сейчас хотелось оказаться не здесь — где угодно, но не здесь! Уж лучше снова обливаться кровавым потом на выпускных экзаменах. Он с трудом подавил непристойный вопль: «Мой отпуск!» Но теперь отнекиваться поздно...

Майлз почесал затылок:

— Кто... э-э... кто же убил твою девочку?

«Кого это я должен схватить и поставить к стенке?»

— Мой муж, — без всякого выражения проговорила женщина, уставившись на отполированные серебристые доски пола.

«Так я и знал, что история получится некрасивая...»

— Она все плакала и плакала, — монотонно говорила женщина, — и никак не засыпала, ведь сосала-то она плохо... А он заорал, дескать, заставь ее замолчать...

— И тогда? — подсказал Майлз, которого уже начинало тошнить.

— Он обругал меня и пошел спать к своей матери. Он сказал, по крайней мере там работник может поспать. Я-то ведь тоже не спала...

Похоже, парень что надо. Майлз представил себе огромного полудикого горца, привыкшего помыкать женой... Но в развязке явно чего-то недоставало.

Граф тоже это заметил. Он слушал внимательно, как на совещании в генштабе: тело расслаблено, веки опущены, так что можно подумать, будто он задремал. Однако такое предположение было бы серьезной ошибкой.

— Ты сама все видела? — спросил он обманчиво мягким тоном, заставившим Майлза насторожиться. — Ты действительно видела, как он ее убил?

— Утром я нашла ее мертвой, милорд.

— Ты вошла в спальню... — подсказал граф Форкосиган.

— У нас только одна комната. — Женщина посмотрела на него так, словно впервые усомнилась в графском всеведении. — Она заснула, заснула наконец. Я пошла набрать немного блестяники, вверх по лощине. А когда вернулась... Мне надо было взять ее с собой, но я так радовалась, что она наконец-то заснула, я не хотела ее будить... — Из крепко зажмуренных глаз женщины потекли слезы. — Я не стала ее будить, когда вернулась. Я решила поесть и отдохнуть, но у меня набралось молоко, — она прикоснулась к груди, — и я пошла к колыбели...

— И что, на девочке не было никаких отметин? Горло не перерезано? — спросил граф. Так обычно совершались убийства младенцев в захолустье — быстро и надежно, не то что, например, переохлаждение.

Женщина покачала головой:

— По-моему, ее задушили подушкой, милорд. Жестоко, это было так жестоко! А наш староста говорит, что я сама ее заснула. И не захотел принять мою жалобу на Лэма. Не

заспала я ее, не заспала! У нее была собственная колыбелька. Лэм смастерил ее, когда моя дочка еще была у меня в животе...

Женщина была близка к истерике.

Граф обменялся взглядом с женой и чуть наклонил голову. Графиня Форкосиган легко встала.

— Харра, давай спустимся вниз. Тебе надо умыться и отдохнуть, а потом Майлз отвезет тебя домой.

Горянка была совершенно ошарашена:

— Но не в ваших же покоях, миледи!

— Извини, другого помещения у меня здесь нет. Если не считать казармы. Охранники — хорошие парни, но они будут тебя стесняться...

С этими словами графиня увела ее.

— Ясно, — сказал граф Форкосиган, как только женщины отошли достаточно далеко и уже не слышали его слов, — что тебе сначала надо будет проверить медицинские факты, и уже только потом... орудовать. И я надеюсь, ты обратил внимание на небольшую проблему с установлением личности преступника. Этот прецедент может оказаться идеальным для публичного правосудия, но только в том случае, если все совершенно ясно. Хватит действовать втихомолку.

— Я не могу делать медицинских заключений, — поспешно напомнил Майлз. Может, еще удастся отговориться...

— Конечно. Ты возьмешь с собой доктора Ди.

Лейтенант Ди был помощником личного врача премьер-министра, и Майлз был с ним немного знаком. Этот честолобивый молодой медик постоянно находился в состоянии глубочайшей досады, поскольку его начальник не позволял ему прикасаться к столь важному пациенту... «О, Ди будет в восторге от такого задания», — мрачно решил Майлз.

— Он может прихватить и оборудование для лечения переломов, — добавил граф, немного оживившись. — На всякий случай.

— Какая предусмотрительность! — отозвался Майлз, трагически закатывая глаза. — Послушай, э-э... А вдруг все подтвердится и мы прищучим этого парня. Я что, должен лично...

— Один из наших слуг будет твоим телохранителем. И если потребуется, выполнит работу палача.

Что ж, подумал Майлз, и на том спасибо.

— А мы не можем дожждаться судьбы?

— Любое решение, которое принимает судья, принимается от моего имени. Когда-нибудь оно будет приниматься от твоего имени. Пора тебе узнать, как это происходит на практике. И хотя исторически форы появились как каста военных, обязанности лорда-форы никогда не ограничивались только военной службой.

Выхода нет. Проклятие, проклятие! Майлз вздохнул.

— Ладно. Хорошо... На флайере мы доберемся туда часа за два. Вероятно, придется еще поискать эту дыру... Свалимся на них с неба, соберем народ и учиним суд и расправу... Домой вернемся к ночи.

«Поскорее бы покончить с этим».

Граф опять прищурился.

— Нет, — медленно проговорил он, — не на флайере.

— Но в горах наземная машина не пройдет! — запротестовал Майлз. — Там нет дорог, только тропы. Не думаю, что наша прогулка пешком укрепит уважение горцев к закону и власти.

Отец взглянул на свежайшую офицерскую форму Майлза и чуть улыбнулся:

— Ну, пока у тебя неплохо получались марш-броски.

— Но представь себе, как я буду выглядеть после трех-четырех дней в полевых условиях! Ты не видел нас после маршей. И не нюхал.

— Я тоже через это прошел, — сухо ответил адмирал. — Но ты совершенно прав. Не пешком. У меня есть идея получше.

«Мой собственный кавалерийский эскадрон, — с иронией подумал Майлз, — точь-в-точь как у деда». Вообще-то он был уверен, что у старика нашлось бы немало язвительных замечаний относительно всадников, следовавших за Майлзом по лесной дороге, — дед высказал бы их после того, как отсмеялся при виде их посадки. Со смертью старика конюшни Форкосиганов захирели: лошади для поло проданы, немногих породистых (и норовистых) скакунов пустили пастись на свободе. Несколько верховых лошадей сохранили за уверенный шаг и добрый нрав, чтобы при желании ими могли воспользоваться редкие гости. За лошадьми ухаживали девчонки из деревни.

Майлз подобрал поводья, напряг ногу, и Толстый Дурачок, выполнив аккуратный полуповорот, сделал два шага назад. Даже самый несведущий горожанин не принял бы этого приземистого чалого конька за горячего скакуна, но Майлз обожал его — за темные влажные глаза, широкий бархатистый нос, флегматичный нрав, который не тревожили ни бурные потоки, ни сигналы флайеров, но больше всего — за дивное послушание. Просто побыв с ним рядом, человек становился спокойнее — он снимал все отрицательные эмоции, как мурлыкающая кошка.

Майлз потрепал Толстого Дурачка по холке.

— Если кто-нибудь спросит, — пробормотал он, — я скажу, что тебя зовут Верховный Вождь.

Толстый Дурачок повел мохнатым ухом и шумно вздохнул.

К странной процессии, которую сейчас возглавлял Майлз, немалое отношение имел его дед. Великий генерал всю свою юность партизанил в этих горах. Здесь он остановил цетагандийских завоевателей, а позднее заставил их ретироваться. Правда, контрабандные самонаводящиеся зенитные установки, ценой страшных жертв доставленные на планету, способствовали этой победе гораздо больше, чем кавалерия. Дед признавался, что кавалерийские лошади спасли его армию во время самой жестокой военной зимы главным образом благодаря тому, что их можно было есть. Но дух романтики сделал лошадь символом героических походов Петера Форкосигана.

Впрочем, Майлз считал, что отец излишне оптимистичен, полагая, будто слава старика может защитить семью от любых невзгод. Тайники и лагеря партизан давно превратились в заросшие лесом холмы. Да, черт подери, именно лесом, а не бурьяном или там кустарником. А люди, которые воевали под командой деда, давно легли в землю. Что здесь делать Майлзу? Его судьба — космические корабли, скачки к далеким мирам сквозь п-в-туннели...

Размышления юноши прервала лошадь доктора Ди: ей не понравилась лежавшая поперек тропы ветка, и она, захрапев, резко остановилась. Доктор Ди с жалобным возгласом свалился на землю.

— Не бросайте поводья! — крикнул Майлз, заставив Толстого Дурачка попятиться.

Ди уже неплохо научился падать: на этот раз он приземлился почти на ноги. Доктор попробовал ухватиться за болтающиеся поводья, но соловая кобылка отпрянула в сторону. Почуввав свободу, она помчалась по тропе, лихо распустив хвост, что на лошадином языке означало: «Не поймаешь, не поймаешь!» Разозлившийся и покрасневший доктор Ди с проклятиями кинулся за ней. Соловая тут же пустилась рысью.

— Нет-нет, не бегите! — крикнул Майлз.

— Как же, к дьяволу, я ее поймаю, если не побегу за ней? — огрызнулся Ди. — На этом чертовом животном осталась моя аптечка!

— А как, по-вашему, вы ее поймаете, если будете за ней гоняться? — спросил Майлз. — Она гораздо быстрее вас.

Тем временем Пим, замыкавший их маленький отряд, развернул свою лошадь поперек тропы и загородил путь беглянке. Но та разгадала его маневр и свернула в сторону.

— Не суетись, Харра, — посоветовал Майлз, заметив беспокойство своей спутницы, и Харра Журик покорно ссутулилась на лошади, не мешая той идти как хочет. Она полагалась

на равновесие и не пыталась пользоваться поводьями, в отличие от невезучего Ди. Замыкавший цепочку Пим держался в седле вполне уверенно, хотя и без удовольствия.

Майлз пустил Толстого Дурачка шагом вслед за сбежавшей кобылкой. «Я совсем не собираюсь тебя ловить. Мы просто наслаждаемся пейзажем. Вот так, а теперь остановимся перекусить». Соловая, отбежав, принялась пощипывать травку, но продолжала косить глазом на приближающегося Майлза.

Остановившись достаточно далеко, чтобы не возбудить ее опасений, Майлз спешился и, не обращая внимания на беглянку, начал демонстративно шарить по карманам. Толстый Дурачок нетерпеливо подтолкнул хозяина мордой, и тот, ласково приговаривая, дал ему кусок сахара. Кобылка заинтересованно подняла уши. Толстый Дурачок причмокнул и снова подтолкнул Майлза, прося добавки. Кобылка подошла и зафыркала, требуя своей доли. Она сняла губами кусок сахара с ладони Майлза, а молодой человек тем временем тихо взял поводья.

— Ну вот, доктор Ди, получайте вашу лошадь. И никакой беготни.

— Нечестно, — пропыхтел Ди, рысцой подбегая к Майлзу. — У вас в кармане был сахар.

— Конечно, у меня в кармане был сахар. Это называется предусмотрительностью и планированием. Секрет обращения с лошадьми: не пытайтесь быть быстрее лошади или сильнее ее. Этим вы противопоставляете свои слабости ее сильным сторонам. Весь фокус в том, чтобы быть умнее лошади. Тогда мы противопоставляем ее слабости нашу сильную сторону. Не так ли?

Ди принял поводья и подозрительно оглядел свою животину.

— Она надо мной смеется.

— Это называется ржать, а не смеяться, — ухмыльнулся Майлз.

Он похлопал Толстого Дурачка по крупу, и тот послушно опустил на одно колено. Майлз легко вдел ногу в стремя.

— А моя это делает? — спросил доктор Ди, зачарованно наблюдая за ним.

— К сожалению, нет.

Ди сердито нахмурился.

— Это животное — настоящий дебил. Уж лучше я его поведу.

Толстый Дурачок встал, а Майлз с трудом удержался от едкого замечания в духе деда: «Будьте умнее лошади, Ди». Хотя доктор на время расследования был официально подчинен Майлзу, космоврач лейтенант Ди был чином выше младшего лейтенанта Форкосигана. Чтобы командовать тем, кто старше тебя и по возрасту, и по воинскому званию, требуется определенный такт.

Дорога стала чуть шире — здесь по ней вывозили лес, — и Майлз поехал рядом с Харрой Журик. Ее вчерашняя решимость, казалось, по мере приближения к дому, убывала. Или, может быть, бедняжка просто вымоталась: утром она почти все время молчала, а после полудня вообще как язык проглотила. Если эта женщина утянет его за тридевять земель, а потом скиснет...

— Где именно служил твой отец, Харра? — попытался разговорить горянку Майлз.

Женщина принялась расчесывать пальцами волосы, но ее жест свидетельствовал, скорее, о волнении, чем о желании покрасоваться. Сквозь эти спутанные пряди соломенного цвета Харра смотрела на него, как пугливый зверек из-за живой изгороди.

— В ополчении, милорд. Я его совсем не помню, он погиб, когда я была еще маленькая.

— В бою?

Харра кивнула.

— В столице, в беспорядках во время восстания самозванца Фордариана.

Майлз не стал спрашивать, на чьей стороне воевал ее отец: у большинства рядовых выбора не было, а императорская амнистия касалась не только тех, кто уцелел, но и погибших.

— А у тебя есть братья или сестры?

— Нет, милорд. Остались только мы с матерью.

Напряжение чуть отпустило Майлза. Если его приговор действительно приведет к казни, то один неверный шаг может вызвать кровную вражду между семьями. Отец наверняка не хотел бы, чтобы правосудие привело к такому результату. Значит, чем меньше заинтересованных лиц, тем лучше.

— А в семье твоего мужа?

— У него семеро — четыре брата и три сестры.

— Гм.

Майлз на мгновение представил целую ораву огромных разгневанных горцев. Он невольно оглянулся на Пима: для выполнения задания явно не хватает сил. Майлз уже говорил об этом отцу, когда они вчера вечером планировали экспедицию.

— Тебя поддержит деревенский староста и его помощники, — сказал граф. — Так же, как они помогают судье, когда тот приезжает на выездное заседание.

— А если они не захотят мне помогать? — тревожно спросил Майлз.

— Офицер, собирающийся командовать войсками императора, — сверкнул глазами граф Форкосиган, — должен сообразить, как добиться поддержки от сельского старосты.

Иначе говоря, премьер-министр решил, что это предприятие будет хорошим испытанием для сына, и отказывался подсказывать ему возможные варианты выхода из идиотского положения. «Спасибо, папочка».

— А у вас нет братьев и сестер, милорд? — спросила Харра, и Майлз сразу же вернулся в настоящее.

— Нет. Но ведь это наверняка известно всем даже в вашем захолустье.

— О вас много чего говорят, — пожала плечами Харра.

Майлз закусил вопрос зубами, как ломтик лимона. Он не спросит, не спросит... Нет, ничего не поделаешь.

— А что, например? — процедил он.

— Все знают, что сын графа — мутант. — Во взгляде женщины мелькнул вызов. — Некоторые говорят, что это из-за инопланетянки, на которой граф женился, а еще, мол, от радиации во время боев, или из-за... того, что в юности он развратничал с другими офицерами...

Последняя версия была для Майлза полной неожиданностью.

— ...но большинство думает, что его отравили враги.

— Я рад, что большинство не ошибается. На отца устроили покушение с помощью газообразного солтоксина, как раз когда мать была мною беременна. Но это не...

«Не мутация, — пошла по знакомой дорожке его мысль. — Сколько раз я уже это объяснял? Это дефект развития, а не генетическое уродство, я не мутант, не...» Но какое значение имеет эта биохимическая тонкость для невежественной женщины, только что потерявшей ребенка? Для нее он все равно мутант.

— Это не важно, — закончил Майлз.

Харра искоса посмотрела на него.

— А еще люди говорят, что вы родились без ног и живете в особняке Форкосиганов в летающем кресле. А некоторые даже утверждают, что вы родились без костей...

— И надо полагать, меня держат в стеклянной банке в подвале, — пробормотал юноша.

— Но Кейрел рассказывал, как видел вас с дедом на Хассадарской ярмарке, и что вы просто больной и недоросток. И еще говорили, будто отец устроил вас на Службу, а другие спорили, что вы улетели на планету матери и там ваш мозг превратили в компьютер, а тело кормят через трубочки, погрузив в жидкость.

— Я так и знал, что где-нибудь да появится банка с жидкостью, — поморщился Майлз.

«А еще ты знал, что пожалеешь о своем вопросе — и все-таки его задал». Ему вдруг показалось, что Харра намеренно дразнит его. Да как она посмела!.. Но веселья на лице женщины было не заметно, только напряженное внимание.

Она рискнула очень, очень многим, придя к своему сюзерену с известием об убийстве — вопреки воле семьи и местных властей, вопреки обычаям. И кого же граф дал ей в качестве защиты и поддержки против гнева всех ее близких? Калеку, выродка! Справится ли он? Конечно, Харра сомневается и тревожится. Вдруг он все испортит, сдастся и убежит, оставив ее одну расхлебывать бурю ярости и мщения?

Майлз уже жалел, что не оставил ее плакать у ворот.

Лес — плод многолетних усилий терраформистов — вдруг кончился, уступив место заросшей бурым кустарником долине — исконно барраярскому пейзажу. Посреди долины вилась какая-то непонятная зелено-розовая лента; когда они подъехали ближе, Майлз с изумлением понял, что это — дикие розы. Настоящие земные розы. Тропа нырнула в их благоуханные заросли и исчезла.

Теперь Майлз и Пим по очереди прорубали дорогу своими армейскими ножами. Ветви у роз были мощными, утыканными толстыми шипами; они с успехом наносили людям упругие ответные удары. Толстый Дурачок помогал, как мог, срывая зубами цветы и радостно их жуя. Майлз не знал, опасно ли это: то, что растение не барраярское, еще не значит, что лошадь им не отравится. Отсасывая кровь из уколотого пальца, он размышлял о трудной экологической истории Барраяра.

Пятьдесят тысяч первопроходцев должны были стать только передовым отрядом колонизации планеты. Но внезапная гравитационная аномалия перекрыла пространственно-временной туннель, связь с Землей прервалась, а вместе с ней пошла прахом и тщательно спланированная программа освоения новой планеты. Привезенные с Земли растения и животные вышли из-под контроля и одичали; люди тоже сосредоточились на проблемах выживания. Биологи до сих пор горюют из-за массового исчезновения местных видов, эрозий, засух и наводнений, но на самом деле, решил Майлз, в течение многовекового Периода Изоляции виды обоих миров достигли равновесия. Если живая тварь плодится и покрывает землю, то какая разница, откуда она взялась?

«Мы все появились здесь случайно. Как розы».

Этой ночью путники разбили лагерь на вершине холма. Наутро они добрались до подножия настоящих гор и вышли за пределы тех мест, которые Майлз знал с детства. Теперь он часто сверял указания Харры со своей картой, сделанной по орбитальным съемкам. На закате второго дня они были уже всего в нескольких часах пути от цели. Харра уверяла, что сможет привести их туда до наступления темноты, но Майлзу не хотелось приезжать ночью в незнакомую деревню, где их встретят без всякой радости.

На рассвете он искупался в ручье и оделся в только что распакованную форму офицера императорской армии. На Пиме была коричневая с серебром ливрея Форкосиганов; на раскладном алюминиевом древке, упертом в стремя, он держал графский штандарт. Ди остался в своем черном полевом комбинезоне, но вид при этом у доктора все равно был смущенный. «Разряжены мы убийственно», — невесело подумал Майлз. Если во всем этом маскараде и был какой-то глубинный смысл, то Майлз его не улавливал.

Утро еще не кончилось, когда отряд остановил лошадей перед маленьким домиком на краю рощи сахарных кленов. Деревья, посаженные неизвестно когда, с годами взбирались все выше по склону, забрасывая вперед свои легкие семена. Горный воздух был прохладен и свеж. В зарослях сорняков копались куры; забитая тиной деревянная труба роняла капли воды в корыто.

Харра соскользнула с лошади, разгладила юбку и поднялась на крыльцо.

— Кейрел? — позвала она. Застыв в седле, Майлз с непреклонно-решительным видом дожидался первой встречи. Никогда не следует терять психологическое преимущество.

— Харра? Это ты? — откликнулся мужской голос. Распахнув дверь, староста выбежал из дома. — Где ты была, девочка? Мы тебя искали, думали, ты сломала себе шею где-нибудь в зарослях!.. — Тут он умолк, заметив трех неизвестных всадников.

— Ты отказался признать мое обвинение, Кейрел, — поспешно проговорила Харра.

Она нервно теребила свою юбку. — И я пошла к судье в Форкосиган-Сюрло, чтобы пожаловаться ему.

— Ах, девочка, — горестно вздохнул Кейрел, — как это глупо, как глупо...

Он покачал головой и тревожно посмотрел на приезжих. Это был лысеющий человек лет шестидесяти, загорелый, обветренный и грузный. Левая рука его заканчивалась культей — еще один ветеран.

— Староста Зерг Кейрел? — сурово заговорил Майлз. — Я — Голос графа Форкосигана. Мне поручено расследовать преступление, о котором заявила Харра Журик перед графским судом: убийство ее дочери, младенца Райны. Как староста Лесной Долины вы должны мне содействовать и помогать вершить графское правосудие.

Произнеся эту сакраментальную формулу, Майлз умолк, ожидая ответа. Толстый Дурачок фыркнул. Шитый серебром по коричневому фону штандарт негромко хлопал на ветру.

— Окружного судьи на месте не было, — вставила Харра, — но граф был.

Побледневший Кейрел пристально смотрел на Майлза. Наконец взяв себя в руки, он постарался встать навытяжку и отвесил неловкий поклон.

— Кто... кто вы, сэр?

— Лорд Майлз Форкосиган.

Кейрел зашевелил губами. Майлз не умел читать по губам, но был совершенно уверен, что староста в отчаянии беззвучно выругался.

— А это мой слуга сержант Пим и медицинский эксперт, лейтенант Имперской службы Ди.

— Вы сын милорда графа?

— Тот самый, единственный.

Майлзу уже надоела эта игра. Наверное, для первого впечатления достаточно. Он соскользнул с Дурачка и легко приземлился на носки. Кейрел изумленно смотрел на него сверху вниз. «Да, вот такой я низенький. Но подожди, милашка, увидишь, как я танцую!» Перекинув поводья через руку, Майлз шагнул прямо к корыту.

— Нам можно напоить здесь лошадей?

— Э-э... это для людей, милорд, — спохватился Кейрел. — Подождите, я принесу ведро.

Подтянув обвисшие брюки, он поспешно потрусил за дом. Наступила минута тишины, потом донесся голос старосты:

— Где у вас козье ведро, Зед?

Ему ответил другой голос, высокий и молодой:

— За поленницей, па.

Послышалось невнятное бормотание, и Кейрел притрусил обратно с помятым алюминиевым ведром, которое поставил у корыта. Он выбил затычку, и искристая струя чистой воды зазвенела о ведро. Толстый Дурачок шевельнул ушами и потерся тяжелой головой о Майлза, оставив на мундире рыжие с белым шерстинки и чуть не сбив хозяина с ног. Кейрел поднял глаза и улыбнулся лошади, но улыбка пропала, едва он перевел взгляд на ее хозяина. Пока Толстый Дурачок шумно пил, Майлз успел мельком заметить обладателя второго голоса — мальчишку лет двенадцати, улепетывавшего в кленовую рощу.

Майлз оставил Пима расседлывать и кормить животных, а сам прошел за Кейрелом в дом. Харра ни на шаг не отходила от Майлза, и доктор Ди со своим врачебным чемоданчиком тоже потащился за ним. Сапоги Майлза угрожающе протопали по дощатому полу.

— Жена вернется к вечеру, — сообщил староста, бесцельно бродя по комнате.

Майлз и Ди устроились на скамье, а Харра села на пол у выложенного булыжниками очага и обхватила руками колени.

— Я... я заварю чай, милорд.

И Кейрел бросился из дома наполнить чайник, прежде чем Майлз успел произнести:

«Нет, спасибо». Ладно, пусть успокоит нервы повседневными делами. Может, тогда удастся определить, насколько его смущение связано с присутствием высокопоставленных незнакомцев, а насколько — с чувством вины. К тому времени когда староста поставил полный чайник на уголья, он уже заметно лучше владел собой, поэтому Майлз решил приступить к делу.

— Я бы предпочел начать расследование немедленно. Полагаю, оно займет немного времени.

— Оно могло бы и вообще не начинаться, милорд. Младенец умер естественной смертью. На девочке не было никаких отметин. Она была слабенькая, у нее был кошачий рот и бог весть какие еще хвори. Она умерла во сне, по какой-нибудь случайности.

— Просто удивительно, — сухо заметил Майлз, — как часто подобные случайности происходят в этих краях. Мой отец, граф, тоже это отметил.

— Да-да, очень часто. И не стоило утруждать вас из-за такой безделицы. — Кейрел с досадой посмотрел на Харру, но женщина сидела молча и никак не реагировала на происходящее.

— Для меня это не составило труда, — невозмутимо ответил Майлз.

— Право, милорд, — понизил голос Кейрел, — по-моему, ребенка могли заспать. Неудивительно, если в своем горе Харра не хочет в этом признаться. Лэм Журик — хороший парень, хороший работник. На самом деле Харра никого не винит, просто ее рассудок на время помутился из-за несчастья.

Глаза Харры, поблескивавшие из-под копны светлых волос, стали ядовито-холодными.

— Да-да, я понимаю, — сочувственно произнес Майлз, и староста немного приободрился.

— Все еще будет в порядке, пускай только она потерпит, переживет свое горе. Пусть поговорит с беднягой Лэмом. Я уверен, что он не убивал младенца. Не надо ей сгоряча делать то, о чем потом пожалеешь.

— Понимаю, — Майлз позволил своему голосу стать ледяным, — почему Харра Журик сочла необходимым идти четыре дня, чтобы ее выслушали. Вы, похоже, удовлетворяетесь домыслами, староста Кейрел. А я приехал за фактами. Графское правосудие зиждется не на догадках, и у нас нынче не Период Изоляции. Даже в этом захолустье. Расследование начнется сейчас же. Мы не будем делать поспешных выводов, пока не собраны улики. Подтверждение вины или невиновности Лэма Журика прозвучит из его собственных уст под действием суперпентотала, который введет ему доктор Ди в присутствии двух свидетелей — я имею в виду вас и одного из жителей деревни по вашему выбору. Просто, быстро и чисто.

«И может быть, тогда я еще до заката смогу уехать из этой забытой богом дыры».

— Я требую, чтобы вы, староста, сейчас же отправились и привели Лэма Журика для допроса. Сержант Пим вам поможет.

Кейрел помедлил, наливая кипяток в большой коричневый заварочный чайник, и только после этого заговорил:

— Я-то повидал мир, милорд. Как-никак, двадцать лет был на Службе. Но большинство здешнего люда никогда не уезжали из Лесной Долины. Сыворотка истины для них все равно что колдовство. Они могут решить, что полученное таким путем признание — неправда.

— Тогда вы с вашим помощником скажете им, что они ошибаются. У нас сейчас не старое доброе время, когда признаний добивались пытками. Кроме того, если Лэм Журик невиновен, он оправдается, не так ли?

Кейрел неохотно отправился в соседнюю комнату и вышел оттуда, натягивая на себя выцветший мундир с капральскими нашивками. Пуговицы на животе у него уже не застегивались. Видимо, Кейрел хранил его для таких вот официальных случаев. На Баррааре люди отдают честь мундиру, а не тому, кто в нем, — следовательно, и возможное недовольство тоже падет на должность, а не на человека, волею судьбы занимающего ее. Майлз оценил этот нюанс.

Кейрел приостановился у двери и оглянулся на Харру, которая сидела у очага,

погрузившись в молчание и чуть покачиваясь.

— Милорд, я уже шестнадцать лет староста в Лесной Долине. За все это время никому не пришлось обращаться в суд — ни при споре о правах на воду, ни из-за краж скота, ни даже тогда, когда Нева обвинил Борса в древесном пиратстве, то есть, я хочу сказать, в сборе кленового сока с чужого участка. За все это время у нас ни разу не было кровной вражды.

— Я не собираюсь провоцировать кровную вражду, Кейрел. Я только хочу знать факты.

— В том-то и дело, милорд. Я теперь уже не так верю фактам, как прежде. Иногда от них больше вреда, чем пользы.

Похоже, староста готов был встать на голову, жонглируя кошками, лишь бы вынудить Майлза отступить. Интересно, насколько далеко может зайти его противодействие?

— Вашей деревне не будет дано ее собственного Периода Изоляции, — предостерегающим тоном произнес Майлз. — Сейчас правосудие распространяется на всех. Даже если они — маленькие и слабые. И даже если имеют какой-то дефект. И даже если не могут сами за себя постоять... Ступайте, староста!

Побледневший Кейрел все понял. Не пытаясь больше спорить, он рысцой припустил по тропинке, а за ним настороженно зашагал Пим, расстегивая на ходу кобуру парализатора.

Напившись чаю, Майлз походил по дому и все осмотрел, хотя ни к чему не прикасался. Очаг был единственным источником тепла, на нем готовили и подогревали воду для купания. Рядом стояла кованая раковина для мытья посуды: ее надо было наполнять вручную из стоявшего возле нее ведра с крышкой. Вода уходила через сливную трубу, присоединяясь к вытекавшему из корыта ручейку. Во второй комнате была спальня — тут стояли широкая кровать и сундуки с домашним скарбом. На чердаке лежало еще три матраса: должно быть, замеченный Майлзом мальчишка был не единственным ребенком в семье. В жилище старосты было тесно, но чисто, все вещи убраны по местам.

На боковом столике громоздились два радиоприемника: один — совсем древний, другой поновее, армейского образца. Старый был вскрыт — видимо, для починки или замены батарей. Еще Майлз обнаружил ящичек, полный всякого радиохлама. Похоже, староста Кейрел по совместительству исполнял обязанности деревенского радиста. Все совпадает. Наверное, они принимают передачи из Хассадара, может, даже мощные правительственные станции из столицы.

Конечно, электричества здесь нет, ведь энергоприемники спутниковой сети очень дороги. Со временем они, надо полагать, придут и сюда — некоторые столь же малочисленные, но экономически более развитые поселения уже ими обзавелись. А вот Лесная Долина застряла на уровне полуживотного существования и вынуждена дожидаться, когда спутников станет так много, что их начнут дарить. Ядерная бомба цетагандийцев, уничтожившая город Форкосиган-Вашнуй, отбросила весь этот край назад на многие годы...

Майлз вышел на крыльцо и облокотился на перила. Вернулся сын Кейрела. В дальнем конце двора стоял Толстый Дурачок; он развесил уши и похрюкивал от удовольствия, а ухмыляющийся мальчишка почесывал ему морду под уздечкой. Но вот младший Кейрел поднял глаза, увидел, что за ним наблюдает графский посланец, и кинулся наутек.

К Майлзу подошел доктор Ди.

— Их уже давно нет. Пора, наверное, доставать суперпентотал?

— Нет, лучше готовьте скальпели для вскрытия. По-моему, именно этим нам придется заниматься.

Ди пристально посмотрел на него:

— Я думал, вы отправили с ним Пима, чтобы произвести арест.

— Нельзя арестовать человека, которого нет на месте. Вы любите спорить, доктор? Хотите пари на марку, что они не приведут Журика? Нет, постойте... Возможно, я ошибся. Вон возвращаются трое...

По тропе шагали Кейрел, Пим и еще один мужчина: огромный, густобровый, угрюмый, с могучими руками и бычьей шеей.

— Харра, — окликнул Майлз, — это твой муж?

Выглядел он соответствующе, именно таким Майлз его себе и представлял. И еще четверо точно таких же братьев, только, наверное, еще здоровее...

Появившаяся рядом с ним Харра шумно вздохнула:

— Нет, милорд. Это Алекс, помощник старосты.

Кейрел остановился у крыльца и начал путано объяснять, почему он пришел без арестанта. Майлз оборвал его, подняв брови:

— Пим?

— Сбежал, милорд, — лаконично сказал тот. — Почти наверняка был предупрежден.

— Согласен.

Майлз хмуро глянул вниз, на Кейрела, который осмотрительно промолчал.

— Харра, где ваше кладбище?

— Вниз по ручью, милорд, в конце лощины. Примерно в двух километрах.

— Берите ваши вещи, доктор, мы пойдем прогуляться. Кейрел, несите лопату.

— Милорд, стоит ли нарушать покой мертвых... — начал было Кейрел.

— Стоит, стоит. В бланке следственного дела, который у меня с собой, есть графа для отчета о вскрытии. А я должен сдать это дело в суд, когда мы вернемся в Форкосиган-Сюрло. Кроме того, у меня есть разрешение ближайшего родственника — так, Харра?..

Та отупело кивнула.

— ...и есть два необходимых свидетеля: вы и ваш... (орангутанг!)... помощник. К нашим услугам врач и дневное освещение — если вы не собираетесь спорить до захода солнца. Единственное, чего нам не хватает, — это лопаты. Или вы готовы копать руками, Кейрел?

Голос Майлза звучал ровно и угрожающе.

Лысеющая голова старосты дернулась:

— По закону ближайшим родственником является отец, если он жив, а его... согласия... у вас нет.

— Кейрел, — оборвал его Майлз.

— Милорд?

— Могила, которую вы будете копать, может оказаться вашей собственной. Вы уже одной ногой в ней стоите.

— Я... принесу лопату, милорд.

День был теплый, золотистый и по-летнему спокойный. Лопата в руках дюжего помощника ритмично врезалась в землю. Внизу, под склоном, меж чистых обкатанных камней журчал ручей. Съежившись в стороне, Харра наблюдала за ними, молчаливая и угрюмая.

Когда могучий Алекс достал из ямы маленький ящичек — такой невообразимо маленький! — сержант Пим отправился патрулировать заросший деревьями край кладбища. Майлз его ничуть не осуждал. Он надеялся только, что в земле на этой глубине достаточно холодно. Алекс открыл ящичек, после чего доктор Ди сделал ему знак отойти и принялся за дело. Помощник старосты тоже предпочел поискать какой-нибудь объект для наблюдения в дальнем конце кладбища.

Ди внимательно осмотрел лежавший в гробике матерчатый сверток, потом вынул его и положил на брезент. Инструменты для вскрытия уже были аккуратно разложены на пластиковом лотке. Он развернул по-особому завязанные яркие тряпицы. Неслышно подкрадываясь Харра взяла их, разгладила и сложила, чтобы потом ими снова можно было воспользоваться, и так же неслышно отошла.

Майлз нащупал в кармане носовой платок, чтобы в случае нужды прикрыть нос и рот, и, подойдя, начал смотреть через плечо доктора. Неприятно, но вытерпеть можно; ему уже доводилось видеть и обонять вещи похуже. Ди через респиратор наговаривал текст отчета в диктофон, висевший на его плече. Сначала он провел визуальный осмотр, пальпируя

подозрительные участки рукой в перчатке, потом включил сканер и медленно повел им вдоль тельца.

— Вот, милорд, — сказал Ди, жестом подзывая Майлза поближе. — Почти наверняка это причина смерти, хотя я еще сделаю проверку на токсины. У нее сломана шея. На сканере видно, где был порван спинной мозг, а затем голову младенца вернули в прежнее положение.

— Кейрел, Алекс. — Майлз помахал рукой обоим свидетелям, и они неохотно приблизились к врачу. — Скажите, доктор, это могло произойти случайно? — официальным тоном спросил Майлз.

— Вероятность весьма невелика. Но на место кости возвратили намеренно.

— На это требуется много времени?

— Пара секунд. Смерть наступила мгновенно.

— Для этого нужна большая физическая сила? Крупного мужчины, или...

— О нет, совсем не обязательно. Это легко мог сделать любой взрослый человек.

— Любой, решившийся убить...

Майлза затошнило, когда он представил себе то, что сказал Ди. Маленькая пушистая головка легко уместится под ладонью мужчины. Поворот, чуть слышный хруст... Уж кто-кто, а Майлз прекрасно знал, как ломаются кости.

— Воля к убийству, — отозвался Ди, — это уже не по моей части. — Он помолчал. — Но могу отметить, что внимательного осмотра было бы достаточно для установления причины смерти. Опытный работник системы правопорядка, — он холодно взглянул на Кейрела, — ответственно относящийся к своим обязанностям, не пропустил бы сломанной шеи.

Майлз тоже смотрел на старосту и ждал.

— Заспала! — прошипела Харра. Голос ее так и сочился презрением.

— Милорд, — осторожно начал Кейрел, — я действительно подозревал...

«Какое к черту подозрение! Ты знал».

— Но я считал — и сейчас считаю, — в глазах Кейрела сверкнула решимость отчаяния, — что шум вызовет еще больше горя. Я уже ничем не мог помочь младенцу. Мы в долгу перед живыми...

— И я тоже, староста Кейрел. Например, перед следующим крошечным подданным империи, которому будет грозить опасность со стороны тех, кому положено его защищать. А он, как назло, виноват всего лишь в том, что физически, — тут Майлз резко улыбнулся, — не похож на них. Граф Форкосиган решил, что это не просто уголовное дело. Будет показательный процесс, и он прогремит по всей планете. Шум!.. Вы не представляете, какую кашу заварили...

Кейрел сник, словно уменьшившись ростом.

Затем последовал еще час дополнительных исследований, давших только отрицательные результаты: других переломов нет, легкие младенца чистые, в кишечнике и крови нет токсинов, кроме тех, что появились в результате разложения. Опухолей в мозгу не обнаружено. Дефект, из-за которого погибла девочка, был легко устраним простой косметической операцией, если бы она могла ее получить.

Ди собрал инструменты, и Харра, завернув крошечное тельце в тряпки, снова завязала их сложным, полным особого смысла узлом. Вычистив скальпели, Ди уложил их в чехлы и тщательно вымыл руки и лицо в ручье. Майлзу показалось, что доктор отмывался гораздо дольше, чем требовали соображения гигиены. Помощник старосты снова зарыл ящичек.

Харра сделала на могиле небольшое углубление и сложила в него несколько веточек и обломков коры, прибавив отрезанную ножом прядь своих волос.

Застигнутый врасплох Майлз порывлся в карманах.

— При мне нет никакого приношения, которое могло бы гореть, — виновато сказал он.

Женщина широко раскрыла глаза. Ее изумило даже само желание графского сына присоединиться к возжиганию в память покойной.

— Это не важно, милорд.

Маленький огонек вспыхнул на мгновение и погас, как жизнь крошечной Райны.

«Нет, это важно, — думал Майлз. — Мир тебе, маленькая леди. Прости, что мы так грубо потревожили тебя. Я устрою тебе приношение получше, даю слово Форкосигана. И дым от возжигания поднимется так высоко, что его увидят все жители этих гор».

Поручив Кейрелу и Алексу доставить ему Лэма Журика, Майлз повез Харру до ее дома на Толстом Дурачке. Их сопровождал Пим.

Двое чумазых ребяташек, игравших в одном из дворов, побежали за лошадьми, хихикая и делая в сторону Майлза знаки от сглаза. Малыши подзадоривали друг дружку на все более отчаянные шалости, пока мать не заметила их и, выбежав на улицу, не заставила вернуться в дом, бросив через плечо испуганный взгляд. Майлзу это почему-то показалось странно успокаивающим — вот такой встречи он и ожидал. Это лучше, чем напряженно-неестественное спокойствие Кейрела и Алекса. Да, Райне жилось бы здесь нелегко.

Дом Харры располагался у длинного оврага, который, постепенно расширяясь, переходил в лощину. В пестрой тени деревьев жилище казалось удивительно тихим и одиноким.

— Ты уверена, что тебе не стоит пока пожить у матери? — с сомнением спросил Майлз.

Харра покачала головой и соскользнула с коня. Спешившись, Майлз и Пим вошли следом за ней.

Дом был самый обычный: большое крытое крыльцо и одна комната с каменным очагом. Воду, видимо, брали из ручья в овраге. На пороге Пим задержал Майлза и вошел следом за Харрой, держа руку на парализаторе. Если Лэм Журик сбежал, то не прячется ли он где-нибудь здесь? Пим всю дорогу проверял сканером совершенно безобидные заросли кустов.

Дом был пуст. Впрочем, опустел он недавно: в нем не чувствовалось пыльного застоявшегося молчания восьмидневной заброшенности. У мойки — грязная посуда, кровать раскрыта и смята. Кругом валялась мужская одежда. Харра принялась машинально наводить порядок, заявляя дому о своем возвращении, своем существовании, своей важности. Если она и не властна над событиями своей жизни, по крайней мере она остается хозяйкой этой небольшой комнатки.

Единственным, к чему она не прикасалась, была стоявшая рядом с кроватью колыбелька с крошечными одеяльцами. Харра убежала в Форкосиган-Сюрло через несколько часов после похорон.

Майлз прошелся по комнате, посмотрел в окно.

— Ты покажешь мне, где собирала блестянику?

Женщина повела их по оврагу. Майлз засек время. Пим разрывался между необходимостью озираться и одновременно следить за своим подопечным, чтобы тот не упал и не заработал новые переломы. Раз три увернувшись от попыток Пима подхватить его, Майлз обозлился и с трудом сдерживал желание послать сержанта ко всем чертям. Хотя, конечно, его можно считать лицом заинтересованным: если Майлз сломает себе ногу, то Пиму придется вытаскивать его отсюда на себе.

Заросли блестяники начинались примерно в километре от дома. Майлз сорвал несколько красных ягод и рассеянно их съел; Харра с Пимом почтительно ждали. Вечернее солнце пробивалось сквозь листву, но на дне лощины уже царили серые прохладные сумерки. Побег блестяники цеплялись за камни и маняще свисали с уступов, словно приглашая рискнуть и вскарабкаться за ними. Майлз устоял перед соблазном: он не слишком любил блестянику.

— Если бы тебя позвали из дома, ты бы отсюда услышала? — спросил Майлз.

— Нет, милорд.

— И как долго ты собирала здесь ягоды?

Харра пожала плечами:

— Пока не набрала корзинку.

— Скажем, час. И сорок минут на дорогу в оба конца. Примерно двухчасовое отсутствие. Твой дом не был заперт?

— Только на засов, милорд.

— Гм-м.

Научная схема расследования убийства рекомендовала выяснить способ, мотив и возможности. Дьявольщина. Способ установлен — свернуть шею младенцу мог кто угодно. Похоже, что с возможностями дело обстоит не лучше: кто угодно мог подойти к домику, совершить убийство и уйти незамеченным. Прошло слишком много времени, чтобы воспользоваться биополевым детектором, который позволял восстановить картину передвижений в комнате... И наконец, мотив — мутная пена предрассудков. То есть все что угодно.

Майлз старался относиться к обвиняемому непредубежденно, но противиться словам Харры становилось все труднее. Пока она еще ни в чем не ошиблась.

Вернувшись в дом, Харра снова принялась за уборку.

— Ты уверена, что все будет в порядке? — спросил Майлз, подбирая поводья Толстого Дурачка и устраиваясь в седле. — Я все же думаю, что, если твой муж поблизости, он может заявиться сюда. Ты говоришь, что ничего не исчезло, значит, он вряд ли успел побывать здесь до нашего приезда. Может, Пиму стоит остаться с тобой?

— Нет, милорд. — Харра стояла на крыльце, обеими руками обнимая метлу. — Я... мне бы хотелось немного побыть одной...

— Ну ладно. Я дам тебе знать, если произойдет что-нибудь важное.

— Спасибо, милорд, — вяло отозвалась Харра. Видимо, ей действительно хотелось остаться одной, и Майлз решил не упорствовать.

Там, где тропа стала шире, слуга и господин поехали рядом. Пим по-прежнему бдительно озирался.

— Милорд, могу ли я подсказать вам, что теперь разумным шагом было бы послать всех здоровых мужчин деревни искать Журика? Вы ведь точно установили факт намеренного детоубийства.

«Интересная фраза, — подумал Майлз. — Даже Пиму она не кажется дикой. Ах, мой бедный Барраяр!»

— На первый взгляд это кажется разумным, сержант Пим, но не пришло ли вам в голову, что половина всех здоровых мужчин деревни скорее всего в родстве с Журиком?

— Предлагаю психологический трюк. Если мы погоняем их как следует, то, может быть, кто-нибудь выдаст парня просто для того, чтобы прекратить все это.

— Гм, не исключено. При условии, что Журик не сбежал отсюда. Может, он уже на полдороге к океану.

— Только если у него есть транспорт.

И Пим глянул в пустое небо.

— Откуда нам знать, может, в сарае у каких-нибудь его приятелей стоял старенький флайер. Но это маловероятно. Я не уверен, что он вообще знает, как убегать, куда податься. Конечно, если он все-таки удрал, то проблема перейдет к Имперской гражданской безопасности, и я свободен. («Приятная мысль!») Плохо то, что я до сих пор не получил четкого представления о нашем подозреваемом. Ты заметил противоречия?

— Не могу сказать, чтобы заметил, милорд.

— Гм. Кстати, куда Кейрел таскал тебя арестовывать этого типа?

— За деревню, в кустарники и ущелья. Там человек шесть все еще разыскивали Харру. Они как раз закончили поиски и возвращались нам навстречу. Похоже, что наше появление не было для них неожиданностью.

— Журик действительно был там и сбежал, или Кейрел просто водил тебя за нос?

— По-моему, он действительно там был, милорд. Те люди клялись, что не видели его, но, как вы и сказали, они с ним в родстве, и потом, они... э-э... лгали неумело. Они были

напряжены. Что до Кейрела, то он, может, и не рвется нам помогать, но я не думаю, чтобы он посмел нарушить ваш прямой приказ. В конце концов он ведь отслужил двадцать лет.

«Как и ты, Пим», — подумал Майлз. Личная охрана графа Форкосигана ограничивалась штатным числом в двадцать человек, и Пим был типичным представителем этого элитного взвода: награжденный орденами ветеран Имперской службы, заменивший покойного сержанта Ботари. Кому еще, кроме Майлза, не хватает в этом мире смертельно опасного и непростого Ботари?

— Хотелось бы мне допросить с суперпентоталом самого Кейрела, — мрачно заметил Майлз. — Судя по всему, он знает, где собака зарыта.

— Так почему бы вам его не допросить? — логично осведомился Пим.

— Возможно, этим и кончится. Однако допрос с суперпентоталом, как ни крути, всегда унизителен. Если человек нам предан, то не в наших интересах публично его оскорблять.

— Это будет не публично.

— Да, но он не забудет, что его превратили в слюнявого идиота. Мне нужна правдивая информация.

— Я думал, у вас уже есть информация, милорд.

— У меня есть факты. Огромная куча бессмысленных, бесполезных фактов. — Майлз угрюмо замолчал. — Я доберусь до правды, даже если мне придется накачать суперпентоталом всех этих деревенщин. Но это скверное решение.

— Задача тоже скверная, милорд, — сухо отозвался Пим.

Когда они вернулись, жена старосты уже взяла бразды правления в свои руки. Женщина носилась по всему дому, отчаянно что-то нарезая, взбивая, перемешивая и растапливая. Она взлетала на чердак переменить белье на матрасах, гоняла троих сыновей с поручениями сбегать, принести, попросить... Ошеломленный Ди бродил за ней по пятам, пытаясь уговорить хозяйку и повторяя, что они привезли с собой палатку и еду, что от нее ничего не требуется. Но все уговоры были бесполезны.

— Единственный сын моего милорда графа приехал ко мне в дом, а я выставлю его в поле, словно скотину?! Да я умру от стыда!

И она снова принялась за работу.

— Матушка Кейрел приняла наш визит слишком близко к сердцу, — объяснил доктор Ди.

Майлз взял его за локоть и чуть ли не насильно вывел на крыльцо.

— Лучше не крутитесь у нее под ногами, доктор. Мы обречены на прием. С обеих сторон это диктуется долгом. Вежливость требует, чтобы мы делали вид, будто нас здесь вроде бы как нет, пока она не подготовится.

Ди понизил голос:

— В данных обстоятельствах нам было бы разумнее есть только ту пищу, которую мы привезли с собой.

Из окна несся манящий стук шинковального ножа и аромат трав и лука.

— Ну, по-моему, еда из общего котла будет в порядке, — сказал Майлз. — Если вас что-то встревожит, вы можете взять образцы и проверить, только не афишируя это, ладно? Незачем обижать людей.

Они уселись на самодельных стульях, и им тут же был снова подан чай. Принес его мальчуган лет десяти, младший сын Кейрела. Видимо, ему уже было сделано внушение относительно того, как надо себя вести, потому что он так же старательно не замечал физических недостатков Майлза, как и взрослые. Хотя получалось у него это немного хуже.

— Вы будете спать на моей постели, милорд? — спросил мальчик. — Ма говорит, мы будем спать на крыльце.

— Ну, ма надо слушаться, — дипломатично ответил Майлз. — Э-э... а тебе нравится спать на крыльце?

— Не-а. Прошлый раз Зед меня лягнул, и я скатился в темноту.

— О! Ну раз уж мы вас выселяем, может, вы согласитесь в обмен спать в нашей

палатке?

Мальчишка широко раскрыл глаза:

— Правда?

— Конечно. Почему же нет?

— Вы только подождите, я скажу Зеду! — Он запрыгал вниз по ступенькам, потом стремглав кинулся за дом. — Зед, эй, Зед!

— Что ж, — с сомнением сказал Ди, — мы ее потом можем как следует продезинфицировать...

У Майлза чуть изогнулись губы.

— Они не грязнее, чем вы были в их возрасте. Или я. Когда мне позволяли.

Незаметно наступил вечер. Майлз снял свой зеленый мундир и повесил на спинку стула, потом расстегнул воротник рубашки.

Ди удивленно поднял брови:

— Так у нас рабочий день, как в магазине? Мы уже закрылись на сегодня?

— Не совсем.

Он задумчиво прихлебывал чай и рассеянно смотрел на верхушки деревьев. За холмами начинались отроги черного хребта, на вершинах которого еще кое-где виднелись грязно-белые снежные шапки.

— Убийца по-прежнему на свободе, — напомнил Ди.

— Вы с Пимом словно сговорились. — Майлз заметил, что его верный слуга кончил возиться с лошадьми и отправился прогуляться, прихватив сканер. — Я жду.

— Чего?

— Сам не знаю. Какой-то новости, которая поможет мне понять все это. Пока мы имеем только два варианта: Журик или виновен, или не виновен. В первом случае он нам не сдастся. Он наверняка втянет в это дело своих родственников, чтобы те его прятали и всячески помогали. При желании я в любой момент могу вызвать подкрепление из Хассадара. Человек двадцать из Службы гражданской безопасности с поисковым оборудованием прилетят сюда на флайере через пару часов. Устроят облаву. Жестокий, гадкий, возбуждающий цирк... Зрители будут довольны: охота на человека с кровавым исходом. Конечно, есть шанс, что Журик ни в чем не виновен, а просто испуган. В этом случае...

— Да?

— В этом случае убийца по-прежнему рядом. — Майлз снова отхлебнул чаю. — Я лишь хотел сказать, что, если вы желаете поймать кого-то, погоня — далеко не всегда лучший способ.

Ди кашлянул и тоже принялся за чай.

— Тем временем я должен выполнить еще одну обязанность. Я нахожусь здесь, чтобы меня видели. Если ваш инстинкт исследователя жаждет деятельности, можете развлечься и посчитать, сколько народа нынче вечером явится поглазеть на фора.

Предсказанное Майлзом паломничество началось почти сразу. Поначалу приходили главным образом женщины, и все как одна с подарками, словно на поминки или на свадьбу. Горянки несли накрытые блюда с едой, цветы, лишние постели и предложения помощи. Всех деревенских дам представляли Майлзу: они нервно приседали, но не отваживались заговорить — видимо, их любопытство удовлетворялось одним лишь созерцанием графского сына. Матушка Кейрел была вежлива, но давала понять, что прекрасно справляется сама, и отставляла кулинарные дары куда-то на задний план.

Некоторые женщины притащили с собой детей. Большую часть детворы отправили играть, но небольшая компания перешептывающихся мальчишек прокралась вокруг дома посмотреть на Майлза. Заметив их маневр, он остался на крыльце. Некоторое время Майлз игнорировал любопытные взоры мальчишек, дав знак Пиму, чтобы тот их не прогонял.

«Да-да, смотрите хорошенько. Что видите, то и будете иметь, до конца вашей жизни — или по крайней мере моей. Привыкайте...»

И тут он услышал шепот Зеда Кейрела, самозваного гида этой экскурсии:

— А вон тот, большой, приехал убить Лэма Журика! — Речь, по-видимому, шла о Пиме.

— Зед, — позвал Майлз.

Под аккомпанемент испуганного шепота и хихиканья средний сын Кейрела нехотя поднялся на крыльцо.

— А вы трое, — указующий перст Майлза остановил его готовых сбежать товарищей, — ждите здесь.

Для пущей убедительности Пим нахмурился, и мальчишки застыли на месте, широко распахнув глаза. Теперь их физиономии торчали на уровне дощатого пола крыльца, словно отрубленные головы врагов над стеной древней крепости.

— Что ты сейчас сказал своим друзьям, Зед? — тихо спросил Майлз. — Повтори.

Зед облизнул губы.

— Я только сказал, что вы приехали убить Лэма Журика, лорд.

Зед теперь явно подозревал, что кровожадные инстинкты Майлза распространяются и на нахальных мальчишек.

— Это неправда, Зед. Это опасная ложь.

Зед был озадачен.

— Но па так говорит.

— На самом деле я приехал поймать того, кто убил маленькую дочь Лэма Журика. Может быть, это Лэм. А может быть — нет. Ты понимаешь, в чем разница?

— Но Харра всем развонила, что Лэм, а уж она-то должна знать, ведь он ее муж и все такое.

— Кто-то сломал малышке шею. Харра думает, что Лэм, но сама она этого не видела. Ты и твои друзья должны понять, что я не ошибусь. Я не могу приговорить к смерти невинного: моя сыворотка истины мне не даст. Если Лэм этого не делал, ему достаточно просто прийти сюда и рассказать все, как было, чтобы оправдаться. Но предположим, что он действительно это сделал. Как мне поступить с человеком, который может убить младенца, а, Зед?

Зед неуверенно шмыгнул носом.

— Ну, это ведь был всего лишь мутантик...

Тут он умолк и покраснел, демонстративно не глядя на Майлза.

Наверное, нельзя ждать, чтобы двенадцатилетнего мальчишку интересовал какой-то младенец, тем более мутантик... Нет, черт побери, можно! Но как этого добиться? Если Майлз не способен убедить одного надутого парнишку, то каким волшебством он сможет переделать столько взрослых? Ему хотелось заорать от ярости. Эти тупицы совершенно невыносимы!

Майлз решительно взял себя в руки.

— Твой па отслужил двадцать лет, Зед. Ты ведь гордишься тем, что он служил императору?

— Да, милорд, — настороженно согласился Зед, уже предчувствуя какую-то ловушку.

Майлз не отступал:

— Так вот, этот обычай — убивать мутантиков — позорит императора, когда он представляет Барраяр перед галактикой. Я бывал на других планетах и знаю. Они всех нас называют дикарями из-за преступлений немногих людей. Это позорит графа, моего отца, и позорит вашу Долину. Почетно убить вооруженного врага, а не младенца. Это затрагивает мою честь Форкосигана, Зед. И кроме того... — Тут зубы Майлза оскалились в невеселой усмешке, он подался вперед, и Зед испуганно отпрянул: — Вы все еще удивитесь, когда узнаете, на что способен мутант. В этом я поклялся на могиле моего деда.

Вид у парнишки был скорее подавленный, чем убежденный. Он так ссутулился, что согнулся почти пополам. Майлз снова откинулся на спинку стула и устало махнул рукой:

— Иди играй, мальчик.

Зеда не понадобилось уговаривать. Он и его приятели кинулись за дом, словно выпущенные из катапульты.

Майлз стучал пальцами по стулу и хмурился. Ни Пим, ни Ди не осмеливались нарушить молчание.

— Эти горцы — дремучие невежды, — наконец решился сказать сержант.

— Эти горцы — мои люди, Пим. Их невежество — это мой позор, позор моего дома.

Как получилось, мрачно размышлял он, что вся эта каша стала вдруг его собственной? Ведь не он же ее заварил. А с исторической точки зрения...

— По крайней мере их продолжающееся невежество, — уточнил Майлз, не испытав при этом никакого облегчения; вина по-прежнему давила на него тяжелым грузом. — Неужели это так сложно понять? «Вам больше не надо убивать ваших детей». Казалось бы — чего проще! Ведь не требуем же мы от них знания космонавигации в пятимерном пространстве! — добавил он, вспомнив, чем мучили его последний семестр в академии.

— Им нелегко, — пожал плечами доктор Ди. — Правительство издает законы, а этим людям каждую минуту приходится испытывать их на собственной шкуре. Они очень бедны, при этом вынуждены делиться своими скудными доходами с теми, кто намного богаче их. Старые правила кажутся им гораздо разумнее. В сущности, нам самим неясно, сколько реформ мы можем себе позволить, слепо подражая галактике.

«Интересно, как ты определяешь богатого человека, Ди?» — подумал Майлз.

— Но все-таки жизнь улучшается, — произнес он вслух. — Даже здесь уже не бывает голода каждую зиму. Они не одиноки, когда случается неурожай или другая беда. — По имперскому указу пострадавшему району оказывается помощь... У нас улучшается связь. И потом... — Майлз помолчал и закончил не очень убежденно: — Быть может, вы их недооцениваете.

Ди скептически поднял брови. Пим встал, прошелся по крыльцу и на всякий случай провел сканером по зарослям. Майлз повернулся, чтобы взять свой стынувший чай, и заметил какое-то движение в раскрытом окне — там застыла, слушая их, матушка Кейрел. Сколько же она так стоит? Наверное, с той минуты, как он окликнул ее сынишку. Встретив взгляд Майлза, женщина глубоко вздохнула, вытряхнула тряпку, которую держала в руках и, кивнув ему, вернулась к своим делам. Ди, рассеянно наблюдавший за Пимом, ее не заметил.

Кейрел и Алекс пришли только к ужину, оба усталые и запыленные.

— Я отправил на поиски шестерых, — осторожно доложил староста, обращаясь к Майлзу, сидевшему на крыльце. Это крыльцо постепенно превращалось в нечто вроде штаба.

— Похоже, Лэм ушел в заросли. Теперь его оттуда долго не выкурить. Там сотни укромных местечек.

Охотно верю, подумал Майлз.

— А может, парень прячется у кого-нибудь из родственников? — спросил он. — Ведь для того чтобы долго отсиживаться, ему надо бы запастись едой. Они его выдадут, если он появится?

— Трудно сказать. — Кейрел развел руками. — Им будет нелегко пойти на это, милорд.

— Гм.

И сколько же Лэм Журик будет торчать там в зарослях? Ведь вся его жизнь — вся его полетевшая к чертям жизнь — здесь, в Лесной Долине. Майлз задумался над контрастом. Всего несколько недель назад у молодого Лэма было все, о чем только может мечтать деревенский житель: дом, жена, ребенок, благополучие и счастье. А сейчас Лэм — преследуемый беглец, все то небольшое, что он имел, исчезло в мгновение ока. Раз его тут ничего не держит, отчего бы парню не удариться в бега? Если ему не к чему возвращаться, станет ли он задерживаться у обломков своей жизни?

Подлинным мучением для Майлза стала мысль о полиции, которую можно вызвать из

Хассадара, произнеся всего лишь несколько слов в наручный комм. Может, пора это сделать, пока он не испортил все окончательно? Но... если бы проблему можно было решить простой демонстрацией силы, разве отец запретил бы им лететь сюда на флайере? Майлз сожалел об этом двухдневном пути, который лишил его стремительности, дал время засомневаться. Мог ли граф это предвидеть? Знал ли он что-то такое, что неизвестно Майлзу? Черт подери, не было необходимости искусственно усложнять это испытание, тут и без того хватает трудностей. «Отец хочет, чтобы я вел себя умно, — мрачно размышлял Майлз. — Нет, еще хуже: он хочет, чтобы все здесь увидели, что я поступаю умно». Оставалось лишь молить Бога, чтобы вместо этого не совершить какую-нибудь непоправимую глупость.

— Хорошо, староста Кейрел. На сегодня вы сделали все, что могли. Отдыхайте. Пошлите отдыхать и ваших людей. Вряд ли вы кого-то найдете в темноте.

Пим взялся за сканер, собираясь предложить свои услуги, но Майлз сделал ему знак молчать.

Впоследствии Майлз не смог бы с точностью сказать, в какое мгновение теплый летний вечер перерос в праздник. После ужина начали приходить гости — приятели Кейрела, старшее поколение деревни. Некоторые из них явно были здесь завсегдатаями, регулярно слушающими правительственные новости по приемнику старосты. На Майлза высыпался целый ворох новых имен, и он не имел права забыть хоть одно. Откуда-то появились запыхавшиеся музыканты с самодельными инструментами — видимо, этот оркестрик играл на всех свадьбах и поминках Лесной Долины.

Музыканты расположились посреди двора и заиграли. К ним присоединились певцы, и крыльцо Майлза из штаб-квартиры превратилось в почетную ложу. Трудно сосредоточиться на музыке, когда все собравшиеся наблюдают за тобой. Но Майлз старался. Некоторые песни были серьезными, другие (сыгранные поначалу с осторожностью) — шуточными. Конечно, веселье Майлза иногда становилось чуть притворным, но зрители всегда облегченно вздыхали, услышав его смех.

А одна песня — плач по потерянной любви — была так неотразимо прекрасна, что у Майлза сжалось сердце. Элен... Только сейчас он понял, что и эта рана наконец-то зарубцевалась, оставив после себя лишь томительную печаль. Какое-то время он сидел в сгущающихся сумерках совершенно неподвижно, погружившись в свои мысли и почти не слыша следующих песен.

Горы принесенной снеди не пропали даром. К счастью, Майлза не заставили расправляться с ними в одиночку. Один раз Майлз перегнулся через перила и посмотрел в конец двора, где стоял Толстый Дурачок, приобретая себе новых друзей. Конька окружила целая толпа молоденьких девушек, которые гладили его, расчесывали ему шерсть, вплетали в гриву и хвост ленты и цветы, кормили разными лакомствами или просто прижимались щеками к теплому шелковистому боку. Блаженно-довольный Дурачок полузакрыв глаза.

«Господи, — завистливо подумал Майлз, — имей я хоть половину обаяния этой чертовой скотины, у меня было бы больше девушек, чем у кузена Айвена». На секунду он прикинул все «за» и «против» того, чтобы приударить за какой-нибудь свободной девицей... Удалые лорды прошлого и все такое прочее... Нет. Таким дураком ему быть не обязательно. С него хватит и той клятвы, которую он дал маленькой леди по имени Райна. Дай бог ему сдержать ее, не сломавшись. У него опять заныли кости.

Он повернулся и увидел, что староста Кейрел идет к нему в сопровождении какой-то пожилой женщины. Худая, низенькая, изможденная, в поношенном «парадном» платье; седые волосы зачесаны назад, глаза тревожно бегают.

— Это матушка Журик, милорд. Мать Лэма.

Староста склонил голову и попятился, оставив Майлза без помощи.

«Вернись, трус!»

— Мадам, — приветствовал ее Майлз.

Во рту у него пересохло. Черт побери, кажется, Кейрел решил устроить из этого

спектакль... Нет, большинство гостей тоже отходят подальше.

— Милорд, — отозвалась матушка Журик, испуганно приседая.

— Э-э... садитесь, пожалуйста.

Непреклонно дернув подбородком, Майлз согнал доктора Ди со стула и указал на него горянке. Сам он развернулся так, чтобы сидеть лицом к женщине. Пим встал у нее за спиной, безмолвный, как истукан, напряженный, как струна. Не иначе ждет, что старуха того и гляди выхватит из юбок лучевой пистолет... Хотя, если подумать, прямой долг Пима — воображать такое и выглядеть идиотом, чтобы Майлз мог без помех сосредоточиться на стоящей перед ним задаче. Крестьяне наблюдают за ним так же пристально, как и за самим Майлзом, и очень предусмотрительно со стороны сержанта держаться отчужденно, пока грязная работа не будет закончена.

— Милорд, — повторила матушка Журик и опять замолчала.

Майлз мог только ждать и молить Бога, чтобы она вдруг не разрыдалась прямо здесь, на крыльце. Просто мучение какое-то. «Держись, женщина», — мысленно уговаривал он.

— Я хочу сказать, что Лэм... — Она запнулась. — Я уверена, он не убивал малышку. Клянусь, в нашей семье никогда такого не водилось! Он говорит, что не убивал, и я ему верю.

— Прекрасно, — дружелюбно ответил Майлз. — Пусть он скажет мне то же самое с суперпентоталом, и я тоже ему поверю.

— Пойдем, ма, — позвал худощавый молодой человек, стоявший у ступеней, и злобно посмотрел на Майлза. — Разве ты не видишь: это бесполезно.

Женщина кинула на юношу суровый взгляд и снова повернулась к Майлзу, еще надеясь убедить и с трудом подбирая слова:

— Мой Лэм. Ему всего двадцать, милорд.

— Мне тоже только двадцать, матушка Журик, — напомнил Майлз.

Наступило короткое молчание.

— Послушайте меня, прошу вас, — терпеливо заговорил Майлз. — Я уже повторял и буду повторять до тех пор, пока мои слова не дойдут до того, кому они предназначены. Я не могу осудить невинного человека: мои сыворотки истины мне не дадут. Лэм может себя оправдать! Скажите ему это, ладно? Пожалуйста!

Женщина встревожилась.

— Я... не видела его, милорд.

— Но можете увидеть.

— Да? А могу и не увидеть.

Она бросила стремительный взгляд на Пима, но сразу же отвела глаза, словно обжегшись о вышитые серебром монограммы Форкосиганов на воротнике его мундира. Кейрел вынес на крыльцо зажженные фонари, но по-прежнему держался в отдалении.

— Мадам, — напряженно проговорил Майлз, — граф, мой отец, приказал мне расследовать убийство вашей внучки. Если ваш сын столько для вас значит, как может так мало значить его ребенок? Она была... ваша первая внучка?

Морщины на лице женщины обозначились еще резче.

— Нет, милорд. У старшей сестры Лэма уже двое. Они-то в порядке, — добавила она многозначительно.

Майлз вздохнул:

— Если вы и правда верите, что ваш сын невиновен в этом преступлении, вы должны помочь мне это доказать. Или... вы сомневаетесь?

Женщина тревожно заерзала, и в глазах ее промелькнула неуверенность. Стало быть, и она ничего толком не знает, разрази ее гром! Бесполезно применять к ней суперпентотал... От этого чудо-средства пока никакого проку.

— Уйдем, ма, — снова позвал юноша. — Не трать сил понапрасну. Лорд-мутант приехал сюда для убийства, оно им необходимо. Это все спектакль.

«Чертовски верно, — подумал Майлз. — А это, стало быть, один из братьев

обвиняемого... Сообразительный олух».

Матушка Журик позволила своему рассерженному сыну увести себя, но уже на ступеньках остановилась и горько бросила через плечо:

— Вам все это так просто, да?

«У меня голова от этого разламывается», — подумал Майлз.

Но неприятности этого вечера еще не закончились.

Голос, долетевший из темноты, был низким и скрипучим:

— Не смей мне приказывать, Зерг Кейрел. У меня есть право поглядеть на этого лорда-мутанта.

Новая посетительница была высокая и жилистая, а принаряжаться ради этого визита явно не входило в ее намерения. Она казалась живым воплощением ненависти — вся целиком, до кончика длинной седой косы, змеившейся по костлявой спине.

Страхнув руку Кейрела, пытавшегося ее удержать, старуха зашагала к сидевшему в свете фонарей Майлзу.

— Э-э... Это матушка Маттулич, милорд, — представил ее Кейрел. — Мать Харры.

Майлз поднялся на ноги, заставив себя коротко кивнуть.

— Мое почтение, мадам.

Он с раздражением заметил, что ниже старухи на целую голову. Когда-то она, наверное, была одного роста с Харрой, но годы уже начали пригибать ее к земле.

Матушка Маттулич молча уставилась на Майлза. Судя по чуть заметным черноватым пятнам вокруг рта, она имела привычку жевать листья гумми; у нее и сейчас двигалась челюсть, работая над очередной порцией. Старуха рассматривала сына графа открыто, не прячась и не пытаясь извиняться, обводя взглядом его голову, шею, сгорбленную спину, короткие и кривые ноги. Казалось, эти глаза видят его насквозь, вплоть до каждого из заживших переломов на хрупких костях. Под ее горящим взглядом голова Майлза пару раз дернулась в неуправляемом нервном тике, так что он, наверное, показался зрителям припадочным — ему не сразу удалось с собой справиться.

— Ладно, — резко произнес Кейрел, — посмотрела — и хватит. А теперь уходи. — Он вытянул руку, извиняясь перед Майлзом. — Мара из-за всего этого совсем обезумела, милорд. Простите ее.

— Вы потеряли единственную внучку, — проговорил Майлз, пытаясь сочувствовать. — Мне понятно ваше горе, мадам. Но маленькая Райна получит правосудие. Я в этом поклялся.

— Откуда теперь возьмется правосудие? — хрипло бросила старуха. — Слишком поздно! Поздно, лордик-мутант. Для чего мне теперь ваше проклятое правосудие?

— Замолчи, Мара! — снова приказал Кейрел. Нахмурившись и крепко сжав губы, он решительно увел старуху с крыльца.

Гости, не успевшие разойтись, расступались перед нею с почтением — все, кроме двух худых подростков, державшихся на краю толпы: те отпрянули, словно от ядовитой твари. Их лица показались Майлзу знакомыми, и он сообразил, что эти ребята — тоже представители семейства Журик. Значит, противостоит ему не банда двухметровых громил, а стайка мальчишек. Но это открытие вовсе не успокоило Майлза. Судя по внешности этих молодых горцев, они, если понадобится, способны напасть со стремительностью хорька.

Было около полуночи, когда вечернее развлечение наконец подошло к концу, и последние гости Кейрела удалились в лес с зажженными фонарями. Починенный и подзаряженный приемник был унесен владельцем, горячо благодарившим старосту. Пим устроил мальчишек Кейрела в палатке, последний раз обошел дозором вокруг дома и присоединился к Майлзу и Ди на чердаке. Матрасы были набиты свежим пахучим сеном из местных трав, и Майлз горячо надеялся, что у него не окажется на них аллергии. Матушка Кейрел хотела уступить графскому сыну свою собственную спальню, изгнав себя и мужа все на то же крыльцо, но, к счастью, Пим сумел убедить ее, что уложить лорда на чердаке между

слугой и врачом — разумнее с точки зрения безопасности.

Ворочаясь на своем матрасе, Майлз снова и снова перебирал в уме события дня. Не действовал ли он чересчур медленно, слишком нерешительно? Когда имеешь дело с превосходящими неприятельскими силами, осторожность — не лучшая тактика. Но, с другой стороны, бессмысленно бросаться в атаку на болоте: это так красиво продемонстрировал на летних учениях его собрат-кадет и кузен Айвен. Понадобилось вызывать вездеход на воздушной подушке с краном, чтобы вытащить шестерых крупных, сильных, здоровых молодцев в полном полевом снаряжении из клейкой черной грязи. Правда, Айвен мог утешиться тем, что снайпер «противника», которого они атаковали, свалился с дерева и повредил себе руку, ослабев от хохота. Наблюдатель присудил им ничью. Майлз потерял руку, ухмыльнулся воспоминанию и, наконец, заснул.

Проснулся он от внезапной уверенности, что случилось что-то нехорошее. В синей темноте чердака мерцали оранжевые отсветы. Тихо, стараясь не разбудить своих спутников, молодой человек поднялся и посмотрел вниз, в комнату. Свет шел из переднего окна.

Майлз босиком слез вниз и выглянул из дверей.

— Пим! — тихо позвал он.

Сержант проснулся мгновенно.

— Милорд?

— Тихо спускайся. Захвати парализатор.

Уже через секунду Пим стоял рядом с Майлзом: он спал, не снимая брюк, положив кобуру с парализатором и ботинки у изголовья.

— Что за черт?.. — пробормотал он, тоже выглядывая на улицу.

Свет испускал брошенный на крышу их палатки смолистый факел. Пим кинулся было к двери, но остановился. Палатка была армейская, из негорючей ткани, и спавшим внутри детям ничто не грозило. Но знал ли об этом тот, кто бросил факел? Что это — какой-то магический обряд или на редкость неумелое нападение? Будь палатка обычной, брезентовой... Майлз вздрогнул, представив распускающееся смертоносным цветком пламя.

Пим выхватил из кобуры парализатор:

— Давно это?

— Трудно сказать. Могло гореть минут десять, прежде чем я проснулся.

Сержант вздохнул, покачал головой и с оружием на изготовку шагнул с крыльца в позолоченную огнем темноту.

— Неприятности, милорд? — прозвучал встревоженный голос Кейрела, и он появился в дверях спальни.

— Возможно. — Майлз остановил старосту. — Пускай сначала Пим все осмотрит и даст сигнал, что поблизости все чисто. Вашим мальчикам безопаснее побыть внутри палатки.

Кейрел выглянул в окно, охнул и разразился проклятиями.

Через несколько минут вернулся сержант.

— На километр вокруг — никого, — коротко доложил он. Староста притащил ведро воды и плеснул на факел. Тот зашипел и погас.

— Наверное, мне не следовало предлагать им свою палатку, — сдавленным голосом проговорил Майлз. — Я глубоко сожалею, староста Кейрел. Я не подумал.

— Этого не должно... — Кейрел трясся от гнева и запоздалого испуга, — этого не должно было произойти, милорд. Я... я прошу у вас прощения за Лесную Долину.

Он беспомощно повернулся, взглядывая в темноту. Даже усыпанное звездами ночное небо теперь казалось угрожающим.

Мальчишки проснулись и, узнав новость, хором заявили, что все просто великолепно. Они хотели вернуться в палатку и устроить засаду в ожидании следующего убийцы, но матушка Кейрел уволокла их в дом и уложила в гостиной. Понадобился целый час, чтобы они перестали жаловаться на несправедливость и снова заснули.

Но Майлз, взвинтившийся чуть ли не до истерики, заснуть не мог. Он неподвижно

лежал на своем матрасе и прислушивался к похрапыванию Ди и мерному дыханию сержанта, который из вежливости притворялся спящим.

Майлз как раз собирался предложить Пиму бросить валять дурака и провести остаток ночи на крыльце, когда тишину разорвал пронзительный, нечеловеческий крик.

Он доносился с улицы.

— Лошади! — С колотящимся сердцем Майлз рывком вскочил с матраса и скользнул на лестницу. Пим обогнал его, спрыгнув с чердака прямо вниз, упруго приземлился и первым очутился в дверях. Там он, охранник до мозга костей, обернулся и попробовал запихнуть Майлза обратно в дом. Майлз чуть не укусил его.

— Иди, черт тебя побери! Я вооружен!

Оставив свои благие намерения, Пим выбежал во двор. Навстречу им из темноты шарахнулось какое-то массивное фыркающее существо; это вырвалась на свободу соловая. Ночь вновь разорвал вопль, донесшийся оттуда, где были привязаны остальные лошади. Пим бросился к коновязи.

— Дурачок?! — в ужасе позвал Майлз.

Подобных криков ему не доводилось слышать с тех пор, как в Форкосиган-Сюрло сгорел сарай, где была заперта лошадь.

— Дурачок!

Раздался еще один вопль, а потом такой звук, словно где-то рядом раскололся арбуз. Пим попятился, шатаясь и с всхлипыванием втягивая в себя воздух, потом споткнулся и упал. Убит? Нет, скорее ранен — судя по тому, что между громкими вздохами ему удавалось отчаянно чертыхаться. Майлз опустился на колени и ощупал его голову. К счастью, удар лошадиного копыта пришелся не по голове, а по грудной клетке. У охранника только дыхание перехватило, да, может, треснуло ребро. Майлз, действуя более осмотрительно, забежал к коновязи спереди.

— Дурачок!

Толстый Дурачок храпел и натягивал уздечку, пытаясь встать на дыбы; в темноте блеснули его сверкающие белками глаза.

— Дурачок, что с тобой? Что случилось?

Левой рукой Майлз схватился за уздечку, а правой коснулся шеи своего четвероногого приятеля. Конь вздрогнул, но перестал рваться и встал, весь дрожа, потом потряс головой. Лицо и грудь Майлза вдруг покрылись каплями чего-то темного и горячего.

— Ди! — заорал Майлз. — Ди!

Сразу шесть человек скатились с крыльца во двор, и ни один из них не сообразил принести свет... Нет, между пальцами доктора Ди вспыхнул холодный огонек люминофора, а матушка Кейрел все еще пытается зажечь фонарь...

— Ди, несите этот чертов свет сюда! — взвизгнул Майлз и замолчал, стараясь опустить голос на октаву ниже, до тщательно отработанного командирского тембра.

Врач подбежал к нему, осветил Майлза и ахнул, бледнея:

— Милорд! Вас ранили?

При свете люминофора темная жидкость, залившая рубашку Майлза, сверкнула алым.

— Не меня, — ответил Майлз, в ужасе глядя на свою грудь. Опять, как было когда-то, его одежда пропитана кровью друга... Он похолодел, вспомнив смерть сержанта Ботари, которого заменил Пим. Заменил? Никто и никогда не сможет заменить Ботари.

— Пим? — позвал Ди.

С травы в нескольких метрах от них донесся хриплый вздох, прерываемый проклятиями.

— С ним ничего страшного, — сказал Майлз. — Его лягнула лошадь. Несите ваш чемоданчик!

Он отлепил пальцы доктора от холодного огня, и Ди помчался обратно на чердак.

Осветив Дурачка, Майлз сдавленно чертыхнулся: на блестящей шкуре виднелся огромный порез сантиметров тридцать длиной и неизвестно какой глубины. Кровь

пропитала шерсть и ручейком стекала по передней ноге. Майлз попробовал стянуть края пореза, но упругая шкура выскальзывала из рук. Рана обильно кровоточила всякий раз, когда Толстый Дурачок от боли мотал головой. Майлз схватил коня за нос:

— Стой спокойно, мальчик!

Кто-то пытался перерезать Дурачку яремную вену — и чуть не перерезал. Дурачок, доверчивый, дружелюбный Дурачок, не отстранился от человека, пока боль не стала нестерпимой.

Когда вернулся доктор, Кейрел уже помог Пиму встать. Майлз подождал, пока Ди осмотрит сержанта, потом позвал его к себе.

Сын старосты, потрясенный не меньше Майлза, помогал удерживать коню голову.

— Я сдавал труднейшие экзамены, — вполголоса причитал Ди. — Я опередил двадцать шесть претендентов на должность личного врача премьер-министра. Я умею оказывать экстренную помощь в семидесяти различных вариантах, начиная от коронарного тромбоза и кончая покушением на жизнь. Но никто, никто не предупреждал меня, что в мои обязанности будет входить штопка лошадиной шеи, да еще среди ночи, в какой-то глухой деревушке...

Но, жалуясь, он продолжал работать, а Майлз в это время нежно гладил Дурачку нос, стараясь успокоить несчастное животное. Наконец Дурачок немного расслабился и опустил свой слюнявый подбородок хозяину на плечо.

— Лошадям делают обезболивание? — тоскливо спросил Ди.

— Этой — делают, — отрезал Майлз. — Лечите его, как человека, доктор. Это последнее животное, которое лично дрессировал граф, мой дедушка. Он дал ему имя. Мы вместе обучали его. Дед заставлял меня брать его на руки в течение недели после рождения, пока он не стал слишком велик. Лошади — животные привычки, говорил дед, и никогда не забывают первых впечатлений. С тех пор Дурачок навсегда уверился, что я больше, чем он.

Ди вздохнул, сделал анестезирующую инъекцию, промыл рану, присыпал антибиотиком и заклеил биоклеем. Ловкой рукой хирурга он быстро сбрил шерсть по краям раны и закрепил защитную сетку.

— Порез чистый, — сказал Ди. — Жаль только, что кожа здесь все время будет перегибаться... Наверное, в этом положении мы не сможем его обездвижить? Конечно, не сможем. Ну все. Если бы это был человек, я сейчас посоветовал бы ему отдыхать.

— Он будет отдыхать, — твердо пообещал Майлз. — Он теперь поправится?

— Наверное. Откуда мне, к черту, знать? — Тон у доктора был крайне недовольный.

— Генерал Петер, — заверил его Майлз, — был бы в восторге от вашей работы. — Говоря это, он представлял, как дед фыркает: «Чертовы технократы. Те же коновалы, только игрушки у них подороже». — Вы... э-э... никогда не встречались с моим дедом?

— Я его не застал, милорд, — ответил Ди, немного оттаяв. — Но, конечно, я изучал его биографию и кампании.

— Конечно.

Пим уже взял ручной фонарь и ковылял в сопровождении старосты. Описывая расходящуюся спираль вокруг привязанных лошадей, он осматривал землю в поисках следов. Старший сын Кейрела поймал соловую кобылу, привел обратно в стойло и привязал; при свете люминофора было видно, что ее уздечка оборвана, а не перерезана. Выбрал ли таинственный противник свою жертву случайно или намеренно? Напали ли на Дурачка просто как на символ его хозяина, или ночной гость знал, как страстно Майлз любит свою лошадь? Это хулиганство, политический жест или точно направленная жестокость?

«Что я тебе сделал?» — мысленно завыл Майлз в окружающую тьму.

— Кто бы это ни был, они улизили, — доложил Пим. — Когда я отдышался, они уже были за пределами действия сканера. Я приношу свои извинения, милорд. На землю, похоже, ничего не уронили.

Да, сейчас бы очень пригодился нож, рукоятка которого измазана кровью с четкими отпечатками пальцев. Майлз вздохнул.

Неслышно приблизилась матушка Кейрел и стала наблюдать, как Ди чистит и

укладывает свои приборы и инструменты.

— И все это для лошади, — чуть слышно пробормотала она.

Майлз с трудом удержался, чтобы не кинуться доказывать ценность этой конкретной лошади. Сколько раз за свою жизнь эта женщина видела, как ее односельчане страдали и умирали из-за отсутствия даже такой несложной медицинской техники, какая умещалась в чемоданчике доктора Ди?

* * *

Сидя на крыльце, Майлз наблюдал, как разгорается рассвет. Он сменил рубашку и вымылся. Пим был в доме — ему перетягивали ребра. Майлз сидел спиной к стене, положив на колени парализатор. Ночной мрак постепенно становился серым. Сквозь туман проступали холмы. Прямо над головой серый туман редел, уступая место бледно-голубому цвету. День обещал быть ясным и жарким.

Да, конечно же, пора вызывать полицию из Хассада. Дело становится слишком странным. Вот уже и Пим наполовину выведен из строя — правда, это сделала лошадь Майлза, а не таинственный противник. Но хоть ночные нападения и не привели к чьей-то смерти, это не значит, что так и было задумано. Возможно, третья попытка окажется более удачной... На ошибках учатся.

Майлз чувствовал себя на грани нервного срыва. Как он позволил какой-то лошади стать таким мощным рычагом его эмоций? Так не годится, это совершенно недопустимо... Но ведь Дурачок — одна из воистину невинных душ! Тут он вспомнил еще одну невинную участницу этого дела и вздрогнул. «Жестоко, это было так жестоко, милорд!..» Пим прав, этот кустарник вполне может кишеть убийцами.

Эге, а в кустах действительно кто-то есть! Вон там видно движение: ветка качается, задев... кого или что? У Майлза сжалось сердце. Он переключил парализатор на полную мощность, неслышно скользнул с крыльца и начал слежку, пользуясь прикрытием высокой травы там, где ее вчера не затоптали гости. Пригнувшись, шаг за шагом он осторожно подбирался к кустам. Вот уже в тумане прорисовалась какая-то фигура.

Худой невысокий парень понуро стоял около лошадей, глядя на дом Кейрела. Он простоял почти две минуты, не двигаясь, и все это время Майлз держал его на прицеле парализатора. Если этот тип посмеет сделать хоть одно движение в сторону Дурачка...

Парень потоптался на месте, потом присел на корточки, по-прежнему не спуская глаз с жилища старосты. Вот он вытащил что-то из кармана своей широкой куртки, и палец Майлза напрягся на спусковом крючке... Но незнакомец поднес загадочный предмет ко рту и откусил. Яблоко. Ветерок донес до Майлза хруст и слабый аромат яблочного сока. Парень съел почти половину, потом остановился, словно о чем-то задумался. Майлз проверил, легко ли достается нож из ножен на поясе. А Дурачок расширил ноздри и тихонько заржал, привлекая внимание молодого человека. Тот встал и пошел к лошади.

У Майлза в ушах стучала кровь, рука с оружием напряглась и вспотела. Молодой человек отдал Дурачку свое яблоко. Лошадь с аппетитом схрупала гостинец, потом двинула бедром, подняла копыто и глубоко вздохнула. Если бы Майлз не видел, что парень сам ел это яблоко, он бы выстрелил... Человек потянулся потрепать коня по шее, но изумленно отдернул руку, когда пальцы его наткнулись на сделанную доктором Ди наклейку. Дурачок тревожно замотал головой. Молодой человек почесал ему между ушами, последний раз посмотрел в сторону дома, сделал глубокий вдох, шагнул вперед, увидел Майлза и замер.

— Лэм Журик? — спросил Майлз.

Молчание. Неловкий кивок.

— Лорд Форкосиган?

Майлз тоже кивнул.

Журик с трудом сглотнул и дрожащим голосом выговорил:

— Лорд-фор, вы держите слово?

Какое странное начало... У Майлза брови поползли вверх.

— Да. Ты сдаешься?

— Да и нет, милорд.

— Так да или нет?

— С условием, лорд. И мне нужно ваше слово, что вы его выполните.

— Если ты убил Райну...

— Нет, лорд. Клянусь! Я не убивал.

— Тогда тебе нечего меня бояться.

Губы Лэма растянулись в улыбке. Неужели этот горец смеется над ним? Да как он смеет...

— Ах, лорд, — выдохнул Журик, — хотел бы я, чтобы это было так. Но я ведь должен доказать это Харре. Вы должны заставить ее поверить мне, лорд!

— Сначала заставь поверить меня. К счастью, это нетрудно. Повтори под суперпентоталом то, что сейчас сказал, и я буду считать, что ты оправдан.

Журик покачал головой.

— Почему? — терпеливо спросил Майлз.

То, что подозреваемый пришел сам, — важное, хотя и косвенное, свидетельство его невиновности. Если только он не вообразил, что сможет обмануть сыворотку. Майлз решил быть терпеливым — по крайней мере еще три или четыре секунды. А потом, Бог свидетель, он его парализует, затащит в дом, свяжет, пока парень не придет в себя, и разберется с этим делом еще до завтрака.

— Это средство... говорят, что ничего нельзя утаить.

— Если бы можно было, оно было бы ни к чему.

Журик секунду подумал.

— Ты хочешь скрыть какое-то менее серьезное преступление? В этом твое условие? Что ж, думаю, я могу заранее простить тебя. Конечно, если это не убийство.

— Нет, лорд. Я никогда никого не убивал!

— Тогда мы договоримся. Потому что, если ты невиновен, я хочу убедиться в этом как можно скорее.

— Здесь-то и трудность, милорд. — Журик потоптался на месте, потом решительно выпрямился. — Ладно, я согласен на вашу сыворотку. И отвечу на все вопросы, какие вы захотите задать. Но вы должны обещать — клятвенно! — что не будете спрашивать меня о... о чем-то еще. О ком-то еще.

— Ты знаешь, кто убил твою дочь?

— Не наверняка. — Журик вызывающе вскинул голову. — Я этого не видел. Но я догадываюсь.

— Я тоже догадываюсь.

— Это ваше дело, лорд. Но не заставляйте меня быть доносчиком. Больше я ни о чем не прошу.

Майлз вложил парализатор в кобуру и потер подбородок.

— Гм... — Он чуть заметно улыбнулся. — Признаюсь, было бы изящнее... решить задачу путем логики и дедукции, а не грубой силой. Даже такой мягкой силой, как суперпентотал.

Журик мотнул головой:

— Я не понимаю, о чем вы толкуете, милорд. Но я не хочу произносить имя убийцы.

Теперь Майлз уже знал разгадку, и ему осталось только выстроить цепочку доказательств — шаг за шагом, точно так же, как в пятимерной математике.

— Прекрасно. Я даю слово Форкосигана, что ограничу свои вопросы фактами, свидетелем которых был ты сам. Я не буду просить тебя делать предположения относительно других людей или событий, при которых ты не присутствовал. Ну, это тебя устроит?

Журик покусал губу.

— Да, лорд. Если вы сдержите слово.

— А ты испытай меня, — язвительно предложил Майлз, без комментария проглотив скрытое в последних словах оскорбление.

Журик проследовал за Майлзом через двор с видом осужденного, поднимающегося на эшафот. Их появление произвело фурор: Пим и Ди не могли понять, в чем дело, пока Майлз не объявил:

— Доктор Ди, доставайте свой суперпентотал. Лэм Журик пришел с нами поговорить.

Он провел Журика к стулу, и горец сел, сжав руки на коленях. Пим с багрово-лиловым синяком на груди, проглядывавшим под белой повязкой, взял свой парализатор и отступил назад.

Роясь в чемоданчике, доктор вполголоса поинтересовался:

— Как вы этого добились?

Майлз вытащил из кармана кусочек сахара, поднял его и ухмыльнулся сквозь букву «С», составленную из большого и указательного пальца. Ди фыркнул, но с невольным уважением поджал губы.

Когда у его руки зашипел инъектор, Лэм испуганно поежился.

— Считайте от десяти до нуля, — велел Ди. Дойдя до трех, Лэм расслабился, а на нуле — захихикал.

— Кейрел, матушка Кейрел, Пим, подойдите ближе, — распорядился Майлз. — Вы — мои свидетели. Мальчики, отойдите в сторону и молчите. Прошу меня не прерывать.

Майлз начал задавать предварительные вопросы, цель которых — установить ритм беседы и протянуть время, пока суперпентотал не подействует в полную силу. Медикаментозный допрос с суперпентоталом входил в курс военной разведки, который Майлз слушал в академии. Как ни странно, снадобье действовало именно так, как им рассказывали.

— Ты вернулся к себе домой в то утро, когда ночевал у родителей?

— Да, милорд, — улыбнулся Лэм.

— Примерно когда?

— В середине утра.

Часов здесь ни у кого не было, и на более точный ответ рассчитывать не приходилось.

— Что ты сделал, когда пришел?

— Позвал Харру. А ее не оказалось. Я испугался, не ушла ли она. Подумал — она меня бросила. — Лэм икнул. — Мне нужна моя Харра.

— Подожди. Малышка спала?

— Спала. Она проснулась, когда я позвал Харру. Такой рев сразу подняла — просто мороз по коже.

— Что ты тогда сделал?

Лэм широко раскрыл глаза.

— У меня молока нет. Ей нужна была Харра. Я ей ничем помочь не мог.

— Ты взял ее из колыбельки?

— Нет, милорд. Я ж ей ничем помочь не мог. Да и Харра не позволяла мне до нее дотрагиваться. Говорила — вдруг я ее уроню, или еще что.

— Ты ее не встряхнул, чтобы она замолчала?

— Нет, лорд, я оставил ее лежать. Я пошел по тропинке вниз, искать Харру.

— А потом ты куда пошел?

Лэм моргнул:

— К сестре. Я обещал помочь возить бревна для нового дома. Белла — еще одна моя сестра — выходит замуж, и...

Он ударился в несущественные подробности, как и положено для суперпентотала.

— Остановись, — приказал Майлз, и Лэм послушно замолчал, чуть покачиваясь на стуле. Майлз тщательно обдумал следующий вопрос. Опасная черта слишком близко.

— Ты кого-нибудь встретил на тропинке? Отвечай «да» или «нет».

— Да.

— Кого? Спросите его, кого! — зашептал взволнованный врач.

Майлз предупреждающе поднял руку.

— Отлично. Можете вводить нейтрализатор, доктор Ди.

— Разве вы не собираетесь об этом спросить? Это же чрезвычайно важно!

— Не могу. Я дал слово. Вводите нейтрализатор, доктор!

Озадаченный Ди прижал инъектор к запястью пациента, и уже через несколько секунд полузакрытые глаза Лэма распахнулись. Он выпрямился на стуле, растирая себе руку и лицо.

— Кого вы встретили на тропинке? — напрямую спросил Ди.

Лэм не ответил и посмотрел на Майлза, ожидая помощи.

Ди тоже на него посмотрел:

— Почему вы не захотели его спрашивать?

— Потому что мне это не нужно, — сказал Майлз. — Я совершенно точно знаю, кого Лэм встретил на тропинке и почему он пошел дальше, а не вернулся. Человек, который шел ему навстречу, убил Райну. Как я очень скоро докажу. И — засвидетельствуйте мои слова, вы, Кейрел, и вы, матушка Кейрел, — эта информация получена не от Лэма. Подтвердите!

Кейрел медленно кивнул:

— Понимаю, милорд. Вы... очень добры.

Майлз взглянул ему прямо в глаза, напряженно улыбаясь:

— А когда для вас тайна перестала быть тайной?

Кейрел покраснел и минуту не отвечал. Потом он сказал:

— Вы можете продолжать так, как начали, милорд. Сдается мне, теперь уже поздно идти на попятную.

— Да, вы правы.

Майлз послал гонцов: матушку Кейрел в одном направлении, Зеда — в другом, Кейрела и его старшего — в третьем. Пим и Ди приглядывали за Лэмом. Жена старосты вернулась первой, ведя за собой матушку Журик и двух из ее сыновей.

Мать кинулась к Лэму и обняла его. Младшие братья держались позади, но Пим уже занял позицию между ними и дверью.

— Все в порядке, ма, — похлопал ее по спине Лэм. — По крайней мере со мной все в порядке. Я чист. Лорд Форкосиган мне верит.

Не выпуская руки Лэма, женщина сердито посмотрела на Майлза.

— Но ты ведь не дал лорду-мутанту напичкать тебя своим ядом?

— Это не яд, — поправил ее Майлз. — На самом деле эта штука спасла жизнь вашему сыну, так что вернее было бы считать ее лекарством. Однако, — тут он сурово повернулся к двум младшим братьям Лэма и скрестил руки на груди, — я хотел бы знать, кто из вас, юных идиотов, бросил этой ночью мне на палатку факел?

Младший из двоих побледнел. Тот, что постарше, успел издать возмущенный возглас, но, заметив лицо брата, замолк на полуслове.

— Ты?! — в ужасе прошипел он.

— Не бросал я, — занял младший. — Никто не бросал!

Майлз поднял брови. Наступило короткое напряженное молчание.

— Ну, пусть тогда этот никто извиняется перед старостой и матушкой Кейрел, — проговорил Майлз, — поскольку это их сыновья спали в палатке. Я с моими людьми ночевал на чердаке.

Мальчишка в ужасе открыл рот. Самый младший из сыновей Кейрела раздулся от гордости и важно прошептал:

— Ты, Доно! Идиотина, ты что, не знал, что палатка не загорится? Это же настоящая армейская!

Майлз заложил руки за спину и пронзил Журиков ледяным взглядом:

— Это было покушение на жизнь наследника вашего графа, что по закону считается

таким же преступлением, как покушение на самого графа, и карается смертной казнью. Или, может, Доно об этом не подумал?

Тут никакого суперпентотала не требовалось: парень совершенно не умел врать. Матушка Журик, не отпуская Лэма, схватила теперь за руку и Доно. В эту минуту она походила на курицу, застигнутую грозой и старающуюся спрятать под крыльями весь свой многочисленный выводок.

— Я не пытался вас убить, лорд! — в смятении воскликнул Доно.

— А что же ты тогда пытался сделать?

— Вы же ловили моего брата Лэма. Я хотел заставить вас уехать. Хотел спугнуть вас. Я не думал, что кто-то взаправду пострадает... Ведь это же была только палатка!

— Насколько я понял, ты еще никогда не видел пожара. А вы видели, матушка Журик?

Мать Лэма растерянно кивнула, явно разрываясь между стремлением защитить сына и желанием отлупить его.

— Ну так вот, если бы не случайность, ты мог бы убить или ужасно покалечить трех своих друзей. Пожалуйста, поразмысли над этим. Ввиду твоего малолетства и... э-э... явной умственной отсталости я не буду выдвигать обвинения в предательстве своего сюзерена. Вместо этого староста Кейрел и твои родители будут в дальнейшем отвечать за твое хорошее поведение и решать, как тебя следует наказывать.

Матушка Журик растаяла от облегчения и благодарности, а у Доно вид был такой унылый, словно он предпочел бы расстрел. Брат ткнул его в бок и прошептал:

— Умственно отсталый!

Тут матушка Журик отвела душу, закатив дразнилке звонкую оплеуху.

— А как насчет лошади, милорд? — напомнил Пим.

— В том деле я их не подозреваю, — медленно ответил Майлз. — Попытка поджечь палатку — просто ребячья глупость. А это — совсем другое...

Зед, которому разрешили воспользоваться лошадей Пима, вернулся с Харрой. Женщина вошла в дом, увидела своего мужа и остановилась, пристально глядя на него. Лэм стоял перед ней, опустив руки, с обидой в глазах.

— Так, лорд, — произнесла Харра, — значит, вы его поймали...

— Не совсем, — ответил Майлз. — Он сам пришел сюда. Он сделал заявление под действием суперпентотала и оправдан. Лэм не убивал Райны.

Харра поворачивалась то в одну, то в другую сторону.

— Но я видела, что он там был! Он оставил свою куртку и забрал с собой свою лучшую пилу и рубанок. Я знаю, что он возвращался, пока меня не было. Ваша сыворотка неправильная!

Майлз покачал головой:

— Сыворотка подействовала прекрасно. А вот ты ошибаешься. Лэм действительно заходил в твое отсутствие, но, когда он ушел, Райна была жива и громко плакала. Убийца — не Лэм.

Харра покачнулась.

— Тогда кто же?

— По-моему, ты догадываешься, но из всех сил стараешься этого не признавать. Вот откуда твоя настойчивость. Пока ты не позволяла себе усомниться в том, что убийца — Лэм, тебе не надо было думать о других вариантах.

— Но кому еще было до этого дело? — воскликнула Харра. — Кто еще дал бы себе труд?..

— Действительно, кто? — вздохнул Майлз.

Он подошел к окну и выглянул во двор. Туман почти рассеялся под ярким утренним солнцем. Внезапно лошади перестали есть и забеспокоились.

— Доктор Ди, приготовьте, пожалуйста, вторую дозу суперпентотала.

Майлз повернулся и прошел к очагу, где еще теплились угли; их слабый жар приятно прогрел его кривую спину.

Ди озибался по сторонам, держа в руке инъектор. Он явно не понимал, кто должен стать его следующей жертвой.

— Милорд?

— Разве вам это не очевидно, доктор? — небрежно спросил Майлз.

— Нет, милорд, — с негодованием отозвался Ди и насупился.

— А тебе, Пим?

— Не совсем, милорд, — промямлил телохранитель, и его взгляд вместе с парализатором неуверенно обратился к Харре.

— Наверное, это потому, что вы оба не были знакомы с моим дедом, — задумчиво произнес Майлз. — Он умер как раз перед тем, как вы поступили на службу к отцу, Пим. Граф Петер Форкосиган родился в самом конце Периода Изоляции; на его глазах прошли все мучительные перемены, которые выпали Барраяру за эти сто лет. Деда называли последним из старых форов, но на самом деле он был первым из новых. Он менялся вместе со временем — от кавалерийских эскадронов до звеньев флайеров, от шпаг до ядерного оружия — и менялся успешно. Наша сегодняшняя свобода — верное свидетельство того, как яростно он умел приспособливаться, а потом отбрасывать все и приспособливаться снова. В конце жизни деда считали консерватором, но только потому, что очень многие на Барраяре обогнали его, промчавшись мимо в том самом направлении, куда он вел, толкал, тянул и указывал всю свою жизнь. Он менялся, и приспособливался, и гнулся под ветром перемен. А потом, когда генерал состарился, — ведь мой отец был его младшим сыном и единственный остался в живых, а женился только в зрелом возрасте, — на него обрушился я. И ему надо было снова меняться. А он уже не мог. Дед умолял, чтобы моя мать сделала аборт. Ведь они заранее более или менее точно узнали, как будет поврежден эмбрион. Мои родители и генерал пять лет после моего рождения были в ссоре. Они не встречались, не разговаривали, не имели друг с другом связи. Когда отец стал регентом, он поселился в императорском дворце, и все думали, что адмирал Форкосиган подбирается поближе к трону. На самом деле им с матерью было негде больше жить — граф, мой дед, запретил отцу пользоваться особняком Форкосиганов. Такой вот скандал в благородном семействе... У нас в роду по наследству переходят язвы желудка — мы их дарим друг другу.

Майлз прошелся к окну и выглянул.

— Примирение наступило постепенно, когда стало ясно, что другого сына у моих родителей не будет, — продолжал он. — Никаких театральных сцен, конечно. Помогло то, что благодаря врачам я начал ходить. К тому же тесты показали мою сообразительность. А самое главное — дед никогда не видел, чтобы я сдавался.

Никто не осмелился прервать этот монолог, хотя на лицах слушателей отражалось почтительное недоумение. Майлз умолк, и в наступившей тишине громко прозвучали чьи-то шаги по дощатому настилу крыльца. Пим тихо вышел вперед и взял под прицел дверь.

— Доктор Ди, — сказал смотревший в окно Майлз. — Будьте добры ввести суперпентотал первому, кто войдет в дверь, — сразу же, как только этот человек появится.

— Вы не будете ждать согласия, милорд?

— На этот раз нет.

Дверь распахнулась, и врач шагнул вперед. Зашипел инъектор. Матушка Маттулич повернулась к Ди так резко, что подол ее рабочего платья хлестнул по икрам с набухшими венами.

— Ты посмел! — взвизгнула она, занося руку для удара.

Ди отпрянул, а старуха потеряла равновесие и покачнулась. Шедший за ней староста Кейрел подхватил ее и удержал.

— Ты посмел! — теперь уже взывала матушка Маттулич, обернулась и увидела не только Ди, но и всех прочих — матушку Журик, матушку Кейрел, Лэма, Харру, Пима. Плечи у нее ссутулились, и тут начал действовать препарат. Старуха застыла на месте. Глупая ухмылка на ее жестком лице боролась с отчаянием.

От этой улыбки Майлза затошнило, но именно она и была ему нужна.

— Усадите ее, — велел он.

Старуху подвели к стулу, с которого так недавно встал Лэм Журик. Она отчаянно сопротивлялась действию сыворотки: приступы ярости сменялись вялым послушанием. Постепенно послушание взяло верх, матушка Маттулич обмякла и теперь только бессильно ухмылялась. Майлз тайком взглянул на Харру. Та стояла молчаливая и бледная, целиком отгородившись от окружающих.

...В течение нескольких лет после примирения Майлза не оставляли наедине с дедом без охранника. Сержант Ботари носил ливрею графа, но был предан одному только Майлзу. Он был единственным человеком, достаточно свирепым и бесстрашным (как некоторые говорили, достаточно безумным), чтобы противостоять самому великому генералу. Майлз решил, что незачем объяснять слушателям, какой именно случай заставил его родителей считать присутствие сержанта Ботари необходимой предосторожностью. Пусть незапятнанная репутация генерала Петера послужит его внуку — послужит так, как он сочтет нужным.

Лэм опустил голову.

— Если бы я знал... Если бы я вовремя догадался... Я бы не оставил их одних, милорд. Но я подумал, что бабушка о ней позаботится. Я не мог... я не знал, как...

Харра даже не взглянула на него.

— Давайте закончим с этим, — вздохнул Майлз.

Он снова назначил официальных свидетелей из числа собравшихся в комнате и предупредил, чтобы его не прерывали, поскольку это путает допрашиваемого. Облизав губы, он повернулся к старухе и повторил весь ряд стандартных нейтральных вопросов: имя, год рождения, имена родителей, факты биографии... Успокоить матушку Маттулич оказалось труднее, чем готового сотрудничать Лэма — ее ответы были неровными, отрывистыми, и Майлз с трудом подавил нетерпение. Несмотря на кажущуюся легкость, допрос с суперпентоталом требует от следователя умения и выдержки. Сейчас нельзя рисковать. Постепенно он подошел к первым важным вопросам.

— Где вы были, когда родилась Райна?

Голос старухи звучал теперь тихо и плавно, даже сонно.

— Роды начались ночью. Лэм пошел за Джин, повитухой. Сын повитухи должен был позвать меня, но заснул. Я туда попала только утром, и было уже поздно. Они все видели.

— Что видели?

— Кошачий рот, гадкую мутацию. Чудовище! Их надо вырезать. Гадкий человечиска. — Майлз понял, что последние слова относились к нему. Старуха не сводила с него замороженных глаз. — Мутанты рожают новых мутантов, они плодятся, плодятся... Я видела, как ты смотришь на наших девушек. Ты хочешь сделать им мутантов, заразить нас всех...

Пора возвращать ее к главному.

— Вы когда-нибудь оставались с младенцем после этого?

— Нет. Джин — она от нее не отходила. Джин меня знает, она понимала, чего я хочу. Не ее дело, проклятой. И Харра тоже все время тут вертелась. Харра не должна... С чего это она так легко отделается? Зараза-то ведь в ней. Наверное, получила от своего отца, я спала только с ее отцом — и они все оказались плохие, кроме одной-единственной.

Майлз моргнул:

— Кто оказался плохой?

Кейрел сжал губы. Поймав на себе взгляд Майлза, староста уставился в пол, словно устраниаясь от всего происходящего. Лэм и остальные парнишки слушали, разинув рты; Харра не шевелилась.

— Все мои дети, — сказала матушка Маттулич.

Тут Харра резко подняла голову. Глаза ее округлились.

— Харра была не единственным вашим ребенком? — спросил Майлз.

Очень трудно заставить свой голос звучать спокойно и хладнокровно, когда так и

подмывает заорать. Ему хотелось сбежать отсюда...

— Конечно, нет. Я думала, она мой единственный чистый ребенок. Я так думала, но, значит, и в ней прятался яд. А я-то на коленях благодарила Бога, когда она родилась чистая. Наконец чистый ребенок, после стольких уродов, после такой боли... Я думала, мое наказание закончилось. Но, значит, она все-таки была мутант: тайный, хитрый...

— Сколько, — с трудом выдавил Майлз, — сколько у вас было детей?

— Четверо, не считая Харры, моей последней.

— И вы убили всех четверых?

Краем глаза он заметил, что староста медленно кивнул, все так же глядя в пол.

— Нет! — сказала матушка Маттулич. На миг сквозь туман суперпентотала прорезалось возмущение. — Двое уже родились мертвыми: первый и тот, весь перекрученный. А того, у которого было слишком много пальцев на руках и ногах, и того, с огромной головой, тех я вырезала. Вырезала. Моя мать — она проследила, чтобы я все сделала, как надо. Харра... Харра слишком легко отделалась. Я сделала все за нее.

— Так что на самом деле вы убили не одного младенца, а трех? — ледяным голосом спросил Майлз. Самые молодые из присутствующих — сыновья Кейрела и братья Журики — явно были в ужасе, а старшее поколение дружно прятало глаза. Да, они наверняка все знали.

— Убила? — сказала матушка Маттулич. — Нет! Я их вырезала. Так надо. Надо было сделать то, что положено. — Она гордо подняла голову, потом снова ее опустила. — Убила моих детей ради, ради... Я не знаю, ради кого. А теперь вы называете меня убийцей? Будьте вы прокляты! Какой мне теперь толк в вашем правосудии? Оно мне было нужно тогда! Где вы были тогда? — Старуха вдруг неожиданно разрыдалась, а потом столь же мгновенно пришла в ярость: — Если мои дети должны были умереть, то ее — тоже! Почему она должна так легко отделаться? Я ее избаловала... Я хотела, как лучше... я старалась делать, как лучше, это несправедливо...

Суперпентотал с этим не справлялся... Нет, решил Майлз, он все-таки действует, но ее чувства слишком сильны. А если увеличить дозу (с риском остановки дыхания), то эмоциональные пики выровняются, но признание не станет более полным. Его трясло, и он только надеялся, что окружающие этого не видят. Пора заканчивать.

— Почему вы сломали Райне шею, а не перерезали горло?

— Из-за Харры! Она не должна была знать, — объяснила матушка Маттулич. — Бедная девочка. Ей будет казаться, что мутант просто умер...

Майлз посмотрел на Лэма, на старосту Кейрела:

— Похоже, это мнение разделял еще кое-кто.

— Я не хотел, чтобы она услышала это от меня, — стойко повторил Лэм.

— Я надеялся уберечь ее от двойного горя, милорд, — сказал Кейрел. — Ей пришлось пережить такое...

Майлз встретился взглядом с Харрой.

— По-моему, вы все ее недооцениваете. Ваша чрезмерная мягкость оскорбительна для ее разума и воли. Она из стойкого рода, эта женщина.

Харра глубоко вздохнула, стараясь справиться с дрожью, и коротко кивнула, словно говоря: «Спасибо, человечек». Он ответно наклонил голову: «Да, я понимаю».

— Я еще не вынес окончательного решения по этому делу, — сказал Майлз, — но в одном я клянусь: время круговой поруки миновало. Больше не будет тайных ночных преступлений. Настал день. И кстати, о ночных преступлениях. — Он снова повернулся к матушке Маттулич: — Это вы пытались прошлой ночью перерезать горло моей лошади?

— Я, — охотно согласилась старуха. — И перерезала бы, но она все вставала на дыбы.

— В чем же виновата лошадь?!

Он не мог скрыть раздражения, хотя учебники рекомендовали вести допрос спокойным, ровным голосом.

— До тебя мне было не добраться, — просто ответила матушка Маттулич.

Майлз потер лоб и недоуменно пробормотал:

— Это что же, ритуальное убийство?

— Ты, ты, — проговорила старуха, и ее отвращение пробилось даже сквозь тошнотворный оптимизм суперпентотала, — ты хуже всех. Сколько я пережила, сколько было горя, и вот являешься ты. Нам всем в лорды дают мутанта и меняют все правила: мы преданы слабостью этой женщины из другого мира. Из-за тебя все это было зря. Ненавижу тебя. Грязный мутант...

Голос ее перешел в невнятное пьяное бормотание.

Майлз сделал глубокий вдох и обвел взглядом всех присутствующих. Стояла глубочайшая тишина, которую никто не решался нарушить.

— Полагаю, — сказал Майлз, — расследование можно считать законченным.

Тайна гибели Райны была раскрыта, но, к сожалению, оставалась еще проблема правосудия.

* * *

Он пошел прогуляться.

Кладбище было всего лишь вырубкой в лесу, но в утреннем свете оно превратилось в царство покоя и красоты. Искрясь на солнце, неумолчно журчал ручей, а легкий ветерок, разогнавший остатки ночного тумана, шептал в листве деревьев. Крошечные однодневки, которых на Барраяре все, кроме биологов, называли жуками, стрекотали в зарослях кустарников.

— Ну, Райна, — вздохнул Майлз, — что мне теперь делать?

Пим задержался на краю вырубки, чтобы не мешать.

— Ничего страшного, — успокоил Майлз крошечную могилку. — Пим и раньше заставлял меня за разговором с мертвыми. Наверное, он считает меня психом, но он слишком хорошо вышколен, чтобы сказать это вслух.

По правде говоря, выглядел Пим не слишком радостным и даже не совсем здоровым; Майлзу было немного стыдно, что он вынудил его к этой прогулке. Сейчас сержанту следовало бы лежать в постели. Но Пим страдал не только от боли в ребрах — он замолчал с того часа, как Майлз добился признания от матушки Маттулич. В этом не было ничего удивительного. Пим был готов к тому, что ему придется стать палачом мужчины-детоубийцы, но перспектива исполнения приговора над полоумной старухой заметно выбила его из колеи. Впрочем, Майлз не сомневался, что Пим выполнит любой его приказ.

Бродя по вырубке и изредка переворачивая камушки носком сапога, Майлз глядел на освещенный солнцем ручей и размышлял над причудами барраярского правосудия. Основной принцип ясен — дух важнее буквы, правда важнее процедуры. Прецедент считался менее важным, чем личное мнение судьи. Парадокс заключался в том, что судья не мог спрятаться за спасительными словами «закон гласит». Прозвучит голос только его, Майлза.

Да и кому поможет смерть полусумасшедшей бабки? Харре? Отношения матери и дочери уже получили смертельную рану, он прочел это в глазах обеих женщин, но все же у Харры нет желания стать матереубийцей. Майлза это вполне устраивало: было бы трудновато сосредоточиться, если бы сейчас она стояла рядом, требуя мести... Хорошенькая награда за ее мужество. Райне? О! Это вопрос потруднее.

— Я бы с удовольствием уложил старую каргу прямо у твоих ног, маленькая леди, — пробормотал Майлз. — Ты бы этого хотела? Тебе это поможет?

Разве казнь старухи может стать тем приношением, какое он обещал? Таким, которое разнесется эхом по всей цепи Дендарийских гор? Должен ли он сделать этих людей марионетками в своем политическом спектакле? Или ему следует забыть о своей клятве? Он поднял камешек и с силой швырнул его в ручей.

Повернув назад, Майлз обнаружил, что на краю кладбища его дожидается староста.

Они медленно подошли друг к другу.

— Такие-то дела, милорд, — сказал Кейрел.

— Вот именно, — отозвался Майлз.

— Вы пришли к какому-нибудь решению?

— Не совсем. — Майлз огляделся. — Если не приговаривать преступницу к смерти, это покажется издевкой над правосудием, и в то же время... Я не вижу, кому поможет ее смерть.

— Я тоже этого не знаю. Потому и старался все замять.

— Нет... — медленно проговорил Майлз, — нет, тут вы были неправы. Во-первых, это чуть не сгубило Лэма Журика — был момент, когда я уже хотел вызвать сюда полицию. И во-вторых, ваше молчание делало его убийцей в глазах собственной жены. Правда всегда лучше, чем ложь. Хоть немного, но лучше.

— Поначалу я не знал, чего от вас ждать, — признался Кейрел.

Майлз покачал головой.

— Я хотел бы вызвать перемены. Что-то сделать. Но теперь... Я не знаю.

Староста наморщил лоб.

— Но ведь мы меняемся.

— Слишком мало. Слишком медленно.

— Вы еще очень молоды, вот почему не видите, как сильно и как быстро. Посмотрите на разницу между Харрой и ее матерью! А если сравнить Мару Маттулич с ее родительницей... Вот уж была ведьма! — Староста содрогнулся. — Я ее прекрасно помню. А ведь она не была исключением — в свое время. Что там вызвать перемены! Да их уже не остановить, даже если кто попытается. Когда у нас наконец появится приемник спутниковой энергии и мы присоединимся к коммсети, с прошлым будет покончено. Как только дети увидят будущее, их будущее, они ринутся за ним. Старики, вроде матушки Маттулич, уже не имеют над ними власти. И старики это прекрасно понимают, не сомневайтесь. Как вы думаете, почему мы до сих пор не обзавелись хотя бы самой слабенькой установкой? Дело не только в деньгах — старики сопротивляются. Они называют это разворотом, пришедшим из космоса, но на самом деле они просто боятся будущего.

— Сколько же еще надо сделать!

— Дела у нас неважные, это верно. Но у нас есть надежда. Вы даже не представляете, как много сделали одним своим приездом.

— Ничего я не сделал, — горько сказал Майлз. — Только сидел да разговоры разговаривал. И сейчас, похоже, все кончится тем же. А потом уеду восвояси. Проклятие!

Староста поджал губы, посмотрел себе под ноги, потом вдаль, на вершины холмов.

— Вы каждую минуту что-то для нас делаете. Лорд-мутант. Вы что, невидимка?

Майлз осклабился.

— Кейрел, я — целый оркестр. Я — парад из одного человека!

— Как вы выражаетесь — «вот именно». Что ж, это хорошо. Простым людям нужны необычные примеры. Чтобы каждый сказал себе: ну, уж если он может вот это, то я, конечно же, могу вон то. И никаких оправданий.

— Да, никаких оправданий, никакой жалости. Мне эта игра знакома, я играю в нее всю жизнь.

— По-моему, — сказал Кейрел, — вы нужны Барраяру. И как раз таким, какой вы есть.

— Барраяр сожрет меня, если сможет.

— Верно, — подтвердил Кейрел, глядя вдаль. — Потом он перевел взгляд на окружавшие их могилы. — Но ведь в конце концов он проглатывает нас всех, правда? Вы переживете стариков.

Майлз указал на маленький холмик.

— Не говорите мне, кого я переживу. Скажите Райне.

Кейрел ссутулился:

— Верно. Это правда. Выносите приговор, милорд. Я вас поддержу.

Крыльцо теперь превратилось в трибуну, а внизу, во дворе, собралась целая толпа: староста с женой, их сыновья, все Журики, большинство стариков, которые накануне были на вечеринке, мужчины, женщины и дети. Харра сидела в стороне от всех. Временами Лэм пытался взять ее за руку, но по тому, как она отстранялась, было видно, что ей неприятны эти прикосновения. Обвиняемая была выставлена на всеобщее обозрение рядом с Майлзом, молчаливая и угрюмая, а по обе стороны от нее стояли Пим и смущенный помощник старосты.

Майлз поднял голову, и в подбородок ему уперся высокий воротник парадного мундира, отглаженного и начищенного стараниями сержанта. Знают ли эти люди, что он честно заработал свой мундир, или они уверены, что это просто подарок его отца? Впрочем, наплевать, что они думают. Майлз выпрямился и сжал руками перила.

— Я завершил расследование обвинений, принесенных Харрой Журик графскому суду, относительно убийства ее дочери Райны. По совокупности улик, показаниям свидетелей и по ее собственному признанию я нашел виновной в этом убийстве Мару Маттулич: она свернула младенцу шею, сломав позвонки. Впоследствии она попыталась скрыть свое преступление, несмотря на то, что это поставило ее зятя Лэма Журика в смертельную опасность из-за ложного обвинения. Ввиду беспомощности жертвы, жестокости самого убийства и трусливого эгоизма при попытке его сокрытия я не нахожу в деле смягчающих обстоятельств. Кроме того, Мара Маттулич призналась в двух других детоубийствах примерно двадцатилетней давности, жертвами которых были ее собственные дети. Эти факты староста Кейрел объявит по всей Лесной Долине, чтобы о них знали все наши подданные.

Майлз чувствовал, как глаза матушки Маттулич буравят ему спину. «Да, давай, ненавижь меня, старуха. Я еще тебя похороню, и ты это знаешь». Официальный язык заслонял его, словно щитом. Он сглотнул и продолжил:

— Единственной справедливой карой за все это является смертная казнь, к которой я и приговариваю Мару Маттулич. Но, учитывая возраст преступницы и близкое родство с потерпевшей — ее дочерью Харрой Журик, я откладываю осуществление приговора. На неопределенное время.

Уголком глаза он заметил, как Пим испустил сдержанный вздох облегчения. Харра, как обычно, расчесывала пальцами свою светлую челку, вслушиваясь в речь Майлза.

— Но в глазах закона она будет мертва. Все ее имущество, включая то, что на ней надето, теперь принадлежит ее дочери Харре, и та может распорядиться им, как желает. Отныне Мара Маттулич не может ни владеть имуществом, ни заключать контракты, ни подавать в суд за ущерб, ни оставить завещание. Она не может покинуть Лесную Долину без разрешения Харры. Дочь получает над ней такую же власть, которую родитель имеет над ребенком или опекун над слабоумным. В отсутствие Харры ее замещает староста Кейрел. За Марой Маттулич будут наблюдать, чтобы она не нанесла вреда другим детям. Далее. Она умрет без жертвоприношения. Никто — ни Харра, ни кто-либо еще — не зажжет для нее поминальный огонь, когда она наконец ляжет в землю. Она убила свое будущее, и будущее воздаст ее духу только забвение. Она умрет, как умирают бездетные, не оставив по себе воспоминаний.

Чуть слышный вздох пронесся по рядам слушателей, и Мара Маттулич впервые опустила свою высокомерную голову.

Майлз знал, что некоторые сочтут приговор только духовно-символическим. Зато для других он покажется убийственным буквально — все зависит от силы их веры.

Он обратился к матушке Маттулич и заговорил тише:

— С этой минуты каждый твой вздох ты получаешь только моей милостью. Каждая кроха пищи, которую ты съешь, — милосердие Харры. Милостью и милосердием, которых ты не проявляла, ты будешь теперь жить. Мертвая женщина.

— Нечего сказать, помиловал, проклятый мутант, — еле слышно прохрипела старуха.

— Вижу, ты меня поняла, — произнес Майлз сквозь зубы, отвесил ей иронический

поклон и снова повернулся к толпе. — Я — Голос графа Форкосигана. Я все сказал.

Потом Майлз встретился с Харрой и Лэмом в домике старосты Кейрела.

— У меня есть для вас предложение. — Майлз заставил себя перестать нервно метаться по комнате и остановился. — Вы можете от него отказаться или взять время подумать. Я знаю, что сейчас вы очень устали.

«Как и все мы». Неужели он пробыл в Лесной Долине всего полтора дня? Они кажутся целым столетием. Голова у Майлза раскалывалась от усталости. У Харры покраснели глаза.

— Во-первых, ты умеешь читать и писать?

— Немного, — призналась Харра. — Староста Кейрел нас учил, и еще матушка Ланье.

— Ну и прекрасно. Значит, ты начнешь не с нуля. Слушай. Несколько лет тому назад в Хассадаре открылся учительский колледж. Он пока еще очень маленький, но все же действует, и там существуют стипендии. Я могу сделать так, что тебе дадут стипендию, если ты согласишься три года жить в Хассадаре и напряженно учиться.

— Я? — поразилась Харра. — Я не смогу учиться в колледже! Я же почти ничего не знаю...

— Знание — это то, с чем ты оттуда выходишь, а не с чем приходишь. У них масса вводных курсов. Конечно, тебе придется много работать, чтобы догнать горожан и жителей равнин. Но я знаю, что силы воли и упрямства тебе не занимать. Ты это можешь сделать, клянусь, что можешь.

Сидевший рядом с ней Лэм забеспокоился и снова поймал руку жены.

— Три года? — спросил он шепотом. — Одна среди чужих?

— Стипендия совсем небольшая, — сказал Майлз. — Но, Лэм, насколько я понял, плотник. А в Хассадаре сейчас строительный бум. По-моему, это будет новый Форкосиган-Вашнуй. Я уверен, что ты сможешь найти там работу. Вдвоем вы проживете.

Облегчение на лице Лэма мгновенно сменилось беспокойством.

— Но они все ведь пользуются силовыми инструментами... компьютерами... роботами...

— Ну и что? Эти умения у них не врожденные. Если они могли научиться, ты тоже сможешь. Кроме того, богатые хорошо платят за ручную работу, за штучные изделия, если они хорошего качества. Я помогу тебе начать — это всегда самое трудное. А потом ты и сам сообразишь, что к чему.

— Уехать из Лесной Долины... — с болью проговорила Харра.

— Только для того, чтобы вернуться. Теперь вторая половина нашего уговора. Я могу прислать сюда маленькое комм-устройство с переносным аккумулятором, которого хватит на год. Конечно, кому-то придется ежегодно спускаться в Форкосиган-Сюрло, чтобы подзаряжать аккумулятор, но это не такая уж сложная проблема. Все это обойдется не намного дороже, чем... э-э... легкий флайер.

Такой, какой Майлз присмотрел у дилера в Форбарр-Султане — блестящий, ярко-красный. «Подходящий подарок на окончание академии», — подсказал он родителям. В ящике его стола в загородном доме у озера и сейчас лежит кредитная карточка.

— Это не такое масштабное дело, как монтаж энергоприемника спутниковой сети для всей Долины. Но и обычное головидео сможет принимать образовательные программы из столицы. Установите его в каком-нибудь подходящем доме, прибавьте пару дюжин настольных экранов для ребятишек — вот вам и школа. Все дети обязаны будут ее посещать. Староста Кейрел будет за этим следить, хотя как только они освоят головидео, их, наверное, придется насильно оттуда гнать. Я... э-э... — Майлз прокашлялся, — подумал, что вы могли бы назвать ее «Начальной школой Райны Журик».

— Ох! — сказала Харра и заплакала — впервые за этот ужасный день.

Лэм неловко погладил жену по голове, и она наконец сжала его руку.

— Я могу ненадолго прислать сюда городского учителя, — сказал Майлз. — Найду кого-нибудь на первое время, пока ты не будешь готова вернуться. Но он или она не сможет

понимать Лесную Долину так, как ты. А ты уже теперь знаешь такое, чему не обучат ни в одном колледже.

Харра утерла глаза и подняла их (очень невысоко подняла!), чтобы посмотреть ему в лицо.

— Вы учились в Имперской Академии.

— Да. — Майлз гордо поднял голову.

— Тогда я, — дрожащим голосом выговорила она, — смогу осилить... Хассадарский учительский колледж. По крайней мере... я попробую, милорд.

— Я готов на тебя поставить, — согласился Майлз. — На вас обоих. Только... э-э... — По его губам скользнула легкая улыбка и тотчас исчезла: — Стой прямо и говори правду, а?

Харра моргнула — она вспомнила, и ответная улыбка осветила ее лицо.

— Хорошо. Человек.

На следующее утро Толстый Дурачок улетел домой на грузовом флайере вместе с Пимом, доктором Ди и соловой кобылой. Флайер доставил в деревню нового охранника — он был прислан из Форкосиган-Сюрло, чтобы сменить Пима и помочь Майлзу вернуться обратно на оставшихся двух лошадях. Ну что же, решил Майлз, он все равно планировал во время отпуска проехаться с ночевкой по горам в обществе кузена Айвена. А Эстергази, ливрейный слуга, немногословный ветеран, знакомый Майлзу с детства, был, в отличие от Айвена, идеальным спутником для человека, которому не хочется разговаривать о прошедшем. Можно было почти забыть, что он рядом. Майлз гадал, выбрали ли его случайно, или это акт милосердия со стороны графа. Эстергази любил лошадей.

На ночь они остановились у реки роз. Майлз пошел вверх по долине, не слишком серьезно пытаясь найти ее начало. Но через пару километров цветочная преграда закончилась, слившись с обыкновенным кустарником. Майлз сорвал розу, проверил, не видит ли его Эстергази, и с любопытством надкусил ее. Нет, он явно не лошадь, да и букет вряд ли выдержит дорогу. Придется Дурачку удовольствоваться овсом.

Майлз смотрел, как вечерние тени плывут вверх по Дендарийскому хребту. Какими маленькими кажутся эти горы из космоса! Маленькие морщинки на оболочке глобуса, которые можно прикрыть рукой: раз — и вся их давящая махина становится невидимой. Что же иллюзорно — расстояние или близость? Расстояние, решил Майлз. Расстояние — наглая ложь. Знал ли это отец? Майлз подозревал, что знал.

Он задумался над желанием отдать все свои деньги — а не только сумму, предназначавшуюся на флайер, — этим горам. Бросить все и учить детей читать и писать, устроить бесплатную больницу, сеть спутникового приема — или даже все сразу. Но Лесная Долина только одно из сотни таких же поселений, разбросанных в этих горах, и одно из нескольких тысяч на всем Барраяре. Налоги, выжатые из этого района, помогают содержать элитарную военную школу, в которой он только что потратил... Какую часть их средств? Сколько теперь ему надо отдать только для того, чтобы сквитаться? Он ведь и сам теперь ресурс планеты, подготовка сделала Майлза таковым, он избрал свой путь.

Верующая мать Майлза всегда утверждала, что по способностям человека можно понять, к чему его предназначил Бог. Высшие баллы по академическим дисциплинам Майлз зарабатывал усидчивостью и упорным трудом. Но военные игры, соревнования, в которых требовалось перехитрить противника, опередить его действия хоть на шаг — конечно, он должен был побеждать, он не имел права на ошибку, — все это было ему просто в радость. Когда-то война была в этих краях отнюдь не игрой. Не так уж давно. И она может прийти сюда снова. То, что получается у тебя лучше всего, и есть твое призвание. Похоже, по крайней мере в этом Бог заодно с императором.

Меньше двух недель назад Майлз, раздуваясь от гордости за свои достижения, принес офицерскую присягу императору. Втайне он представлял, как будет хранить верность этой присяге в огне сражений, под пытками врагов — куда ни забросит его судьба (что не мешало, впрочем, ему обмениваться с Айвеном циничными шуточками относительно

архаичных шпаг и замшелых стариканов, которые настаивают на том, чтобы их носили). Но теперь он понял, что в его сердце император больше не будет символом Барраяра.

«Мир тебе, маленькая леди, — мысленно обратился он к Райне. — Твой девиз будет носить на щите неказистый и скособоченный современный рыцарь. Но мы с тобой родились в неказистом и скособоченном мире, который отвергает нас без жалости и изгоняет без спроса. И знай, что в твою честь я не стану бросаться с копьем на ветряные мельницы. Я пошлю саперов, чтобы они заминировали этих крутящихся паразитов, и разнесу их в щепки...»

Теперь он знал, кому служит. И почему не может отступать. И почему не имеет права сдаться.

II

— Чувствуешь себя получше? — спросил Иллиан.

— Немного, — настороженно ответил Майлз.

Шеф Службы безопасности придвинул себе стул, сел и взгляделся в лицо своего подчиненного, простертого на больничной койке.

— Приношу мои извинения, лорд Форкосиган, за то, что поставил под сомнение ваше слово.

— Да, вам следовало извиниться, — согласился Майлз.

— Да. Тем не менее, — Иллиан хмуро посмотрел куда-то вдаль, — я не уверен, Майлз, что ты осознаешь, до какой степени тебе, как сыну твоего отца, важно не только быть честным, но и выглядеть таковым.

— Как сыну моего отца — нет, — решительно возразил Майлз.

Иллиан фыркнул.

— Ха! Может, и нет. — Он забарабанил пальцами по столу. — Как бы то ни было, граф Форволк ухватился за два несоответствия в твоих докладах об операциях наемников. Дикие перерасходы там, где задача была простейшая — взять на борт одного человека. Я понимаю, что с Дагулой у тебя были крупные осложнения, но как насчет первого раза?

— Какого первого раза?

— Они снова копают тот случай, когда ты выполнял задание на Архипелаге Джексона. И подозревают, что после того, как тебе удалось успешно скрыть растрату, ты решил сделать это снова, в еще больших масштабах, на Дагуле.

— Но это было почти два года назад! — запротестовал Майлз.

— Глубоко копают, — согласился Иллиан. — Очень старательно ищут. Им хотелось бы выставить тебя у позорного столба, а я, так сказать, пытаюсь спилить этот столб. Черт побери, — раздраженно добавил он, — не смотри ты на меня так. Ты ведь вовсе ни при чем. Если бы ты был не Форкосиганом, вопрос бы даже не возник. Ты это понимаешь, я это понимаю, и они это понимают. А казначейские ревизии проводятся занудами-форами, которым наплевать на меня и на все мои соображения. Моя единственная надежда — утомить их и заставить отцепиться. Так что выкладывай.

Майлз вздохнул:

— Сэр, я, как всегда, в вашем распоряжении. Что вы хотите знать?

— Расшифруй счет на оборудование при операции по вывозу человека с Архипелага Джексона.

— Я думал, в моем докладе все перечислено.

— Перечислено, да. Но не объяснено.

— Мы бросили половину оплаченного груза высокотехнологичного вооружения в порту станции Фелл. Если бы мы этого не сделали, у вас было бы на одного ученого, на один корабль и на одного полученного меньше.

— В самом деле? — Иллиан сложил пальцы домиком и откинулся на спинку стула. — Почему?

— Ну... Там вышла довольно запутанная история. — Майлз невольно улыбнулся. — Это останется между нами?

Иллиан склонил голову набок.

— Хорошо...

Лабиринт

Майлз всмотрелся в изображение на экране. Там медленно рос маленький яркий шарик — планета Архипелаг Джексона. Сверкающая, богатая, порочная... Джексониане утверждают, что их пороки — следствие развращенности миров: если бы галактика была готова платить за добродетель, то они мигом нашпиговали бы планету храмами, и все желающие могли бы прилетать сюда для покаяния и духовного очищения. На взгляд Майлза, эта аргументация была сомнительной, но все же, не существуй Архипелаг Джексона, галактике, возможно, пришлось бы его изобрести. Соседи могут сколько угодно прикидываться возмущенными, но они не позволили бы этой планете существовать, если бы втайне не считали ее полезной для своей теневой экономики.

Да и вообще, здесь чувствовалось какое-то романтическое очарование, хотя, конечно, уже не такое, как пару столетий назад, когда планета была центром космического пиратства. Банды головорезов превратились со временем в монополии-синдикаты, почти такие же устоявшиеся и организованные, как небольшие государства. В каждом — свое правительство, своя аристократия. «Интересно, — думал Майлз, — сколько времени здешние лидеры смогут сопротивляться незаметно подступающему приливу порядочности?»

Дом Дайн, универсальная банковская прачечная: «Отмывайте ваши капиталы на Архипелаге Джексона!» Дом Фелл: продажа оружия без всяких формальностей и вопросов. Дом Бхарапутра — незаконная генетика; тем же занимается их главный конкурент, дом Риоваль, чей девиз: «Мечты, превращенные в плоть». Наверное, это самый дьявольский (Майлз был уверен, что подобрал наиболее подходящий эпитет) сводник во всей истории человечества. Дом Харгрейв, галактический скупщик краденого; они же — чопорные посредники при выкупе заложников. Надо отдать Харгрейвам должное — заложники, вызволенные с их помощью, возвращались домой живыми... как правило. И еще дюжина более мелких синдикатов, составляющих переменчивые, непрочные коалиции.

«Даже для нас вы полезны». Майлз нажал кнопку, изображение погасло. Брезгливо поморщившись, он затребовал на экран список вооружений, чтобы в последний раз проверить намеченные покупки. Чуть заметно изменившаяся вибрация корпуса корабля свидетельствовала о выходе на стационарную орбиту: скоростной крейсер «Ариэль» готовился ошвартоваться на станции Фелл.

Из прорези на пульте как раз выскочила дискета с их заказом, когда из-за двери кто-то произнес:

— Адмирал Нейсмит?

— Войдите.

Через порог шагнул капитан Торн и дружелюбно отсалютовал:

— Стыковка примерно минут через тридцать, сэр.

— Спасибо, Бел.

Бел Торн, командир «Ариэля» был бетанским гермафродитом, двуполым реликтом проведенного пару веков тому назад социогенетического эксперимента. Майлз считал, что эксперимент этот был не менее рискован, чем все то, что, по слухам, делается сговорчивыми специалистами дома Риоваль. Тут бетанское стремление к равноправию явно вышло из-под контроля. Гермафродитизм не привился, и несчастные потомки первых андрогинов так и остались на сверхтерпимой Колонии Бета замкнутым меньшинством. Как командир наемников Торн был старателен, лоялен, инициативен, и он/она/оно (бетанцы пользовались местоимением среднего рода) нравился Майлзу. Однако...

До Майлза донесся запах духов — сегодня Бел подчеркивал свою женственность, как и

все пять дней полета. Раньше он придерживался мужской линии поведения: агрессивные манеры и колкий юмор. Майлза чрезвычайно беспокоило то, что последнее время в его присутствии Бел прямо-таки таял на глазах.

Снова повернувшись к экрану, Майлз вызвал изображение планеты, к которой они приближались. Издали Архипелаг Джексона выглядел не слишком привлекательно: гористый ландшафт, довольно холодный климат, заселена только экваториальная зона. О бурной жизни планеты говорило лишь высвеченное компьютером кружево разноцветных орбит спутников, орбитальных пересадочных станций и разрешенных траекторий подлета.

— Вы когда-нибудь здесь бывали, Бел?

— Один раз, еще лейтенантом флота адмирала Оссера. С тех пор дом Фелл возглавил новый барон. Но их продукция по-прежнему пользуется доброй славой — если только знать, что покупаешь. Не соблазняйтесь скидкой на нейтронные гранаты.

— Ха. Они хороши для тех, кто умеет далеко метать. Не тревожьтесь, гранат в списке нет.

Майлз протянул ему дискету с данными, и Бел грациозно перегнулся через спинку кресла, чтобы взять ее.

— Отправить экипаж в увольнение, пока мы будем дожидаться загрузки? А как вы? Неподалеку от порта есть отель со всеми удобствами: бассейн, сауна, великолепная кухня... — Бел понизил голос. — Можно было бы снять номер на двоих.

— Э-э... Кхм, кхм. Я планирую давать увольнения только на дневное время.

— Я ведь и женщина тоже, — негромко напомнил Бел.

— Но далеко не только женщина.

— Вы так безнадежно моносексуальны, Майлз.

— Извините.

Майлз неловко похлопал по руке, ненароком очутившейся у него на плече.

Бел вздохнул, выпрямляясь:

— Вы не виноваты.

Майлз тоже вздохнул. Возможно, ему следовало облечь свой отказ в более решительную форму: они с Белом говорят на эту тему уже в седьмой раз. Это превратилось почти в ритуал, почти — но все же не совсем — в шутку. Он знал, что если сейчас обернется, то прочтет в глазах капитана Торна глубокое одиночество, никогда не находившее словесного выражения. Майлз не стал оборачиваться.

Кто ты такой, чтобы осуждать других, с горечью подумал он, ведь собственное тело приносит тебе так мало радости! И с чего это Бела — высокого, стройного, здорового — так привлек коротышка-полуинвалид, и к тому же чокнутый. Да уж, тут есть над чем подумать. «Если не можешь иметь двухметровый рост, имей двухметровую смекалку». Но разум пока не помог ему найти решение проблемы с Торном.

— Вам никогда не хотелось вернуться на Бету и найти себе кого-нибудь из своих? — серьезно спросил он.

Торн пожал плечами:

— Слишком скучно. От этого мне и хотелось убежать. Все так безопасно, так предсказуемо...

— Но зато до чего хорошо растить там детей!

Торн ухмыльнулся:

— Это точно. А знаете, вы почти идеальный бетанец. Почти. Произношение у вас верное, знаете местные шутки...

— А что же мне не удастся?

Торн прикоснулся к его щеке, и Майлза передернуло.

— Рефлексы, — объяснил Торн.

— А!

— Я вас не выдам.

— Знаю.

Бел снова подался к нему:

— Можно было бы сгладить эту последнюю шероховатость...

— Некогда, — ответил Майлз, чуть покраснев, — у нас много дел.

— Ну еще бы, инвентаризация вооружения, — презрительно откликнулся Торн.

— Нет, это не дело, — объяснил Майлз, — это прикрытие.

— Ага! — Торн выпрямился. — Наконец-то!

— Э-э... Что вы имеете в виду?

— Тут не нужно быть семи пядей во лбу. Мы летим покупать вооружение, но вместо того, чтобы взять корабль максимальной грузоподъемности, вы выбираете «Ариэль» — самый быстрый. Нет занятия более нудного, чем приемка груза, но вместо того, чтобы послать сюда опытного интенданта, вы отправляетесь сами.

— Я действительно хочу познакомиться с новым бароном, — мягко сказал Майлз. — Дом Фелл — один из крупнейших поставщиков вооружения по эту сторону от Беты. Если мне понравится качество первой партии, они могли бы стать нашими постоянными партнерами.

— Четверть фелловского оружия изготовлена на Бете, только клеймо заменено, — вставил Торн.

— ...и пока мы здесь находимся, — продолжал Майлз, — к нам обратится некий биолог, пожелавший завербоваться во флот дендарийских наемников в качестве фельдшера. В этот момент все увольнения прекратятся, мы быстро закончим погрузку и улетим.

Торн удовлетворенно ухмыльнулся.

— Берем на борт пассажира. Полагаю, нам неплохо заплатят?

— Очень неплохо. Если доставим его в пункт назначения живым. Этот человек — главный генетик лабораторий дома Бхарапутра. Ему предложило убежище некое правительство, способное защитить его от длинных рук барона Луиджи. Но барон, конечно, будет крайне раздосадован, узнав, что его лучший специалист скрылся, не попрощавшись. Нам платят за то, чтобы мы доставили генетика новым хозяевам живым и э-э... в здравом уме и твердой памяти.

Поскольку дом Бхарапутра может не моргнув глазом купить и перекупить весь Свободный флот дендарийских наемников, даже не обращаясь в банк, я бы тоже предпочел не иметь дела с подручными барона Луиджи. Так что прикинемся наивными дурачками. Мы всего только наняли чертова медтехника, сэр! И сами будем взбешены, когда он дезертирует, едва мы вернемся к месту сбора флота у Эскобара.

— Звучит неплохо, — согласился Торн. — Просто и эффективно.

— Надеюсь, — вздохнул Майлз. — Ну почему бы для разнообразия хотя бы этой операции не пройти по плану?

Офисы и демонстрационные залы располагались неподалеку от порта, и большинство мелких покупателей никогда не забиралось в глубь станции Фелл. Но вскоре после того как Майлз и Торн сделали свой заказ (прошло примерно столько времени, сколько нужно, чтобы проверить кредитную карточку), перед ними предстал сверхвежливый лакей в зеленом форменном шелке и вложил в руку адмирала Нейсмита кубический жетон — приглашение на прием в личных апартаментах барона.

Через четыре часа, стоя перед шлюзом, ведущим в жилую часть станции, Майлз отдал свой кубик-пропуск мажордому барона Фелла и в последний раз проверил, как они с Торном выглядят. Парадная форма дендарийцев — бархатная, серая с белым — вдруг показалась ему излишне вычурной. Ну, не он ее придумал — форма досталась Майлзу по наследству. Будем терпеть.

Майлз с интересом разглядывал шлюз, пока мажордом проверял, нет ли при них оружия. Похоже было, что все системы жизнеобеспечения жилого отсека автономны и никак не связаны с остальной станцией. Эту часть станции не только можно было заблокировать, она могла отделиться. Практически получался не отсек, а корабль: Майлз готов был

поспорить, что где-то тут есть и двигатели, и вооружение, хотя идти искать их без сопровождения было бы самоубийством. Мажордом впустил гостей, проговорив в свой радиобраслет:

— Адмирал Майлз Нейсмит, командующий Свободным флотом дендарийских наемников, капитан Бел Торн, командир скоростного крейсера «Ариэль» Свободного флота дендарийских наемников.

Интересно, кто принимает его сообщения?

Большой зал приемов был обставлен с изысканным вкусом. Переливающиеся всеми цветами радуги плавающие лесницы и платформы создавали укромные уголки, не нарушая иллюзии открытого пространства. У каждого выхода (Майлз насчитал их шесть) стояли рослые охранники в зеленом одеянии, изображая прислугу, — впрочем, с очень малым успехом. Почти всю стену занимал огромный иллюминатор, выходивший на оживленный порт станции Фелл и яркий край планеты, пересекавший усеянную звездами черноту космоса. Множество элегантных красавиц в зеленых шелковых сари скользили между гостями, предлагая закуски и напитки.

«Серый бархат, — решил Майлз, посмотрев на остальных гостей, — это скромнейший наряд». Они с Белом просто неотличимы от стен. Немногие покупатели, осчастливленные приглашением к барону, поражали взгляд немыслимым разнообразием одежд. Гости держались тесными группами, отнюдь не стремясь перезнакомиться между собой. Оказалось, что партизаны не желают якшаться с наемниками, а контрабандисты — с революционерами. А Гностические Святые, естественно, беседуют только с Единым Истинным Божеством — и, может быть, еще с бароном Феллом.

— Вот это прием, — заметил Бел. — Помню одну выставку комнатных животных: так вот, там была такая же атмосфера. А гвоздем программы стал инцидент, когда чья-то бородатая ящерица с Тау Кита сорвалась с поводка и слопала чемпиона из разряда собак.

— Ша! — Майлз не сдержал ухмылки. — Помни о деле.

Женщина в зеленом сари безмолвно поклонилась им, предлагая экзотические яства. Торн вопросительно поднял бровь: «Можно ли?..»

— Почему бы и нет? — пробормотал Майлз. — В конце концов это все за наши денежки. Сомневаюсь, чтобы барон травил своих покупателей — это может повредить бизнесу. А бизнес здесь — прежде всего.

Он выбрал розовый кусочек в форме цветка лотоса и таинственный беловатый напиток. Торн последовал его примеру. Увы, розовый лотос оказался какой-то сырой рыбой. Она противно скрипела на зубах, но выхода не было, и откушенный кусок пришлось проглотить. Напиток оказался крепчайшим спиртным, и, сделав один глоток, чтобы избавиться от рыбного вкуса, Майлз с сожалением оставил свой бокал на первой же ровной поверхности. Его карликовое тело не справлялось с алкоголем, а встречаться с бароном Феллом в полубессознательном состоянии или беспомощно хихикая было бы неблагоприятно. Неустрашимый гермафродит оставил бокал при себе.

Откуда-то донеслась удивительная музыка: стремительный бег сложных аккордов. Майлз безуспешно старался угадать, что это за инструмент — да нет, конечно, там не один, а несколько инструментов. Обменявшись взглядами, они с Торном двинулись в направлении звуков. Но когда, завернув за спиральную лестницу, они увидели музыканта, Майлз широко раскрыл глаза. Да уж, на этот раз хирурги дома Риоваль зашли слишком далеко...

Декоративные разноцветные искорки очерчивали шарообразное поле антигравитационного пузыря. Внутри находилась женщина. Она играла, и белые руки мелькали на фоне ее зеленых шелковых одежд. Все четыре белые руки... На ней был свободный жакет-кимоно, перехваченный поясом, и такого же цвета шорты, из которых вместо ног тянулись еще две руки. Волосы у музыкантки были короткие, мягкие, иссиня-черные. Глаза женщины были закрыты, а на лице застыло неземное спокойствие — глубокое, прекрасное, пугающее.

Инструмент представлял собой плоский отполированный деревянный корпус, по верху

и низу которого были натянуты бесчисленные ряды сверкающих металлических струн. Женщина ударяла по струнам четырьмя обтянутыми войлоком молоточками. И верхние, и нижние руки двигались с умопомрачительной скоростью в сложном контрапункте. Мелодия рассыпалась каскадами нот.

— Бог ты мой, — произнес Торн, — это же квадди.

— Что-что?

— Квадди. Далеко она залетела.

— Она... не местного производства?

— Ничуть.

— Слава тебе, Господи! Но тогда откуда она взялась?

— Лет двести тому назад, примерно в то же время, когда создавали гермафродитов, — по лицу Торна скользнула странная гримаса, — генетики разных планет наперебой стремились улучшить человеческую породу. Кому-то из них пришло в голову создать расу обитателей невесомости. Потом создали генераторы искусственной гравитации, так что это оказалось ни к чему. Квадди бежали — их потомки расселились на окраинах обитаемого космоса, где-то далеко по другую сторону Земли в пространственно-временной сети. По эту сторону их почти никогда не встретишь. Ш-ш...

Приоткрыв губы, Торн внимал волшебной музыке.

«В конце концов это не более удивительно, чем найти бетанского гермафродита среди свободных наемников», — решил про себя Майлз. Но музыка заслуживала безраздельного внимания, хотя в этой толпе параноиков ее почти никто даже не заметил. Майлз не был меломаном, но даже он ощутил напряженную страстность исполнения, далеко превосходящую обычный талант и граничившую с гениальностью. На одно краткое мгновение гению удастся сплести звуки со временем и задержать их... Но, подобно времени, они всегда просачиваются между пальцами, оставаясь лишь в памяти.

Переливы музыки стихли до манящего эха и замерли. Четырехрукая исполнительница открыла голубые глаза и ее лицо из небесно-прекрасного стало просто человеческим, напряженным и печальным.

— О-ох, — вздохнул Торн. Он сунул опустевший бокал под мышку, поднял руки, собираясь зааплодировать, — и замер, заметив равнодушие собравшихся.

Майлзу не хотелось выделяться.

— Может, вам с ней поговорить? — предложил он капитану. — В качестве альтернативы рукоплесканиям.

— Правда? — Торн сразу же оживился, поставил бокал на ближайший стол и, приложив ладони к искрящемуся пузырю, растерянно улыбнулся:

— Э-э... — Было видно, как поднимается и опадает его грудь.

«Боже правый, Торн не находит слов? Кто бы мог ожидать такого?»

— Спросите, как называется ее инструмент, — подсказал Майлз.

Четырехрукая женщина заинтересованно наклонила голову, грациозно перелетела через громоздкий инструмент и повисла над Торном по другую сторону переливающегося барьера.

— Да?

— Как называется этот необычный инструмент? — спросил Торн.

— Это двухсторонние цимбалы, мадам... сэр... — Ее вежливый голос слуги, обращающегося к гостю, дрогнул из-за страха нанести обиду, — ...офицер.

— Капитан Бел Торн, — мгновенно подсказал бравый гермафродит, уже успевший вернуть себе присутствие духа. — Командир скоростного крейсера дендарийцев «Ариэль». К вашим услугам. Как вы здесь оказались?

— Я добралась до Земли, зарабатывая себе на дорогу, и барон Фелл нанял меня.

Она гордо вскинула голову, словно отменяя какое-то скрытое осуждение, хотя Торн ничего не сказал.

— Вы — настоящая квадди?

— Вы слышали о моем народе? — Ее темные брови изумленно взметнулись. — Большинство тех, с кем я встречалась, уверены, что я — чудище, сконструированное по специальному заказу.

Торн откашлялся.

— Я с Беты. У меня есть основания для личного интереса к первому взрыву генетических экспериментов. — Он снова кашлянул. — Видите ли, я — бетанский гермафродит.

И он с тревогой глянул на собеседницу.

Вот это да! Бел никогда не ожидал ничьей реакции — он шел напролом, и пусть будет, что будет. «Ни за что не буду в это вступать». И Майлз чуть-чуть попятился, пряча улыбку при виде того, как к Торну на глазах возвращаются все мужские ухватки.

Женщина заинтересованно наклонила голову. Одна из верхних рук поднялась и оперлась на сверкающий барьер неподалеку от руки наемника.

— Неужели? Значит, вы тоже...

— О да. Скажите, как вас зовут?

— Николь.

— Николь? И все? То есть я хочу сказать — дивное имя.

— У моего народа нет фамилий.

— И... э-э... что вы будете делать, когда вечер закончится?

Но в эту минуту их прервали.

— Выше голову, капитан, — пробормотал Майлз.

Торн мгновенно выпрямился, спокойный и собранный, проследив за направлением взгляда Майлза. А квадди отплыла от силового барьера и грустно опустила голову на сложенные стопкой четыре ладони. К ним приближался хозяин дома, и Майлз поспешно изобразил некий великосветский вариант стойки «смирно».

Джориш Стойбер, барон Фелл, оказался на удивление старым — во плоти он выглядел еще старше, чем на головидео, которое показывали Майлзу при подготовке к заданию. Барон был лыс (вокруг блестящего черепа осталась лишь редкая седая бахрома), радушен и толст. Вид у него был как у доброго дедушки. Не как у дедушки Майлза — тот был сух и неприступен даже на склоне лет. Но и титул старого графа был самым настоящим, родовым титулом, а не вежливым обращением к безжалостному дельцу, пережившему все схватки внутри синдиката. Майлз напомнил себе, что несмотря на радостно-румяные щеки, барон взобрался так высоко, шагая по горе трупов.

— Адмирал Нейсмит, капитан Торн! Добро пожаловать на станцию Фелл, — пророкотал барон, расплываясь в благодушной улыбке.

Майлз отвесил ему аристократический поклон. Торн последовал его примеру, но несколько неуклюже. Черт!.. В следующий раз надо будет изобразить такую же неловкость. Вот такие мелочи и создают маску — или, наоборот, разрушают ее.

— Мои люди позаботились о вас?

— Спасибо, все превосходно.

— Я так рад наконец с вами познакомиться, — продолжал барон. — Мы тут немало о вас слышаны.

— Вот как? — откликнулся Майлз, поддерживая беседу.

Взгляд барона был странно жадным. Что за повышенное внимание к какому-то ничтожному наемнику? Такая честь была бы чрезмерной даже для самого крупного покупателя. Майлз постарался спрятать тревогу за ответной улыбкой. «Терпение. Пусть опасность обозначится почетче. Не бросайся навстречу тому, чего пока не видишь».

— Надеюсь, вы слышали обо мне что-нибудь хорошее?

— Более того, удивительное. Стремительность вашей карьеры сравнима только с таинственностью вашего происхождения.

Проклятие, что это еще за наживка? Уж не намекает ли барон, что ему известно настоящее имя «адмирала Нейсмита»? Это может обернуться чертовски серьезной

неприятностью. Нет, страх опережает разум. Надо подождать. Надо забыть, что в этом теле когда-то существовал лейтенант лорд Форкосиган из Имперской службы безопасности Барраяра. И все же, почему эта старая акула так льстиво улыбается? Майлз постарался изобразить на лице полнейшее спокойствие.

— Даже сюда донеслись вести об успехах вашего флота у Вервана. Увы, его прежний командир...

Майлз напрягся.

— Я тоже весьма сожалею о гибели адмирала Оссера.

Барон философски пожал плечами:

— В работе такое случается. Командовать должен кто-то один.

— Он был выдающимся полководцем.

— Гордость — опасная вещь, — улыбнулся Фелл.

Майлз прикусил язык. «Так он считает, что я подстроил гибель Оссера? Ну и пусть считает». А ведь в этом зале на одного наемника меньше, чем кажется. Благодаря Майлзу дендарийцы являются теперь тайным подразделением Имперской службы безопасности Барраяра — настолько тайным, что большинство из них и сами об этом не знают... Только последний дурак не смог бы с выгодой для себя распорядиться такой информацией. Майлз ответил барону многозначительной улыбкой, но ничего не сказал.

— Вы чрезвычайно меня интересуете, — продолжал барон. — Например, загадка вашего возраста. И ваша прежняя карьера военного.

Если бы Майлз не избавился от своего бокала, сейчас он осушил бы его одним глотком. Вместо этого он лишь судорожно сжал руки за спиной. Или морщины боли все же недостаточно старят его лицо? Неужели барон и вправду разглядел под адмиральской личиной двадцатитрехлетнего лейтенанта службы безопасности?.. Но ведь обычно ему удавалось вполне успешно оставаться в образе!

Барон понизил голос:

— Я полагаю, слухи не лгут и относительно того, что бетанцы подвергли вас процедуре омоложения?

Так вот о чем речь! У Майлза даже голова закружилась от облегчения.

— Чем же это может заинтересовать вас, милорд? — любезно затараторил он. — Я-то считал, что Джексон — родина практического бессмертия. Говорят, что здесь многие донашивают уже третье клонированное тело.

— Я не из их числа, — с сожалением ответил барон.

Майлз непритворно изумился. Не может быть, чтобы этот престарелый убийца по этическим соображениям отвергал процесс пересадки мозга в новое тело!

— Какое-нибудь неприятное медицинское противопоказание? — сочувственно осведомился он. — Примите мои соболезнования.

— В некотором роде. — Улыбка барона стала напряженной. — Сама операция по пересадке мозга убивает некоторый процент пациентов — снизить его не удастся...

«Ага, — подумал Майлз, — не говоря о стопроцентной смертности „доноров“, чьи мозги выбрасывают, чтобы освободить место...»

— ...а еще какой-то процент получает необратимые повреждения. Это неизбежный риск.

— Но награда так огромна.

— Однако главная трудность в том, что часть пациентов умирает на операционном столе вовсе не случайно. Когда у тебя есть деньги и власть, это тоже можно устроить. У меня немало врагов, адмирал Нейсмит.

Майлз сделал неопределенный жест, сохраняя на лице выражение глубочайшего интереса.

— По моим расчетам, мои теперешние шансы пережить пересадку мозга намного ниже средних, — продолжал барон. — Поэтому меня интересуют альтернативы.

И он выжидательно замолчал.

— О! Хм... — сказал Майлз. Уставившись на свои пальцы, он стремительно соображал. — Вы правы, я когда-то принял участие в... запрещенном эксперименте. Как оказалось, он был преждевременно перенесен с животных на человека. И оказался неудачным.

— В самом деле? — отозвался барон. — Вы выглядите вполне здоровым.

Майлз пожал плечами.

— Да, были кое-какие положительные результаты для мышц, тонуса кожи, волос. Но мои кости — это кости старика, они очень хрупкие. — (И это правда.) — Я подвержен острым приступам артрита, и бывают дни, когда без лекарств я не мог бы ходить. — (И это тоже правда, черт побери. Недавнее и чрезвычайно неприятное осложнение.) — Продолжительность жизни мне обещана очень небольшая. — (Например, если кое-кто из присутствующих вдруг узнает, кто же такой на самом деле этот «адмирал Нейсмит», мне не прожить и четверти часа.) — Так что если вы любите физическую боль и считаете, что вам понравится жизнь калеки, то я мог бы рекомендовать вам эту процедуру.

Старик осмотрел Майлза с ног до головы, и углы его рта разочарованно опустились.

— Понятно.

Капитан Торн, прекрасно знавший, что процедуры «бетанского омоложения» не существует, слушал их беседу со скрытым удовольствием.

— И все же, — настаивал барон, — быть может, ваш знакомый медик достиг некоторых успехов за эти годы.

— Боюсь, что нет, — ответил Майлз, разводя руками. — Он умер. От старости.

— Ах вот как! — плечи барона бессильно поникли.

— А, вот ты где, Фелл! — раздался рядом с ними чей-то голос. Барон расправил плечи и повернулся.

Новый гость был одет так же просто, как и сам Фелл, но в его молчаливом спутнике угадывался телохранитель. Костюм слуги, в отличие от хозяйского, был вызывающе наряжен — шелковая красная туника с высоким воротом и широкие черные шаровары. Оружия при нем не было — на станции Фелл его имели только люди Фелла. Но мозоли на кулаках этого поджарого супермена говорили о том, что он может обойтись и без оружия. Взгляд его все время рыскал, руки чуть заметно подрагивали: он находился в состоянии гипербдительности, поддерживаемой с помощью специальных препаратов, и в случае приказа нанес бы удар с умопомрачительной скоростью и силой. Конечно, долго он не протянет, но нарушенный обмен веществ и ранняя старость — это, так сказать, профессиональные заболевания телохранителей.

Человек, которого он охранял, тоже был молод. Его блестящие черные волосы были заплетены в длинную косу; мелкие, но правильные черты смуглого лица оттеняла гладкая, как у девушки, кожа. Ему не могло быть больше двадцати пяти лет, однако держался он с уверенностью зрелого человека.

— Здравствуй, Ри, — кивнул юноше барон Фелл, здороваясь как с равным, а не как с младшим. Снова входя в роль радушного хозяина, он добавил: — Офицеры, могу ли я представить вам барона Риовалья из дома Риоваль? Адмирал Нейсмит, капитан Торн. Они с того скоростного крейсера иллирийской постройки, Ри. Ты его, наверное, заметил в порту.

— Боюсь, у меня не так наметан глаз на технику, как у тебя, Джориш.

Молодой барон удостоил офицеров кивка и, не обращая внимания на ответный поклон Майлза, взгляделся в обитательницу антигравитационного пузыря.

— Мои агенты не преувеличили ее чар.

Фелл сдержанно улыбнулся. Николь, с минуту назад отлетевшая в глубь шара, сейчас плавала за своим инструментом, хлопоча над настройкой. Ее глаза тревожно взглянули на Риовалья и снова вернулись к цимбалам, словно музыка могла воздвигнуть между ними какую-то магическую стену.

— Не попросишь ли ты ее... — начал Риоваль, но его прервал мелодичный сигнал наручного комм. — Извини, Джориш. — Не без раздражения барон полуотвернулся и

произнес в микрофон: — Риоваль. Ради вас надеюсь, что вопрос действительно важный.

— Да, милорд, — отозвался высокий голос из радиобраслета. — Говорит Дим, управляющий отделом сбыта. Возникла небольшая проблема. Эта тварь, которую нам продал дом Бхарапутра, искалечила покупателя.

Скульптурные губы Риовалья раздвинулись в свирепом оскале.

— Я же велел приковать ее дюросплавом.

— Мы так и сделали, милорд. Цепи выдержали, но она вырвала болты из стены.

— Парализуйте ее.

— Уже сделано.

— И как следует накажите, когда очнется. Думаю, голодовка умерит ее агрессивность.

Для существа с таким аппетитом это самое верное средство.

— А как насчет покупателя?

— Предоставьте ему любые удобства, каких он только потребует. За счет фирмы.

— Боюсь, что он очень нескоро сможет оценить их, милорд. Сейчас он в больнице. Все еще без сознания.

— Приставьте к нему моего личного врача. Остальным я займусь, когда вернусь, примерно через шесть часов. — И барон Риоваль щелчком отключил связь. — Идиоты, — проворчал он, потом сделал сдержанный, медитативный вдох и, словно программу из компьютерной памяти, вызвал обратно свои светские манеры. — Пожалуйста, извини, что нас прервали, Джориш.

Фелл снисходительно махнул ладонью — дескать, все понятно, дела.

— Так вот я говорю — не попросишь ли ты ее что-нибудь сыграть? — Риоваль кивнул в сторону квадди.

Старый барон заложил руки за спину и сверкнул зубами в благодушной улыбке.

— Сыграй нам, Николь.

Женщина робко кивнула, устроилась за инструментом и закрыла глаза. Тревога на ее лице, постепенно уступила место внутреннему покою, и музыкантка начала тихую сладкозвучную мелодию, которая постепенно крепла, разрасталась и ускорялась.

— Достаточно! — вскинул руку Риоваль. — Она совершенно такая, как ее описывали.

Николь остановилась на середине аккорда и медленно, глубоко вздохнула; ноздри ее затрепетали от обиды. Ее явно удручала невозможность довести пьесу до конца, ее артистическое достоинство было оскорблено. Резкими, порывистыми движениями она положила молоточки в гнезда по бокам цимбал и скрестила верхнюю и нижнюю пару рук. У Торна дернулся уголок рта, и он тоже скрестил руки на груди, невольно скопировав движение квадди. Майлз насторожился.

— Мой агент говорил правду, — повторил Риоваль.

— Тогда, возможно, твой агент передал тебе и мои сожаления, — сухо заметил Фелл.

— Конечно. Но он не был уполномочен предлагать сумму, превышающую некую цифру. Для такого исключительного случая необходим личный контакт.

— Дело в том, что я получаю от нее удовольствие здесь, где она есть, — сказал Фелл. — А в моем возрасте удовольствие получить гораздо труднее, чем деньги.

— Совершенно верно. Но одно можно заменить другим. Я мог бы предложить тебе нечто совершенно особенное, такое, чего нет в каталогах.

— Ничто не заменит мне удовольствие от ее музыки, Риоваль. От музыки, которая не просто прекрасна, а уникальна. Она естественна, не запятнана никаким искусственным вмешательством. И не может быть воспроизведена в твоих лабораториях.

— Мои лаборатории могут воспроизвести все что угодно, сэр.

Фелл улыбнулся, принимая скрытый вызов.

— Кроме уникальности. По определению.

Риоваль развел руками, признавая, что в этом философском споре он проиграл. Насколько понял Майлз, Фелл не просто наслаждался музыкой квадди — он еще и смаковал обладание тем, что так остро хотелось иметь его сопернику. Обыграть конкурента —

радость, доступная в любом возрасте. Похоже, даже всемогущему Риовалью нелегко придумать что-то похлеще... А все же, если Риоваль найдет, чем заплатить Феллу, то какая сила на Архипелаге Джексона сможет спасти Николь? Майлз вдруг понял: он знает, что именно мог бы запросить старый барон. Интересно, догадывается ли Риоваль?

Молодой магнат чуть нахмурился.

— Тогда давай обсудим вопрос об образце тканей. Это ей не повредит, и ты сможешь без помех услаждаться ее игрой.

— Это повредит ее уникальности. Тебе же прекрасно известно, Ри, что, когда в оборот вводятся подделки, цена оригинала падает, — ухмыльнулся барон Фелл.

— Далеко не сразу, — напомнил Риоваль. — Время взросления клона — не меньше десяти лет. Ах, но ведь ты же и сам это знаешь!

Он покраснел и слегка поклонился, словно извиняясь за допущенную неловкость.

Судя по тому, как сжал губы Фелл, это и вправду была серьезная неловкость.

— Действительно, знаю, — сухо отозвался он.

В этот миг Торн, внимательно прислушивавшийся к обмену репликами, не выдержал:

— Вы не имеете права продавать ее ткани! Они вам не принадлежат! Она не конструкт Архипелага Джексона, а свободнорожденная гражданка Галактики!

Вельможи повернулись к Белу, словно наемник был каким-то неожиданно и некстати заговорившим предметом мебели.

— Барон может продать ее контракт, — пояснил Риоваль с холодной снисходительностью. — Именно это мы и обсуждаем. Между собой.

Бел проигнорировал намек:

— А какая разница на Джексоне, называете вы это контрактом или плотью?

Риоваль улыбнулся:

— Абсолютно никакой.

— Но это совершенно противозаконно!

— Законно, дорогой мой... э-э... да, вы ведь бетанец, не так ли? Ну тогда все понятно... Законно или противозаконно то, что планета, на которой вы находитесь, называет таковым и способна отследить за его выполнением. Я здесь что-то не вижу ваших бетанских правоохранителей, которые навязали бы всем нам свое нелепое понимание этики, а ты, Джориш?

Старый барон слушал их спор, приподняв брови, и явно разрывался между гневом и желанием расхохотаться.

— Значит, если я вытащу бластер и снесу вам голову, это будет совершенно законно? — осведомился Торн.

Охранник Риовалья напрягся, готовясь к молниеносному броску.

— Заткнись, Бел, — чуть слышно пробормотал Майлз.

А Риоваль, по-видимому, уже вошел во вкус новой игры.

— У вас нет оружия. Но если отбросить юриспруденцию, то у моих подчиненных есть приказ мстить за меня. Это, так сказать, естественный или фактический закон. В результате вы увидите, что ваш неразумный порыв был поистине противозаконен.

Барон Фелл поймал взгляд Майлза и чуть заметно наклонил голову. Пора вмешаться.

— Ну довольно, идемте, капитан, — сказал Майлз. — Мы у барона не единственные гости.

— Советую отведать горячих закусок, — гостеприимно предложил Фелл.

Риоваль тут же забыл о своем оппоненте и повернулся к Майлзу:

— Прошу посетить мое заведение, если будете спускаться на планету, адмирал. Даже бетанец может там с пользой расширить свой кругозор. Я уверен, что мои служащие сумеют найти для вас что-нибудь интересное и за приемлемую сумму.

— Теперь уже не найдут, — отозвался Майлз. — Все наши деньги — у барона Фелла.

— Ах как жаль. Ну, может, в следующий раз.

Момент для расставания был самым подходящим, но Бел не двинулся с места.

— Вы не смеете продавать эту гражданку Галактики!

И он резко махнул рукой в сторону квадди, чьи сосредоточенные голубые глаза сверкали за переливающейся поверхностью шара.

Риоваль остановился на полпути и изобразил на лице искреннее изумление.

— О, капитан! Я только сейчас понял. Бетанец... Значит, вы настоящий генетический гермафродит! У вас самого есть определенное редкое качество, имеющее рыночную стоимость. Я могу предложить вам совершенно потрясающую работу, которая заставит вас по-новому видеть мир. И заработок вдвое выше вашего теперешнего! Причем в вас даже не будут стрелять. Гарантирую, что вы будете пользоваться огромным уважением. Оплата сдельная.

Впоследствии Майлз клялся, что физически ощутил, как у Торна зашкалило давление, когда до него дошел смысл сказанного. Видя, как потемнело лицо капитана, Майлз протянул руку и изо всех сил впился пальцами в его плечо.

— Нет? — удивился Риоваль, склоняя голову набок. — Ну ладно. Однако, если серьезно, я бы хорошо заплатил вам за образец тканей для моей коллекции.

Бел взорвался:

— Чтобы еще сотни лет мои клоны были секс-рабами? Только через мой труп! Или ваш... ах вы... вы...

Он так разъярился, что даже начал заикаться, чего Майлз не замечал еще ни разу за все годы их знакомства. Даже во время боя Торн держался гораздо спокойнее.

— Ах как это по-бетански! — ухмыльнулся Риоваль.

— Уймись, Ри, — проворчал оружейный магнат.

Риоваль вздохнул:

— Так уж и быть. Но это так увлекает!

— Нам не выиграть, Бел, — прошипел Майлз. — Пора убраться.

Фелл одобритительно кивнул.

— Благодарю вас за гостеприимство, барон Фелл, — официальным тоном проговорил Майлз. — До свидания, барон Риоваль.

— До свидания, адмирал, — отозвался Риоваль, неохотно прекращая то, что явно оказалось для него лучшим развлечением дня. — Для бетанца вы, похоже, не слишком закоснели в предрассудках. Надеюсь, когда-нибудь вы сможете навестить нас без вашего высокоморального друга.

— Не думаю, — пробормотал Майлз, тщетно роясь в памяти в поисках сокрушительного оскорбления, которое можно было бы бросить на прощание.

— Ах как жаль, — не унимался барон. — У нас есть один номер: карлик с собакой. Я уверен, вы нашли бы его захватывающе интересным.

Наступило мгновение полной тишины.

— Поджарьте их с орбиты, — напряженно посоветовал Бел.

Майлз ухмыльнулся, стиснув зубы, поклонился и отошел, таща Бела за рукав.

Почти сразу же подле них возник мажордом.

— Выход вон в той стороне, офицеры, будьте добры, — улыбнулся он.

Никогда еще Майлза не выставляли за дверь с такой любезностью.

Когда они вернулись на «Ариэль», Торн забежал взад-вперед по кают-компании. Майлз сидел и цедил кофе, такой же горький и черный, как его мысли.

— Извините, что я вышел из себя с этим сопляком Риовалем, — хрипло проговорил Торн.

— Какой он, к дьяволу, сопляк, — с досадой ответил Майлз. — Мозгу этого тела не меньше ста лет. Он управлял вами, как марионеткой. Нет. Нам нечего было надеяться выиграть у него партию. Честно говоря, было бы гораздо лучше, если бы у вас хватило ума заткнуться.

Он глубоко втянул в себя воздух, стараясь охладить ошпаренный язык.

Бел сокрушенно махнул рукой, признавая свою вину, и опять заметался, как зверь по клетке.

— А эта бедняжка, заключенная в своем пузыре... И я, дурак, упустил единственную возможность поговорить с нею! Бубнил какую-то чушь...

«Николь основательно разбередила в Торне мужское начало», — отметил про себя Майлз.

— Случается с каждым, — пробормотал он, улыбаясь в чашку, потом нахмурился.

Пожалуй, не следует поощрять интерес Торна к квадди. Женщина явно не просто одна из домашних слуг Фелла. У них здесь всего один корабль с экипажем в двадцать человек, но даже будь с ним весь дендарийский флот, Майлз не решился бы оскорбить оружейного барона на его собственной территории. В конце концов они на задании... Кстати, где этот проклятый пассажир? Почему он до сих пор не связался с «Ариэлем»?

Запишало переговорное устройство, и расстроенный капитан шагнул к двери.

— Торн слушает.

— Сэр, говорит капрал Нот от стыковочного узла. Здесь... женщина. Она вас спрашивает.

Торн и Майлз обменялись удивленными взглядами:

— Ее имя? — спросил Торн.

Послышалось приглушенное бормотание, а потом ответ:

— Она говорит — Николь.

Торн удивленно хмыкнул.

— Хорошо. Проведите ее в кают-компанию.

— Есть, капитан. — Капрал забыл отключить свое переговорное устройство и до них донеслось: — ...послужу здесь подольше, и не такого насмотришься...

Николь появилась в дверях, балансируя на летающем кресле — парящей округлой чаше, которая, казалось, ищет свое блюдце. Эмаль на кресле была того же голубого цвета, что и ее глаза. Пролетев на нем в дверь с грацией покачивающей бедрами женщины, она резко затормозила у стола, установив кресло на уровне сидящего человека.

Нижние руки квадди управляли креслом, а верхние оставались свободными. Опора для нижней части тела была явно изготовлена специально для нее. Майлз с огромным интересом наблюдал, как Николь маневрирует — он и не знал, что квадди могут жить за пределами «пузыря невесомости». Майлз предполагал, что вне своего аквариума Николь будет беспомощной, как медуза на песке, однако она выглядела вполне крепкой и решительной дамой.

Торн явно повеселел.

— Николь! Как приятно снова вас видеть.

Николь отрывисто кивнула.

— Добрый день, капитан Торн. Здравствуйте, адмирал Нейсмит.

Она переводила взгляд с одного на другого и наконец задержала его на Торне. Майлз уже догадался, в чем дело, но решил пока помолчать. Прихлебывая кофе, он ожидал дальнейшего развития событий.

— Капитан Торн. Вы наемник, не так ли?

— Да...

— И... извините, если я вас не так поняла, но мне показалось, что вы отчасти... сочувствуете моему положению.

Торн отвесил галантный поклон:

— Я вижу, что вы висите над пропастью.

Николь сжала губы и молча кивнула.

— Не надо забывать, что она сама вовлекла себя в такую ситуацию, — напомнил Майлз.

Женщина гордо подняла голову:

— И намерена сама из нее выбраться.

Майлз опять укрылся за чашкой, а Николь принялась нервно изменять высоту кресла — взлетела чуть вверх, потом вниз и в результате зависла на прежнем уровне.

— Мне представляется, — снова заговорил Майлз, — что барон — весьма внушительный покровитель. Не думаю, чтобы у вас были основания опасаться... э-э... плотского интереса Риовая, пока Фелл стоит у власти.

— Барон Фелл умирает, — мотнула головой Николь. — По крайней мере он сам так думает.

— Я это понял. А почему он не закажет себе клона?

— Он заказывал. Был договор с домом Бхарапутра. Клону было уже четырнадцать лет, он достиг полного размера. И тут пару месяцев назад юношу убили. Барон до сих пор не дознался, кто именно это сделал, хотя у него и есть небольшой список кандидатур, возглавляемый его единоутробным братом.

— И Фелл оказался в плену дряхлеющего тела. Очень остроумный тактический ход, — заметил Майлз. — Интересно, что теперь предпримет этот неизвестный враг? Будет просто ждать?

— Не знаю, — ответила Николь. — Барон распорядился, чтобы ему вырастили новую копию, но она пока еще не вышла из маточного репликатора. Даже при использовании стимуляторов роста клон еще много лет не созреет для пересадки мозга. И очень может быть, что барон умрет, не дожив до этого момента. Даже независимо от состояния его здоровья.

— Скверно, — согласился Майлз.

— Я хочу уехать. Я заплачу, чтобы вы меня отсюда увезли.

— Тогда почему же, — сухо спросил Майлз, — вы не хотите истратить свои деньги в одной из трех галактических компаний, которые совершают сюда пассажирские полеты?

— Дело в моем контракте, — объяснила Николь. — Когда я подписывала его на Земле, то не представляла, чем это обернется на Архипелаге Джексона. Без разрешения барона я даже не могу купить билет, чтобы улететь отсюда. И к тому же стоимость жизни здесь все растет и растет. Не сомневаюсь, что прежде, чем истечет мой срок, положение станет гораздо хуже.

— А когда он истечет? — спросил Торн.

— Через пять лет.

— Ох!

— Так что вы... э-э... хотите, чтобы мы помогли вам нарушить контракт с синдикатом, — подытожил Майлз, отпечатывая чашечкой маленькие мокрые круги на крышке стола. — Вывезли вас контрабандой.

— Я могу заплатить. Сейчас я могу заплатить больше, чем через год. Когда я сюда ехала, я ждала совсем другого. Были разговоры о демонстрационной записи, но ее не сделали. По-моему, ее так никогда и не сделают. А мне надо много выступать, чтобы собрать денег на дорогу домой. К моему народу... Я хочу... вырваться отсюда, пока не поздно. — Николь ткнула пальцем вниз, в направлении планеты, вокруг которой они сейчас вращались. — Люди, которые туда спускаются, часто не возвращаются обратно. — Она помолчала. — Вы ведь не боитесь барона Фелла?

— Нет! — ответил Торн.

— Да! — столь же решительно заявил Майлз.

Они обменялись взглядами.

— Мы склонны быть осторожными с бароном Феллом, — уточнил Майлз, и Торн пожал плечами, соглашаясь.

Николь нахмурилась и пододвинулась к столу. Вытянув из кармана шелкового жакета пачку ассигнаций со всевозможных планет, она положила ее перед офицерами:

— Это прибавит вам храбрости?

Торн взвесил пачку на руке, потом перелистал ее. По крайней мере пара тысяч бетанских долларов, главным образом в средних купюрах, хотя сверху лежала однодолларовая бумажка, маскируя величину суммы для невнимательного наблюдателя.

— Ну, — спросил Торн, глядя на Майлза, — и что мы, наемники, по этому поводу думаем?

Майлз задумчиво откинулся на спинку стула. Если Торн захочет, он может припомнить ему немало долгов — среди них и свято хранимую им тайну личности адмирала Нейсмита. Майлз вспомнил тот день, когда Торн помог захватить астероидную станцию и дредноут «Триумф», не имея ничего, кроме шестнадцати бойцов плюс дьявольское нахальство.

— Я поощряю творческие порывы моих подчиненных, — сказал он наконец. — Торгуйтесь, капитан.

Торн улыбнулся и взял бетанский доллар.

— Вы все правильно поняли, — сказал он музыкантке, — но сумма не та.

Женщина нерешительно потянулась к карману, но замерла, когда Торн подтолкнул обратно всю пачку.

— Что?

Торн сложил долларовую купюру в несколько раз.

— Это и есть необходимая сумма. Таким образом, наш договор стал официальным. — Бел протянул ей руку, зардевшаяся Николь торопливо пожала ее. — Заметано!

— Герой, — сказал Майлз, грозя ему пальцем, — имейте в виду: я наложу свое вето, если вы не придумаете, как осуществить это дело в полной тайне.

— Есть, сэр, — отозвался Торн.

Несколько часов спустя Майлза разбудил отчаянный писк коммпюльта. Сбившийся сон мгновенно рассеялся, оставив после себя только смутную уверенность в том, что он был реалистический и неприятный. Очень реалистический и очень неприятный.

— Нейсмит слушает.

— Говорит дежурный навигатор-связист, сэр. Вас вызывает по коммерческой связи какой-то тип с планеты. Его фамилия Воэн.

Так должен был назваться беглец, за которым они сюда прибыли. Настоящее его имя было Канабе. Майлз схватил китель, натянул его поверх черной майки, попытался пригладить волосы и уселся в кресло у пульта.

— Соедините нас.

На видеоэкране материализовалось мужское лицо — смуглое, с неопределенными чертами, не говорящими ни о какой расе; короткие волнистые волосы были тронуты сединой. Необыкновенным был только ум, светившийся в карих глазах. «Да, это он, — удовлетворенно подумал Майлз. — Ну, начали». Но Канабе выглядел не просто встревоженным — казалось, он в полном отчаянии.

— Адмирал Нейсмит?

— Да. Воэн?

Канабе кивнул.

— Где вы? — спросил Майлз.

— На планете.

— Вы должны были прибыть сюда.

— Знаю. Кое-что случилось. Есть проблема.

— Что за проблема?! Э-э... эта линия безопасна?

Канабе с горечью засмеялся.

— На этой планете нет ничего безопасного. Но я не думаю, чтобы за мной следили. Однако улететь я пока не могу. Мне нужна... помощь.

— Воэн, мы не в состоянии забрать вас силой... Если вы в плену...

Ученый затряс головой.

— Нет, дело не в этом. Я... кое-что потерял. Мне нужна помощь, чтобы это вернуть.

— Насколько я понял, вы должны были все оставить. Вам компенсируют любой ущерб.

— Это не личное имущество. Это нечто необходимое вашему нанимателю. Некие... образцы, которые... вышли из-под моего контроля. Без них меня не возьмут.

Похоже, доктор Канабе принимает Майлза за рядового исполнителя, которому доверен лишь минимум секретной информации. Что ж, тем лучше.

— Меня просили перевезти только лично вас и ваши навыки.

— Вам не сказали всего.

«Ну да, не сказали! Барраяр был бы счастлив заполучить тебя даже нагишом! Что же происходит?»

Встретив раздраженный взгляд Майлза, биолог решительно сжал губы.

— Я без этих препаратов не уеду. Если вы не согласны, то сделка отменяется. И плакали ваши денежки, наемник.

Он это серьезно. Проклятие! Майлз нахмурился.

— Все это чересчур таинственно.

Канабе пожал плечами.

— Извините, но я не могу иначе. Давайте встретимся, и я расскажу вам остальное. Или улетайте. Мне безразлично, что вы решите. Но то, о чем я говорю, должно быть сделано... должно быть... исполнено.

Майлз тяжело вздохнул.

— Хорошо. Но все сложности, которые вы устраиваете, увеличивают опасность для вас же. И для меня. Поэтому ваши требования должны иметь под собой действительно серьезные основания.

— Ах, адмирал, — проговорил Канабе, — это очень серьезно. Для меня.

С неба медленно падал снег, давая Майлзу новый повод для проклятий... Но, увы, — все ругательства у него кончились уже несколько часов назад. Его трясло от холода даже в толстой форменной куртке. Наконец-то у ветхой будки, в которой приютились Майлз и Бел, появился Канабе. Сохраняя полное молчание, дендарийцы последовали за ученым.

Лаборатории Бхарапутры располагались в центре города, и Майлзу здесь было откровенно неуютно: охраняемый космопорт, охраняемые небоскребы синдикатов, охраняемые муниципальные здания, охраняемые жилые массивы, а между ними — хаос заброшенных трущоб, которые никто не охранял и откуда крадучись выходили оборванные люди. Майлз с беспокойством подумал, что двоих дендарийцев, которым поручено тайно следовать за ними, может в случае чего и не хватить. Но обитатели трущоб сторонились их: они явно понимали, что значит охрана. По крайней мере в дневное время.

Канабе завернул в одно из близлежащих зданий. Лифты здесь не работали, а коридоры не отапливались. Какая-то темная фигура (кажется, женская) метнулась в сторону, во мрак, заставив Майлза вспомнить о крысах. Они неохотно поднялись за Канабе по пожарной лестнице, расположенной рядом с отключенным лифтом, прошли еще один коридор, а потом через дверь со сломанным замком попали в пустую грязную комнату. Что ж, тут хотя бы не было ветра.

— Думаю, теперь мы можем поговорить, — начал доктор Канабе, стягивая перчатки.

— Бел? — спокойно окликнул Майлз.

Торн вытащил сканер и быстро обследовал комнату, а охранники обшарили соседние помещения. Один занял пост в коридоре, другой расположился у окна.

— Здесь, похоже, чисто, — без особой уверенности доложил Торн. — Во всяком случае, пока.

Он демонстративно обошел со сканером вокруг Канабе. Тот ждал, опустив голову, словно сознавая, что лучшего и не заслуживает. Закончив проверку, Торн включил противоподслушивающее устройство.

Майлз скинул с головы капюшон и расстегнул куртку, чтобы при необходимости легче было достать спрятанное оружие. Поведение их клиента было каким-то странным. Что руководит этим человеком? Нынешнее положение гарантирует ему богатство — об этом говорят его шуба и богатая одежда под ней. Уровень его жизни, конечно, не станет ниже, когда он перейдет в Имперский научный центр Барраяра, но там у него наверняка будет

меньше возможностей обогатиться на стороне. Следовательно, им движут не деньги. Но тогда зачем вообще служить в таком месте? Архипелаг Джексона — пристанище людей, чья жадность сильнее порядочности.

— Вы для меня загадка, доктор Канабе, — небрежно бросил Майлз. — Почему вы вдруг решили поменять место работы? Я неплохо знаю ваших новых нанимателей и, честно говоря, сомневаюсь, чтобы они могли предложить вам больше, чем дом Бхарапутра.

Именно так и должен говорить наемник.

— Они обещали мне защиту от барона Луиджи. Хотя если они имели в виду вас...

Тут Канабе с сомнением посмотрел сверху вниз на Майлза.

Ха! Похоже, он не лукавит, а действительно испуган и, того гляди, удерет от своих спасителей. А Майлзу потом лично объяснять шефу Имперской службы безопасности Иллиану, почему он не выполнил задания.

— Наши услуги уже оплачены, — сказал Майлз, — и, следовательно, вы можете распоряжаться нами. Но мы не можем защищать вас, если вы нарушаете планы, составленные для вашей максимальной безопасности, вводите посторонние факторы и требуете, чтобы мы действовали с закрытыми глазами. Для того чтобы гарантировать результаты, мне необходима полная информация относительно того, что происходит.

— Никто не требует от вас каких-то гарантий.

— Прошу прощения, доктор, требуют.

— О! — произнес Канабе. — Я... понимаю. — Он прошел к окну, вернулся. — Но вы сделаете то, о чем я попрошу?

— Я сделаю, что смогу.

— Хорошо! — фыркнул Канабе. — Господи!.. — Он устало покачал головой, потом сделал решительный вдох. — Я приехал сюда не из-за денег. Я приехал, потому что мог проводить здесь такие исследования, какие невозможны больше нигде. Я мечтал о крупных открытиях... Но это превратилось в кошмар. Вместо свободы я попал в рабство. Чего они от меня требовали!.. И вечно мешали делать то, что я хотел. Да, всегда можно найти специалистов, готовых ради денег на все, но это — посредственности. Здешние лаборатории полны таких. А настоящих ученых купить нельзя. Я делал вещи — уникальные вещи, — которые Бхарапутра не стал использовать, потому что они недостаточно выгодны: ему все равно, скольких людей это облагодетельствует... У меня нет признания, нет уважения среди коллег... Год за годом я слежу по публикациям, как галактическая известность приходит к людям, которые во всем мне уступают! И только потому, что я не могу публиковать результаты своих исследований... — Канабе умолк и понурился. — Наверное, вы решили, что у меня мания величия.

— Нет, почему же, — отозвался Майлз. — Я решил, что вы испытываете острое чувство неудовлетворенности.

— Эта неудовлетворенность, — встрепенулся Канабе, — пробудила меня от долгого сна. А гордость заставила меня вновь открыть для себя стыд. И его груз ошеломил меня, совершенно ошеломил... Вы понимаете? Да нужно ли, чтобы вы понимали?

Он сделал несколько шагов и остановился, глядя в стену.

— Э-э... — Майлз виновато почесал в затылке. — Видите ли, доктор... Я буду счастлив выслушать ваши увлекательнейшие объяснения, но только на моем корабле. Нам следует как можно скорее улететь отсюда.

Канабе обернулся к нему с кривой усмешкой.

— Вы человек практичный. Солдат. Ну, видит Бог, мне сейчас именно солдат и нужен.

— Дела настолько запутались?

— Это... произошло внезапно. Было семь синтезированных генокомплексов. Один из них — средство для лечения некоего малораспространенного нарушения обмена. Другой в двадцать раз увеличивает производство кислорода водорослями на космических станциях. Один вообще не из лабораторий Бхарапутры: его привез человек... Мы так и не узнали, кто он такой на самом деле, но смерть следовала за ним по пятам. Несколько моих коллег,

работавших над его темой, были убиты в одну ночь. К счастью, я никому не признался, что позаимствовал образец ткани для исследования. Я его еще не полностью расшифровал, но могу вам гарантировать: он абсолютно уникален.

От неожиданности Майлз чуть не задохнулся: странное стечение обстоятельств привело такой же образец ткани в руки дендарийской разведки уже год тому назад! Телепатический комплекс Теренса Си, тот самый, ради которого его императорскому величеству вдруг понадобился ведущий специалист-генетик. Когда доктор Канабе прибудет в свою новую барраярскую лабораторию, его будет ждать небольшой сюрприз. Но если остальные шесть комплексов по своей ценности хотя бы близки к тому, о котором идет речь, то шеф безопасности Иллиан будет тупым ножиком срезать с Майлза шкуру за то, что он их упустил. А задание-то оказывается не таким уж тривиальным...

— Все эти семь комплексов — плоды десятков тысяч часов исследований, главным образом моих, но некоторые — и других людей. Это итог всей моей жизни. Я с самого начала собирался прихватить их с собой, свернул их в вирусоподобную форму и поместил, связанные и дремлющие, в живую... — Канабе запнулся, — ...в живой организм. Я был уверен, что в этом организме никто не будет их искать.

— А почему вы не спрятали их в собственном теле? — раздраженно спросил Майлз. — Тогда вы не могли бы их потерять.

Канабе опешил:

— Я... не догадался. Как изящно! Почему я не додумался до этого? — Он изумленно дотронулся до лба, словно пытаясь найти отказавшую извилину. Потом снова сжал губы. — Но это все равно ничего не изменило бы. Мне необходимо... — Канабе умолк. — Дело в том организме, — объяснил он наконец. — В... существе.

Наступило еще одно долгое молчание, потом генетик стыдливо продолжил:

— Из всего, что я сделал по заказам этих мерзавцев, больше всего я жалею об одном. Вы должны понять: я тогда был моложе и все еще полагал, что меня здесь ждет карьера, о которой следует заботиться. И вина не на мне одном — так сказать, групповое преступление...

— Доктор, чем дольше мы здесь пробудем, тем больше у нас шансов сорвать операцию. Пожалуйста, переходите к сути.

— Да-да. Ну вот, несколько лет назад лаборатории дома Бхарапутра подрядились создать... новое существо. Согласно спецификациям.

— Я думал, что это дом Риоваль славится изготовлением людей или еще кого-то, согласно спецификациям, — сказал Майлз.

— Они изготавливают секс-рабов, штучные изделия. Это весьма специализированная область. И небольшая — покупателей очень мало. На свете есть много богачей и много извращенцев, но клиент дома Риоваль должен принадлежать одновременно к обеим категориям, а таких меньше, чем можно было бы ожидать. Короче, наш проект подразумевал массовое производство, которое Риоваль не под силу. Одно из правительств моей планеты, притесняемое соседями, захотело, чтобы мы разработали для них суперсолдат.

— Как, опять? — изумился Майлз. — Я считал, что такое уже пробовали, и не однажды.

— На этот раз мы решили, что справимся. По крайней мере руководство фирмы было готово взять у заказчика деньги. Но дело сорвалось из-за слишком большого количества предложений. Клиенты, наше собственное начальство, генетики — у всех имелись какие-то идеи. В результате проект был обречен еще на стадии планирования.

— Суперсолдат, да еще и спроектированный целым комитетом! Милосердные боги! Просто ум за разум заходит. — Завороженный Майлз широко открыл глаза. — Ну и что же произошло?

— Нескольким из нас показалось, что физические пределы обычного человека уже достигнуты. Скажем, если мышечная система идеально здорова, стимулируется максимальным количеством гормонов, натренирована до определенного уровня, то большего

уже сделать нельзя. Так что мы обратились к другим видам. Я, например, увлекся аэробным и анаэробным метаболизмом мышечной системы чистокровной лошади...

— Что? — ахнул пораженный Торн.

— Были и другие идеи. Много идей. Клянусь, не все они были моими.

— Вы соединили гены человека и животного?

— Почему бы и нет? Гены человека соединяли с генами животных уже в самом начале эпохи генной инженерии: это было испробовано чуть ли не в первую очередь. Человеческий инсулин от бактерий и тому подобное. Но до сих пор никто не осмеливался сделать обратное. Я сломал барьер, разгадал коды... Поначалу все шло хорошо. Только когда образцы достигли зрелости, стали видны все наши ошибки. Ну, это ведь была только первая проба. Эти создания должны были внушать страх. Но они оказались просто чудовищны.

— Скажите, — еле выдавил из себя Майлз, — а в вашем комитете был хоть один военный с боевым опытом?

— Полагаю, у клиента они были. Именно они дали нам спецификации, — ответил Канабе.

— Понимаю! — выпалил Торн. — Им требовался только рядовой состав!

Майлз кинул на него гневный взгляд, требуя молчания, и постучал пальцем по своему хронометру:

— Не будем отвлекаться, доктор.

После недолгой паузы Канабе снова заговорил:

— Мы изготовили десять образцов. А потом наш клиент... прекратил существование. Они проиграли свою войну...

— Ничего удивительного, — пробормотал Майлз.

— ...финансирование закончилось, и проект был закрыт, а мы лишились возможности исправить ошибки. Из десяти образцов девять уже погибли. А один остался. Мы держали его в лаборатории, и я поместил свои генокомплексы в это существо. Они и сейчас в нем. Последнее, что я собирался сделать перед отъездом, — это убить его. Мое искупление, если хотите.

— И тут? — подсказал Майлз.

— Несколько дней назад его вдруг продали дому Риовалья. Барон Риоваль охотно приобретает всевозможные диковинки для своих банков тканей...

Майлз с Белом переглянулись.

— Я понятия не имел, что его должны продать. Пришел утром, а его нет. По-моему, Риоваль понятия не имеет о его истинной ценности. Насколько я знаю, он и сейчас там, в заведении Риовалья.

Майлз решил, что у него начинается насморочная головная боль — несомненно, из-за холода.

— Скажите, будьте любезны, чего же вы теперь хотите от нас, от солдат?

— Проникните туда. Убейте его. Возьмите образец ткани. Только тогда я улечу с вами.

— Что именно взять: оба уха и хвост?

Ученый кинул на Майлза холодный взгляд:

— Левую икроножную мышцу. Именно туда я ввел мои комплексы. Вирус-носитель не заразный, далеко не мигрировал. Максимальная концентрация по-прежнему будет там.

— Ясно. — Майлз потер виски, прижал пальцами веки. — Ладно. Мы об этом позаботимся. Личный контакт между нами очень рискован, и я предпочел бы, чтобы он не повторялся. Планируйте явиться на мой корабль через двое суток. Как мы узнаем вашу тварь?

— Ошибиться трудно. Эта особь выросла до восьми футов. Я... хочу, чтобы вы знали: клыки — это не моя идея.

— По... понимаю.

— Она может двигаться очень быстро, если по-прежнему здорова. Я не могу вам чем-нибудь помочь? У меня есть доступ к сильным ядам...

— Спасибо, вы сделали уже достаточно. Дальше предоставьте действовать нам. Договорились?

— Лучше всего было бы полностью уничтожить тело. Чтобы не осталось клеток.

— Для этого и изобретались плазменные дуги. А сейчас вам лучше поторопиться. Но Канабе все еще колебался.

— Адмирал Нейсмит?

— Да?..

— Наверное, было бы лучше, если бы мои будущие наниматели не узнали об этом эксперименте. Это воинственный народ. Они могли бы слишком заинтересоваться моим изобретением.

— О! — сказал Майлз — адмирал Нейсмит — лейтенант Барраярской Имперской службы — лорд Форкосиган. — По-моему, вам не следует тревожиться по этому поводу.

— А для вашего рейда хватит двух суток? — забеспокоился Канабе. — Учтите: если вы не получите ткани, я вернусь обратно на планету. Я не позволю захватить меня в плен.

— Вы будете довольны. Это оговорено в моем контракте, — ответил Майлз. — А теперь вам лучше уйти.

— Я полагаюсь на вас, сэр.

Биолог кивнул, стараясь подавить душевное смятение, и удалился.

Они подождали несколько минут в холодной комнате, чтобы дать ему время отойти подальше. Здание скрипело на ветру. С верхнего этажа донесся странный вскрик, чуть позже — резко оборвавшийся смех. Вернулся проследивший за Канабе охранник и доложил:

— Он благополучно добрался до своей машины, сэр.

— Ну, — начал Торн, — теперь нам придется раздобыть план помещений Риовалья...

— Не думаю, — ответил Майлз.

— Если мы устроим рейд...

— Какой, к черту, рейд! Я не буду рисковать людьми ради такого идиотизма. Я сказал, что берусь заглазить его грехи, но не сказал — как.

Пункт коммерческой связи центрального космопорта вполне подходил для предстоящих переговоров. Майлз зашел в кабину и вставил в прорезь свою кредитную карточку. Торн примостился сбоку, вне обзора, а охранники ждали снаружи. Майлз набрал код вызова.

Через мгновение экран воспроизвел образ миловидной секретарши с ямочками на щеках и белым меховым хохолком вместо волос.

— Дом Риоваль, служба сбыта. Я могу вам чем-то помочь, сэр?

— Я хотел бы поговорить с управляющим, мистером Димом, — непринужденно заявил Майлз, — по поводу закупок для моей организации.

— Кто именно будет с ним говорить?

— Адмирал Майлз Нейсмит, Свободный флот дендарийских наемников.

— Секундочку, сэр.

— Вы и правда думаете, что они его продадут? — зашептал Бел, когда на месте девушки замерцал переливающийся всеми красками узор и зазвучала сладкая музыка.

— Вспомните вчерашний скандал, — сказал Майлз. — Готов поспорить, что эта тварь продается. И дешево.

В следующую секунду вместо многоцветного пятна возникло лицо поразительно красивого молодого человека, голубоглазого альбиноса в красной шелковой рубашке. На его розовой щеке красовался огромный синяк.

— Говорит управляющий Дим. Чем могу быть вам полезен, адмирал?

Майлз не спеша откашлялся.

— Моего внимания достиг слух, что дом Риоваль недавно приобрел у дома Бхарапутра некий образец, интересующий меня с профессиональной точки зрения. Предполагалось, что это существо станет прототипом идеального солдата. Вы ничего об этом не знаете?

Дим невольно дотронулся до своего синяка, потом, спохватившись, отдернул руку.

— Действительно, сэр, у нас имеется такой товар.

— Он продается?

— О, еще... То есть, я хотел сказать, некоторые предложения у нас уже имеются. Но, возможно, еще не поздно назначить вашу цену.

— Мне можно будет его осмотреть?

— Конечно, — отозвался Дим с плохо скрытой поспешностью. — Как скоро?

Раздался треск помех, картинка раскололась, и лицо управляющего отодвинулось в сторону. При виде их нового собеседника, появившегося на экране, Торн в своем углу зашипел, как рассерженная кобра.

— Я сам продолжу переговоры, Дим, — произнес барон Риоваль.

— Да, милорд.

Явно изумленный управляющий отключился, и изображение барона заняло все пространство.

— Итак, мой дорогой бетанец, — улыбнулся Риоваль, — как видно, у меня все-таки нашлось нечто такое, что вам по вкусу.

Майлз пожал плечами и равнодушно проговорил:

— Возможно. Если цена окажется сходной.

— Но мне казалось, что все ваши деньги потрачены у Фелла.

Майлз вскинул ладони:

— У хорошего командующего всегда есть скрытые резервы. Однако действительная ценность товара мне пока неясна. По правде говоря, даже само его существование вызывает у меня сомнения.

— О, этот товар действительно существует. И он очень... внушитель. Я с огромным удовольствием присоединил его к моей коллекции. Мне не хотелось бы с ним расставаться. Однако для вас, — тут Риоваль улыбнулся еще шире, — я мог бы назначить совсем небольшую цену.

И он рассмеялся, словно какой-то шутке, понятной лишь ему одному.

— О?

— Я предлагаю обмен, — пояснил Риоваль. — Плоть за плоть.

— Похоже, вы переоцениваете мою заинтересованность, барон.

Глаза Риоваля блеснули.

— Не думаю.

«Он знает, что я не стал бы с ним разговаривать, не будь это для меня достаточно важным. Логично, ничего не скажешь».

— Ну что же, сформулируйте ваше предложение.

— Вот оно: ручное чудище Бхарапутры (ах, вам бы только на него посмотреть, адмирал!) в обмен на три образца ткани. Три образца, которые, если вы будете действовать умно, не будут вам стоить ни гроша. — Риоваль поднял один палец: — Во-первых, от вашего бетанского гермафродита. — Второй палец: — Во-вторых, ваш собственный. — Третий: — От музыкантки-квадди барона Фелла.

Торна при этих словах чуть не хватил удар, но, слава Богу, он сидел тихо.

— Заполучить этот третий будет чрезвычайно трудно, — сказал Майлз, стараясь выгадать время для размышления.

— Вам — легче, чем мне, — ответил Риоваль. — Фелл знает моих агентов, а мои расспросы заставили его быть настороже. Вы даете мне уникальную возможность перехитрить его. При достаточном желании это в ваших силах, я уверен.

— При достаточном желании практически все в моих силах, — уклончиво ответил Майлз.

— Вот видите. Я жду вашего ответа... скажем... в течение суток. Затем мое предложение снимается. До свидания, адмирал. — Риоваль дружески кивнул, и экран погас.

— Вот видите, — эхом повторил Майлз.

— Видите что? — с подозрением переспросил Торн. — Вы же не приняли всерьез это... мерзкое предложение, правда?

— Господи, да зачем ему понадобился образец моих тканей? — вслух удивился Майлз.

— Несомненно, для номера «карлик с собакой», — откликнулся Торн.

— Ну-ну. Боюсь, его ожидало бы горькое разочарование, когда мой клон вырос бы до метра восьмидесяти. — Майлз откашлялся. — В сущности, никому из нас это не повредит — дать маленький образец ткани. А устраивать налет — значит рисковать жизнью.

Торн прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— Неверно. Вам придется рисковать жизнью, сражаясь со мной за мой образец. И за ее.

Майлз кисло улыбнулся.

— Что ж, итак...

— Итак?

— Итак, пошли искать план зверинца Риовалья. Похоже, нам предстоит серьезная охота.

Роскошные биолaborатории дома Риоваль были, конечно, не настоящей крепостью, а всего лишь несколькими охраняемыми зданиями. Несколькими большими и чертовски хорошо охраняемыми зданиями. Майлз стоял на крыше арендованного летающего фургона, изучая местность в бинокль ночного видения. Капли сгущающегося тумана блестели в его волосах, а влажный холодный ветер пытался отыскать щели в его куртке, с таким же упорством, как он — щели в охране Риовалья.

Группа белых корпусов возвышалась на фоне лесистого горного склона. Сады были освещены прожекторами: туман и мороз превратили их в настоящую сказку. Ворота с ближней стороны казались достаточно перспективными. Майлз медленно кивнул своим мыслям и слез с крыши фургона (убедительно сломавшегося на том участке горной дороги, откуда открывался хороший вид на владения Риовалья). Отворив заднюю дверцу, он юркнул внутрь, спрятавшись наконец от пронизывающего ветра.

— Хорошо, ребята, слушайте.

Его команда столпилась вокруг установленной посередине голокарты. Разноцветные огоньки бросали отсветы на лица младшего лейтенанта Марко, заместителя Торна, и двух рослых рядовых. За штурвалом фургона сидела сержант Лорин Андерсон, которой вместе с рядовым Сэнди Херельдом и капитаном Торном было поручено прикрывать поисковую группу. Тайный барраярский предрассудок не позволял Майлзу брать с собой в царство Риовалья женщин и — тем более — Торна. К тому же Лорин клялась, что сумеет провести любой сделанный человеком летательный аппарат даже сквозь игольное ушко (хотя Майлз сомневался, что она когда-нибудь в жизни держала в руках иголку с ниткой). Следовательно, полученный приказ не должен вызвать у нее удивления.

— Главная трудность в том, что мы до сих пор не знаем, где именно они держат эту бхарапутрскую тварь. Сначала преодолеваем заграждение, передний двор и главное здание — здесь и здесь. — Извилистая красная линия пролегла по намеченному Майлзом маршруту. — Затем прихватываем одного из внутренних служащих и допрашиваем его под суперпентоталом. С этого момента все решает скорость, поскольку будем рассчитывать, что его быстро хватятся. Ключевое слово операции — «тихо». Мы пришли сюда не воевать с подчиненными Риовалья. Держите наготове только парализаторы и припрячьте плазмотроны и остальные игрушки до того момента, как мы найдем нашего зверя. Мы его быстро и без шума приканчиваем, я беру образец... — тут Майлз притронулся к куртке, под которой был спрятан криогенный контейнер, — и мы бежим. Если нас обнаруживают до того, как я заполучу этот драгоценный кусок мяса, мы не пытаемся пробиться на свободу. Не стоит. У них тут своеобразный метод расправы, а я не хотел бы пополнить собой знаменитый банк тканей Риовалья. Мы сдаемся и ждем, пока капитан Торн нас выкупит, а потом предпринимает что-нибудь еще. На крайний случай у нас есть кое-какая приманка для Риовалья.

— На самый крайний случай... — пробормотал Торн.

— Если что-то разладится после того, как будет выполнено задание, вступают в действие правила боя. Образец в криоконтейнере должен быть любой ценой доставлен капитану Торну. Лорин, ты запомнила место аварийной встречи?

— Да, сэр.

— Остальные тоже запомнили? Вопросы? Предложения? Замечания? Тогда проверьте связь, капитан Торн.

Все наручные коммы работали нормально. Младший лейтенант Марко надел рюкзак с оружием, а Майлз спрятал в карман чертежи и планы, за которые совсем недавно заплатил изрядную сумму одной сговорчивой строительной компании. Четыре человека выскользнули из фургона и растворились в морозной темноте.

Они быстро пробежали через замерзший лес и приблизились к ограде. Марко вовремя заметил монитор наблюдения, ослепил его короткой вспышкой радиопомех, и поисковая группа перемахнула через стену (Майлз, подброшенный своими рослыми спутниками, взлетел на нее с легкостью мячика).

Внутренний двор оказался пустынным и неинтересным: запертые ворота, погрузочные эстакады, мусорные контейнеры, несколько припаркованных автомобилей. Поблизости раздались гулкие шаги, и они поспешно нырнули за мусорный контейнер. Медленно вода по сторонам инфракрасным сканером, прошел охранник. Четверо пригнулись, спрятав лица в теплоизолирующие накидки, и стали неотличимы от мешков с мусором.

Ключом к помещениям Риоваля оказались каналы для отопительных магистралей, подвода оптических кабелей и комм-систем. Узкие каналы, совершенно непроходимые для крупного человека. Майлз скинул с себя накидку и передал рядовому — сложить и упаковать.

Встав на плечи Марко, Майлз прорезал вход в первый канал — вентиляционную решетку, расположенную высоко на стене над грузовой эстакадой. Он молча передал решетку вниз и, быстро оглядевшись — нет ли поблизости лишних зрителей, — проскользнул в трубу. Даже ему там было тесно. Мягко спрыгнув на цементный пол пакгауза, Майлз нашел пульт управления воротами, закоротил сигнал тревоги и приподнял их примерно на метр. Команда вкатилась внутрь, и он опустил ворота на место, стараясь действовать как можно тише. Пока все хорошо: им даже не пришлось сказать ни одного слова.

Дендарийцы едва успели спрятаться в дальнем углу приемного отсека, когда появился электрокар, нагруженный роботами-уборщиками. Машиной управлял рабочий в красном комбинезоне. Марко потянул Майлза за рукав и изобразил на лице вопрос: «Этого?» Майлз покачал головой. Прислуга вряд ли осведомлена, где держат зверя, — скорее, это может знать кто-то из начальства. Ни к чему усеивать свой путь бесчувственными телами...

Туннель в главное здание находился именно там, где предсказывала карта, но, как и следовало ожидать, дверь в конце его оказалась запертой. Пришлось снова взбираться Марко на плечи. Быстро прожужжал резак, освобождая потолочную панель, и Майлз проскользнул в канал энергосетей. Хлипкая конструкция наверняка провалилась бы под более крупным человеком. А вот и питающий кабель дверного запора. Майлз как раз начал вытаскивать инструменты из кармана куртки, когда рука Марко просунула в отверстие мешок с оружием и беззвучно установила панель на место. Майлз распластался на животе и прикинул глазом к щели. Внизу в коридоре чей-то голос проревел:

— Стоять!

Майлз в своем укрытии заскрипел зубами. В одно мгновение дендарийцев окружило человек пять вооруженных охранников в красно-черной форме.

— Что вы тут делаете?

— А, дьявол! — воскликнул Марко. — Умоляю вас, мистер, не сообщайте моему командиру, что вы нас тут застукали. Он меня разжалует.

— Чего? — изумился сержант, тыча Марко в ребра стволом нейробластера. — Руки вверх! Кто вы такие?

— Меня звать Марко. Мы прилетели на Станцию Фелл на корабле наемников, но капитан не дал нам увольнений на планету. Только подумайте: добрались аж до самого Архипелага Джексона, а этот сукин сын не пускает нас вниз! Чертов чистоплюй не разрешает нам посмотреть на дом Риоваля!

Красномундирные охранники провели быстрое сканирование и обыск, но нашли только парализаторы да ту часть оборудования для взлома, которая осталась у Марко.

— Я побился об заклад, что мы сюда попадем, пусть даже у нас нет денег, чтобы войти в парадную дверь. — Губы Марко обиженно скривились. — Похоже, я проиграл.

— Похоже, что да, — прорычал сержант охраны.

Один из его людей продемонстрировал жалкую коллекцию конфискованных побрякушек и доложил:

— Для убийства эти парни не экипированы.

Марко выпрямился, великолепно изобразив возмущение:

— Мы не убийцы!

Сержант охраны покрутил в руках парализатор:

— В самоволке, да?

— Если успеем вернуться до полуночи — нет. — Теперь в голос Марко уже появились заискивающие нотки. — Послушайте, мой командир — форменный ублюдок. Нельзя ли сделать так, чтобы он ни о чем не узнал?

И Марко выразительно провел рукой по карману.

Главный охранник осмотрел его с головы до ног и усмехнулся:

— Может, и сделаем.

Майлз слушал, восхищенно открыв рот. «Марко, если это сработает, получишь повышение».

Марко помолчал, потом добавил:

— А можно нам сначала посмотреть что-нибудь? Пусть даже не девочек, а просто помещения? Чтобы я смог доказать, что был здесь...

— Тут тебе не бордель, салага! — отрезал сержант.

Марко был ошеломлен:

— То есть как не бордель?

— Здесь биолaborатории.

— Ох!

— Ах ты, идиот! — кстати вставил один из рядовых дендарийцев, и Майлз мысленно осыпал его благодарностями. Ни один из троих ни на секунду не поднял глаз к потолку.

— Но тот тип в городе сказал мне... — начал Марко.

— Какой тип? — спросил сержант.

— Тот тип, что взял у меня деньги, — объяснил Марко.

Двое из красномундирных уже начали ухмыляться. Сержант ткнул Марко своим нейробластером:

— Двигай, сопляк, обратно, откуда пришел. Сегодня тебе везет.

— Значит, мы все же заглянем внутрь? — с надеждой спросил Марко.

— Нет, — ответил сержант. — Значит, мы не переломает тебе ноги, когда будем отсюда вышибать. — Помолчав, он немного мягче добавил: — В городе есть заведение с девочками.

Сержант вытащил из кармана Марко бумажник, проверил имя на кредитной карточке и, забрав наличные, вернул бумажник с карточкой владельцу; его подчиненные проделали то же самое с двумя рядовыми.

— Они там принимают кредитные карточки, а время до полуночи у вас еще есть. А теперь пошевеливайтесь!

И команду Майлза, опозоренную, но невредимую, увели по тоннелю. Майлз дождался, пока все отойдут достаточно далеко, потом включил свой наручный комм.

— Бел?

— Да? — послышался мгновенный ответ.

— Неприятности. Марко и рядовых только что замела охрана Риовалья. Кажется, гениальный парень сумел задурить им головы, так что их просто выкинут за дверь, а не разберут на запчасти. Я последую за ними, как только смогу. Встретимся и подготовимся к следующей попытке.

Майлз помолчал, обдумывая ситуацию. Это полный провал: они теперь в худшем положении, чем были. Весь остаток ночи охрана будет начеку.

— Перед тем как отступить, — прибавил он в комм, — я попробую хотя бы выяснить, где зверюшка. Это повысит наши шансы на успех в следующем заходе.

Бел прочувствованно чертыхнулся.

— Будьте осторожны.

— Еще бы. Ждите Марко и его ребят. Нейсмит связь закончил.

После того как Майлз определил нужные провода, открыть дверь было несложно. Потом он несколько секунд висел на одной руке, другой прилаживая на место проклятую панель, а затем спрыгнул вниз. Против ожидания, кости выдержали, и ничего не сломалось. Проскользнув в главное здание, Майлз как можно скорее снова юркнул в вентиляцию — задерживаться в коридорах было опасно. Лежа на спине в узком канале, Майлз развернул карту и постарался отыскать новый, более безопасный маршрут — теперь уже не заботясь о том, чтобы он был проходимым для здоровенных рядовых. Но где же искать чудовище? В каком-нибудь карцере?

Сделав третий поворот, он заметил, что его путь больше не совпадает с картой. Черт бы их всех побрал! То ли систему изменили уже после окончания строительства, то ли карту ему подсунули неправильную... Ну, это не имеет значения: он ведь не заблудился, и всегда можно вернуться тем же путем.

Майлз полз еще примерно полчаса, успев по дороге обнаружить и отключить два датчика системы безопасности. Время серьезно поджимало. Скоро надо будет... Ага, вот! Сквозь вентиляционную решетку он разглядел полутемную комнату, заставленную головидеопультами и коммоборудованием. На карте эта комната значилась как «Мелкий ремонт», но с мастерской не имела ничего общего. Еще одна перемена с тех пор, как сюда вселился Риоваль? За пультом спиной к Майлзу сидел какой-то человек. Упускать такую возможность было нельзя.

Медленно-медленно, опасаясь издать хоть малейший звук, Майлз вытащил из рюкзака пневморужье, проверил, заряжено ли оно — суперпентотал с примесью парализатора, специальный коктейль, приготовленный медтехом «Аризля», — прицелился и мягко нажал на спуск. Человек у пульта всего лишь раз хлопнул себя по шее и застыл, бессильно уронив руку. Майлз ухмыльнулся, быстро прорезал решетку и спустился в комнату.

Мужчина был одет в хорошо сшитый костюм. Может, это один из здешних ученых? Откинувшись на спинку стула, он со спокойным интересом наблюдал за Майлзом. Потом вдруг начал медленно падать.

Майлз подхватил его и усадил прямо.

— Ну-ка, сядьте вот так, нельзя же разговаривать, уткнувшись носом в ковер, правда?

— Не-е... — Мужчина кивнул и дружелюбно улыбнулся.

— Вам что-нибудь известно о чудовищном создании, которое совсем недавно купили у дома Бхарапутра и привезли сюда?

— Да.

Майлз напомнил себе, что суперпентотал заставляет допрашиваемого отвечать на все вопросы прямо и недвусмысленно.

— Где его держат?

— Внизу.

— Где именно внизу?

— В подвале. Там много всяких закоулков... Вот мы и решили — пускай оно там крыс переловит. — Мужчина хихикнул. — Съест ли песик крысика? Съест ли крысик песика?..

Майлз прикинул маршрут. Если думать о том, как его команде туда пробраться и как выбраться обратно, то место удачное. Но придется осмотреть большую территорию: настоящий лабиринт из утопленных в скалу бетонных опор и специальных виброустойчивых колонн, идущих наверх, в лаборатории. Что ж, примем это к сведению... Майлз открыл футляр с инъекторами, отыскивая быстродействующее снотворное, и тут впервые заметил на левом запястье мужчины радиобраслет, такой же многофункциональный, как и у него самого. На нем мигал сигнал вызова. Майлз с внезапным беспокойством уставился на приборчик. Эта комната...

— Кстати, кто вы?

— Моглиа, начальник службы безопасности дома Риоваль, — радостно сообщил его собеседник. — К вашим услугам, сэр.

— Ах вот как.

Майлз начал поспешно копать в инъекторах. Проклятые пальцы вдруг сделались какими-то непослушными...

Дверь резко распахнулась.

— Стоять, мистер!

Майлз нажал кнопку направленной тревоги на своем браслете и вскинул руки вверх, одновременно отбрасывая его подальше в сторону. Еще в воздухе сработал самоликвидатор, и начинка комма расплавилась; теперь охрана Риовалья не сможет с его помощью найти остальных членов команды, а Бел хотя бы знает, что случилось что-то непредвиденное.

Шеф службы безопасности весело хихикал, поглощенный пересчитыванием собственных пальцев. А охранник одним прыжком добрался до Майлза, скрутил его, прижал лицом к стене и с жестоким умением принялся обыскивать. Через несколько секунд Майлз уже был разлучен с бряцающей горой своего недвусмысленного оборудования, а также с курткой, сапогами и брючным ремнем. Держась за стену, он корчился от боли (результат точно нацеленных ударов в нервные центры) и обиды из-за так внезапно изменившей ему удачи.

Когда начальника службы безопасности наконец вывели из-под действия суперпентотала, он был весьма недоволен, узнав, что чуть раньше его подчиненные отпустили трех незнакомцев в военной форме, только оштрафовав их. Моглиа приказал привести охрану в состояние полной боевой готовности и отправил вооруженный отряд в погоню за улизнувшими нарушителями. Потом со стыдливой опаской посмотрел на комм-пульт и, колебавшись, набрал номер.

— Милорд?

— В чем дело, Моглиа? — Лицо барона Риовалья было заспанным и раздраженным.

— Извините, что разбудил вас, сэр, но я подумал, что вы захотите об этом знать. Мы только что поймали здесь незваного гостя. Странный тип, похожий на карлика-переростка. Пролез по вентиляционным каналам. Вот что было у него с собой...

И начальник продемонстрировал криоконтейнер, электронные устройства для нейтрализации системы наблюдения и оружие Майлза. Повинуясь его знаку, сержант охраны выпихнул спотыкающегося пленника в поле обзора.

— Он задавал вопросы о бхарапутрском чудище.

Губы Риовалья приоткрылись. Потом глаза его вспыхнули, и барон расхохотался, откинув голову.

— Мне следовало бы заранее догадаться. Крадете вместо того, чтобы покупать! Ах, адмирал! — проворковал он. — Прекрасно, Моглиа!

— Вы знаете этого маленького мутанта, милорд?

— Да еще как. Его зовут Майлз Нейсмит. Наемник в чине адмирала. Чином он, разумеется, сам себя пожаловал. Прекрасно сработано, Моглиа. Задержите его: я приеду утром и лично им займусь.

— Как с ним обращаться, сэр?

Риоваль пожал плечами:

— Как вам вздумается.

Когда изображение погасло, Майлз очутился под перекрестным огнем злобных взглядов. Следующие несколько минут были хуже некуда: охранник держал Майлза, а начальник бил, стараясь попасть по печени. Но, видимо, сам он все еще неважно себя чувствовал, чтобы по-настоящему насладиться экзекуцией.

— Так ты пришел посмотреть на игрушечного солдатику Бхарапутры, а? — прохрипел он, растирая собственный живот.

Сержант охраны поймал взгляд шефа.

— Знаете, сэр, по-моему, мы можем удовлетворить его желание.

Начальник службы безопасности блаженно улыбнулся, словно перед ним предстало прекрасное видение:

— Да...

Майлз надеялся, что ему ничего не сломают. Завернув руки за спину, его повели по лабиринту коридоров и подъемников. Наконец они спустились в самый низ — в пыльный подвал, заставленный старыми приборами и ящиками, и пробрались к заделанному в пол люку. Под ним оказалась металлическая лестница, отвесно уходившая в темноту.

— Последнее, что мы туда кинули, — это крысу, — сердечно сообщил Майлзу сержант. — Чудище моментально откусило ей голову. Девятая модель очень хочет есть. У нее обмен веществ, как у домны.

Охранник пихнул Майлза на лестницу и заставил спуститься на метр-другой, колотя его дубинкой по пальцам. Остановившись вне пределов досягаемости дубинки, Майлз рассмотрел тускло освещенный каменный пол. Дальше виднелся только хаос теней.

— Девять! — крикнул сержант в гулкую темноту. — Эй! Девять! Обед! Иди лови!

Начальник службы безопасности рассмеялся, но тут же обхватил руками голову и застонал.

Риоваль сказал, что утром сам займется Майлзом; значит, эти подонки должны были понять, что их шефу нужен живой пленник. Поняли ли они? Нужен ли?

Майлз сплюнул кровавую слюну и огляделся.

— Это что, темница?

— Нет-нет, всего лишь подвал, — жизнерадостно заверил его сержант. — Темница — это для тех, кто может заплатить за постой. Ха, ха, ха!

Все еще посмеиваясь, он захлопнул крышку люка. Лязгнул запирающий механизм, прозвучали удаляющиеся шаги, потом все стихло.

Майлз был в одних носках, и ноги быстро замерзли на металлических перекладинах лестницы. Зацепившись за перекладину одной рукой, он сунул вторую в рукав футболки, чтобы хоть немного ее согреть. В карманах не осталось ничего, кроме плитки рациона да носового платка.

Он долго стоял на лестнице. Подниматься было бесполезно, спускаться — удивительно не хотелось. Постепенно боль от побоев стала утихать, нервная дрожь прошла. «Все могло бы обернуться гораздо хуже», — решил Майлз. Сержант и шестеро его горилл могли бы затеять с ним какую-нибудь исключительно неприятную игру — например, в Лоуренса Аравийского и шестерых турок. Начальник штаба дендарийцев, коммодор Танг, в последнее время усиленно пичкал Майлза военными мемуарами. Так как же полковник Лоуренс выбрался из затруднительного положения? Ах да, прикинулся идиотом. Наверное, Танг давал эту книгу и Марко.

Постепенно глаза Майлза привыкли к полумраку. Редкие, слабо светящиеся плафоны отбрасывали пятна мертвящего желтого света.

Он представил себе срочный выпуск новостей на Барраяре: «Тело имперского офицера найдено в подвале сказочного дворца Царя Плоты. Смерть от истощения?» Черт подери, как это непохоже на картинное самопожертвование во имя императора, пойти на которое он когда-то клялся! Просто стыд и срам. Одна надежда, что бхарапутрское чудище съест улики.

С таким мрачным утешением Майлз спустился вниз и начал хромать от колонны к колонне, то и дело останавливаясь, прислушиваясь, оглядываясь. Может, где-нибудь окажется еще одна лестница? Может, там есть люк, который забыли запереть? Может, еще осталась какая-нибудь лазейка?

Может, что-то движется во мраке вон за той колонной!..

У Майлза захватило дух. Потом снова отпустило: движущийся предмет оказался толстой крысой-альбиносом. При виде человека она отпрянула и засеменила прочь, постукивая коготками о камни пола. Всего лишь сбежавшая лабораторная крыса. Чертовски крупная — но все равно всего лишь крыса.

Гигантская тень с невероятной быстротой появилась из ниоткуда. Поймав крысу за хвост, она ударила взвизгнувшего зверька о колонну и с хрустом размозжила ему голову. Мелькнул толстый ноготь-коготь, располозовавший белую кожу от горла до хвоста; отчаянно спешащие пальцы, разбрызгивая кровь, мгновенно ободрали тушку. Клыки Майлз заметил только тогда, когда они вонзились в крысиное мясо, разрывая его на части. Это были настоящие клыки, а не декоративное украшение, и росли они на выдвинутой вперед челюсти с длинными губами и большим ртом, но впечатление создавалось не обезьянье, а волчье. Плоский нос, мощные надбровные дуги, волосы — темные, грязные и спутанные. И... да, полные восемь футов роста: высокое, длиннокостное, мускулистое тело.

Карабаться обратно на лестницу бесполезно: это чудовище моментально схватит его и прихлопнет, как ту крысу. Взлететь вверх по колонне? Ах, если бы на его руках и ногах были присоски! Как жаль, что барраярские инженеры об этом не подумали... Замереть на месте и притвориться камнем? Майлз невольно остановился именно на этом способе защиты: он оцепенел от ужаса.

Ногти на здоровенных ступнях, босых на ледяном полу, тоже напоминали когти. Но существо это не было голым, оно носило сшитую из зеленой лабораторной ткани одежду — свободную куртку, перехваченную ремнем, и широкие брюки. Однако самым поразительным было другое...

«Мне не говорили, что это женщина!»

Кошмарное создание почти закончило свою трапезу, когда подняло глаза и увидело человека. С окровавленными руками, окровавленным лицом оно застыло так же неподвижно, как дендариец.

Судорожным движением Майлз вытащил из заднего кармана раздавленную плитку рациона и протянул чудовищу.

— На сладкое? — предложил он с истерическим смешком.

Уронив обглоданный скелет крысы, Девятая выхватила плитку из его руки, сорвала обертку и сожрала. Потом шагнула вперед, ухватила Майлза за плечо и приподняла так, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Когтистые пальцы впились в его тело, ноги беспомощно болтались над полом. Из клыкастой пасти разило именно так, как и ожидал Майлз. Глаза ужасной твари были воспалены и пылали.

— Воды! — прохрипела она.

«Мне не говорили, что она разговаривает!»

— Э-э... воды, — пискнул Майлз. — Точно. Здесь должна быть вода... Посмотри, там на потолке столько всяких труб. Если ты... э-э... поставишь меня на пол, милая моя, я попробую найти трубу с водой или еще что...

Она медленно опустила его и разжала когти. Майлз осторожно попятился, держа руки по швам ладонями наружу. Откашлявшись, он постарался заставить свой голос звучать низко и успокаивающе.

— Попробуем-ка вон там. Потолок идет вниз, или, вернее, скала идет вверх... Вон там, видишь — освещенная трубка... Белый цвет обычно обозначает воду. Серый нам ни к чему, это канализация, а красный — оптические кабели... — Неизвестно, насколько она понимает речь, но тон для животных значит все. — Если бы ты... э-э... согласилась поставить меня себе на плечи, как делал младший лейтенант Марко, я попробовал бы открутить вон тот

переходник...

Майлз сопровождал свои слова пантомимой, не зная, доходит ли что-нибудь до разума, который скрывается за этими ужасными глазами.

Окровавленные руки, в два раза больше человеческих, резко схватили его за бедра и подняли вверх. Майлз уцепился за белую трубу и передвинулся к навинчивающемуся переходнику. Мощные плечи под его ногами двинулись вместе с ним. Муфта была тугой, но Майлз старался изо всех сил, почти ломая свои хрупкие кости. Наконец пластик скрипнул, поддаваясь, и между пальцами начала брызгать вода. Еще один поворот — и сверкающая струя ударила в камни пола.

Девятая так спешила, что чуть не уронила Майлза. Широко раскрыв рот, она начала пить, захлебываясь, кашляя и глотая воду с еще большей жадностью, чем сырое мясо. Она пила, и пила, и пила, обливала водой руки, лицо и голову, смывая с себя кровь, и снова принималась пить. Майлз уже решил было, что она никогда не напьется, но в этот миг Девятая попятилась, откинула с лица мокрые волосы и уставилась на него. Смотрела она чуть ли не целую минуту, а потом вдруг взревела:

— Холодно!

Майлз подскочил.

— А... холодно... да. Мне тоже, и носки у меня промокли. Тепло, тебе нужно тепло. Ну-ка, посмотрим. Э-э... давай попробуем вон там, где потолок ниже. Здесь бессмысленно, все тепло будет собираться наверху, нам не достанется...

Девятая шла за ним с напряженным вниманием фокстерьера, отслеживающего... э-э... ну да, крысу. А Майлз петлял вокруг колонн — туда, где до потолка оставалось чуть больше метра.

— Хорошо бы открыть вот эту. — Он указал на широкую трубу под потолком. — По ней нагнетается горячий воздух. Но я не вижу здесь удобных переходников.

Он нахмурился, пытаясь найти решение. Композитный пластик необычайно прочен.

Девятая нагнулась и дернула трубу, потом легла на спину и несколько раз ударила по ней ногами... Это ни к чему не привело, и на ее лице отразилось глубочайшее разочарование.

— Попробуй вот так.

Дендариец с опаской взял чудовище за руку и провел ее твердыми ногтями по всей окружности. Она царапала и царапала, а потом снова посмотрела на него, словно хотела сказать: «Не получается!»

— А теперь снова попробуй лягать и тянуть, — посоветовал Майлз.

Веса в Девятой было, наверное, не меньше полутора центнеров, и она налегла всем телом, уперевшись ногами в потолок и выгибаясь. Труба треснула по линии царапин, и наружу с шипением начал выходить горячий воздух. Девятая подставляла ему руки, лицо — чуть ли не обернулась вокруг этой трубы; потом встала на колени, обдуваемая жарким ветром. А Майлз стянул с себя носки и бросил их на теплую трубу сушиться. Вот подходящий момент бежать — если бы было куда. Кроме того, Майлзу не хотелось выпускать из виду свою добычу. Он напомнил себе о невообразимой стоимости мышцы левой икры Девятой, а она уселась на камень и уткнулась лицом в колени.

«Мне не говорили, что она умеет плакать!»

Майлз вытащил из кармана форменный носовой платок (вот и нашлось применение этому бесполезному куску материи) и протянул его Девятой.

— На, утри слезы вот этим.

Девятая взяла, высморкала плоский носище и попыталась вернуть ему платок.

— Оставь себе, — сказал Майлз. — Э-э... Скажи, как тебя зовут?

— Девятая. — Ее хриплый, низкий голос был странно напряженным. — А как зовут тебя?

«Боже, целое предложение!» — Майлз изумленно моргнул и представился:

— Адмирал Майлз Нейсмит.

Девятая подняла на него потрясенный взгляд:

— Военный?! Настоящий офицер?! — И с сомнением добавила, словно впервые как следует его рассмотрела: — Ты?

Майлз решительно кашлянул.

— Самый что ни на есть настоящий. Но только сейчас немного не в форме, — признался он.

— Я тоже, — уныло проговорила Девятая и шмыгнула носом. — Не знаю, сколько я уже сижу в этом подвале, но попила я в первый раз.

— По-моему, три дня, — сказал Майлз. — А... э-э... еды тебе тоже не давали?

— Нет. — Она нахмурилась. В сочетании с клыками это производило потрясающее впечатление. — Это хуже того, что они делали со мной в лаборатории. А я-то думала, что там плохо!

Да уж. Как говорится, лучше ошибиться, чем обмануться...

Майлз вспомнил свою карту и представил себе, как берет столь тщательно разработанный план всего этого предприятия и аккуратно спускает его в мусоропровод. Вентиляционное отверстие на потолке не давало ему покоя. Девятая ни за что в него не пролезет...

Великанша отбросила с лица мокрые волосы и снова уставилась на Майлза. Глаза у нее были светлые, золотисто-зеленые, отчего она еще больше походила на волчицу.

— А что ты в самом деле здесь делаешь? Это еще одна проверка?

— Нет, это все взаправду. — Майлз чуть не улыбнулся. — Я... э-э... совершил ошибку.

— Наверное, я тоже, — сказала Девятая, опуская голову...

Майлз подергал себя за губу.

— Интересно, что у тебя была за жизнь? — пробормотал он.

Девятая ответила так, словно ей задали самый обыкновенный вопрос:

— Я жила у приемных родителей, пока мне не исполнилось восемь. Как все клоны. Потом я стала большая и неловкая и начала все ломать. Тогда меня поселили в лаборатории. Там было неплохо, тепло и много еды.

— Они не могли тебя сильно упростить, если серьезно думали сделать солдата. Интересно, что показали твои тесты на умственное развитие? — проговорил Майлз. Он не ждал ответа, а просто размышлял вслух.

— Сто тридцать пять.

Майлз едва не потерял дар речи: рекордно высокий показатель!

— По... понятно. Тебя когда-нибудь учили?

Она пожала плечами.

— Было много проверок. Это было... ничего, неплохо. Кроме тестов на агрессивность. Мне не нравится электрошок. — Она помрачнела, вспоминая. — И психологов я тоже не люблю. Они всегда врут. — Девятая ссутулилась. — Все равно я не справилась. Мы все не справились.

— Как можно говорить, что ты не справилась, если тебя как следует не обучали? — презрительно сказал Майлз. — Специальность военного включает в себя сложнейшие навыки и умение взаимодействовать в больших группах. Я уже сколько лет изучаю стратегию и тактику, а знаю еще очень мало. Все дело вот в этом, — и он постучал пальцем по голове.

Девятая пристально посмотрела на Майлза.

— Если это так, — и она перевела взгляд на свои когтистые руки, — то почему они сделали со мной такое?

Майлз замолчал, почувствовав, что в горле у него странно пересохло. «Итак, адмиралы тоже врут. Иногда даже самим себе». После неловкой паузы он спросил:

— А тебе самой не приходило в голову сломать водопроводную трубу?

— Когда что-то ломаешь, тебя наказывают. Или меня наказывали. Может, тебя и нет. Ты ведь человек.

— А ты не думала вырваться, убежать? Долг попавшего в плен солдата — бежать. Выжить, освободиться, навредить врагу. Вот в такой последовательности.

— Врагу? — Девятая подняла глаза к нависшему над ними массиву лабораторного корпуса. — А кто мои друзья?

— Хм!

Что ответишь на такой вопрос? И куда бы бежал этот гигантский генетический коктейль с клыками? Девятая сделала глубокий вдох, и Майлз понял, каким должен быть его следующий шаг.

— Твои друзья ближе, чем ты думаешь. Зачем, по-твоему, я сюда приехал?

«Вот именно, зачем?»

Девятая только кинула на него хмурый взгляд.

— Я пришел за тобой. Мне о тебе рассказали. Я... веду набор. Точнее говоря, вел. Все пошло не так, как надо, и теперь приходится удирать. Но если ты убежишь со мной, то сможешь присоединиться к дендарийским наемникам. Команда высшего класса, и там всегда найдется место нескольким талантливым людям... или не совсем людям. У меня есть один сержант, которому просто необходим такой новобранец, как ты.

Он подразумевал сержанта Дайба, знаменитого стойким предубеждением к «солдатам в юбках». Женщина-новобранец, выдержавшая его муштру, становилась на удивление агрессивной. Майлз представил себе, как Дайба держат вниз головой на высоте трех метров... Нет, так нельзя. Усмирив разгулявшееся воображение, он вновь сосредоточился на настоящем. Вид у Девятой был недоверчивый.

— Очень смешно, — холодно сказала она, и Майлз в ужасе подумал — а не заложили ли в нее и способности к телепатии... Нет, не может быть, этот генокомплекс разработан совсем недавно. — Но я даже не человек. Или об этом тебе не рассказывали?

Майлз осторожно пожал плечами.

— Человек тот, кто поступает по-человечески. — Он заставил себя протянуть руку и коснуться ее влажной щеки. — Животные не плачут, Девятая.

Она вздрогнула, словно от удара током.

— Животные не врут. А люди — врут. Всегда.

— Не всегда.

Майлз надеялся, что в этом тусклом свете не видно, как он покраснел. А Девятая пристально вглядывалась в его лицо.

— Докажи.

Она склонила голову набок, и ее бледно-золотые глаза вдруг вспыхнули.

— Э-э... конечно. Как?

— Сними одежду.

— ...что?

— Сними одежду и ляг со мной, как делают люди. Мужчины и женщины.

Медленно протянув руку, она дотронулась до его шеи. Огромные когти вдавились в горло. Майлз полупридушенно вскрикнул — ему казалось, что глаза выскакивают из орбит. Сейчас Девятая надавит чуть сильнее, и из него забьют алые фонтаны. «Я вот-вот умру».

Она смотрела в лицо молодого человека со странной, пугающей жадью. Потом вдруг разжала пальцы. Майлз вскочил, треснувшись со всего размаха головой о низкий потолок, и снова плюхнулся на пол. Мысли у него путались, но это не имело никакого отношения к любви с первого взгляда.

Девятая издала стон, раздвинув губы над клыками.

— Уродина! — взвыла она. Когти скользнули по ее щекам, оставляя кровавые борозды. — Уродина... животное...

Казалось, ее переполняет какая-то отчаянная решимость.

— Нет-нет-нет! — поспешно закричал Майлз, рывком поднимаясь на колени и хватая ее за руки. — Дело не в этом. Просто... э-э... и вообще, сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Шестнадцать. Боже! Он хорошо помнил этот возраст. Одержимость сексом и адские муки из-за своего искореженного, хрупкого, ненормального тела. Одному Богу известно, как ему удалось пережить собственную ненависть к себе. Нет... Теперь он вспомнил. Его спасли те, кто его любил.

— Разве тебе не рано об этом думать? — с надеждой спросил Майлз.

— А сколько было тебе?

— Пятнадцать, — признался он, не успев придумать какую-нибудь подходящую ложь. — Но... это было тяжело. В конечном итоге ни к чему хорошему это не привело.

Девятая опять поднесла когти к своему лицу.

— Не смей! — крикнул Майлз, повисая на ее руках.

Все это слишком живо напомнило ему навсегда врезавшуюся в память сцену с сержантом Ботари и ножом. Сержант тогда силой отнял у юноши нож; в данном случае этот вариант отпадает.

— Изволь успокоиться! — заорал он.

Девятая заколебалась.

— Дело просто в том, что э-э... офицер и джентльмен не бросается на свою даму, едва войдя в комнату. Надо сесть, устроиться поудобнее. Поговорить, выпить немного вина, послушать музыку... расслабиться. Ты еще и не согрелась как следует. Ну-ка, садись сюда, здесь теплее.

Майлз устроил Девятую поближе к сломанной трубе и, встав у нее за спиной, попробовал размять ей шею и плечи. Могучие мускулы у него под пальцами перекатывались, как булыжники. Да, пытаться задушить ее явно бесполезно.

«Вот так ситуация: заперт в подвале с сексуально озабоченным оборотнем-подростком! Об этом не говорилось ни в одном учебнике по тактике... — Майлз вспомнил о своем задании: доставить левую икроножную мышцу Девятой на „Ариэль“. — Доктор Канабе, если я вырвусь отсюда живым, у нас с вами состоится небольшой разговор...»

— По-твоему, я слишком высокая.

Горе и странная форма рта делали голос Девятой низким и глухим.

— Ничуть. — Майлз понемногу овладевал собой и врал теперь гораздо быстрее. — Я обожаю высоких женщин, спроси кого хочешь. Кроме того, я давным-давно сделал приятное открытие, что разница в росте важна только пока стоишь. Когда лежишь, это перестает быть такой проблемой.

Он невольно припомнил все, чему научился методом проб и ошибок... главным образом ошибок. Тяжелое воспоминание. Что вообще женщинам надо?

Устроившись перед Девятой, он с серьезным видом взял ее за руку. Девятая смотрела на него с не меньшей серьезностью, ожидая... чего? Инструкций! В этот миг до Майлза дошло, что перед ним — его первая девственница. Совершенно обалдев, он несколько секунд мог только глупо улыбаться.

— Девятая... Ты раньше никогда этого не делала, да?

— Я видела фильмы. — Она нахмурилась, вспоминая. — Обычно начинают с поцелуев, но... — Она неопределенно махнула в сторону своих неправильных губ, — ты, наверное, не захочешь...

Майлз постарался забыть о съеденной крысе. В конце концов девушку морили голодом.

— Фильмы могут здорово обмануть. Женщине — особенно впервые — нужно время, чтобы научиться понимать реакции своего тела. Так мне говорили мои друзья-женщины. Я боюсь, что могу причинить тебе боль.

«И тогда ты выпустишь мне кишки».

Девятая смотрела прямо ему в глаза.

— Это не страшно. У меня очень высокий болевой порог.

«А у меня — нет».

Это просто безумие. Она сумасшедшая. Он тоже сумасшедший. Но все-таки Майлз ощущал, как его захватывает колдовское очарование этого немыслимого предприятия... Нет

сомнений, что встретить более высокую женщину ему не доведется. Очень кстати вспомнились и анекдоты о великанше и карлике. Он может наконец исполнить свое заветное желание...

«Черт подери, а она будет недурна собой, когда отмоется». Девятая была не лишена некоего... нет, «очарование» — явно не то слово... Той особой привлекательности, которая всегда сопутствует силе, ловкости, целесообразности форм. Надо только привыкнуть к необычному масштабу. Майлз даже издали чувствовал жар этого огромного тела... «Животный магнетизм?» — подсказал затаившийся где-то в уголке его мозга хладнокровный наблюдатель. В одном можно не сомневаться — ощущения явно будут удивительные.

Ему вдруг вспомнился один из афоризмов матери. «Если уж за что-то берешься, — говаривала леди Форкосиган, — делай это как следует».

Опьяненный своими мыслями, Майлз отбросил костыли логики, сменив их на крылья вдохновения.

— Ну что же, доктор, — пробормотал он, — начнем эксперимент.

Целовать женщину с клыками было действительно необычным ощущением. Ее ответный поцелуй (а она оказалась способной ученицей) — еще необычнее. Девятая в экстазе обхватила Майлза, и с этого момента он совершенно потерял контроль над происходящим. Только спустя долгое время, пытаясь отдышаться, он открыл глаза и спросил:

— Девятая, ты когда-нибудь слышала о паучихах?

— Нет... а в чем дело?

— Да так, — отмахнулся он.

Все получалось неумело и неловко, но искренне, а когда главное было позади, то слезы по ее щекам катились от радости, а не от боли. Девятая была чудовищно (а как же еще?) довольна им. А Майлз настолько обессилел, что даже на несколько минут заснул, положив голову ей на грудь.

И проснулся с диким хохотом.

— У тебя и правда изящные скулы, — сказал он, проводя пальцем по ее лицу. Она подалась к Майлзу, прижимаясь одновременно к нему и к трубе с горячим воздухом. — На моем корабле есть одна женщина с длинными волосами, она заплетает их в косу. Может, она тебя научит.

Девятая протянула вперед свалывшуюся прядь и скосила взгляд, пытаясь рассмотреть ее. Потом тоже прикоснулась к его лицу:

— Ты очень хорош собой, адмирал.

— Я? — Майлз представил свою небритую физиономию. «Не иначе, ее ослепляет мой чин!»

— У тебя лицо... живое. А глаза видят то, на что смотрят.

— Девятая... — Майлз смущенно кашлянул. — Черт подери, это же не имя. Это цифра. А что случилось с Десятой?

— Умерла.

«Может, и я умру», — добавили золотистые волчьи глаза, прежде чем она успела прикрыть их веками.

— А тебя звали только Девятой?

— Есть еще длинный компьютерный код — мое настоящее наименование.

— Ну, номера есть у всех нас. — (А у меня, если подумать, даже два.) — Но я не могу звать тебя «Девятая», словно ты какой-то робот. Тебе необходимо настоящее имя, имя которое тебе подойдет.

Майлз прислонился к обнаженному плечу, гладкому, твердому и невероятно горячему. Да, о ее метаболизме говорили правду. Он улыбнулся.

— Таура.

— Таура? — Ее длинный рот с трудом произнес непривычное слово. — Для меня это

слишком красиво!

— Таура, — твердо повторил Майлз. — Прекрасное, но сильное. Полное тайного смысла. Превосходно. И кстати, о тайнах...

Не пора ли сообщить ей о кладе, который доктор Канабе зарыл в ее левую икру? Или ей будет больно, как женщине, за которой ухаживали из-за ее состояния... или титула?.. Майлз решил обождать.

— Ну а теперь, когда мы лучше узнали друг друга, нам пора отсюда выметаться.

Таура оглядела мрачный подвал:

— Как?

— Вот это нам и надо сообразить. Признаюсь, мне в голову так и лезут вентиляционные каналы.

Труба с теплым воздухом не годилась — Майлзу надо будет несколько месяцев голодать, прежде чем он в нее пролезет, и к тому же в ней сварисься. Он расправил и надел свою черную футболку (брюки Майлз натянул, как только проснулся: каменный пол безжалостно высасывал тепло из тела) и с трудом поднялся на ноги. Кажется, он уже становится староват для таких приключений! А этой трехметровой шестнадцатилетке хоть бы хны... Майлз даже ощутил нечто вроде зависти. Сам он в шестнадцать лет валялся в песочке и грелся на солнышке.

Таура тоже оделась и, пригнувшись, чтобы не задеть головой потолок, пошла следом за Майлзом.

Они несколько раз обошли подземелье. Здесь было четыре лестницы, каждая из которых упиралась в запертый люк. В самом низу они обнаружили запертые грузовые ворота. Проще всего было бы попытаться их выломать, но если Майлзу не удастся сразу же связаться с Торном, то до города предстоит идти двадцать семь километров по снегу. Он — в носках, она — босиком. Но даже если они туда дойдут, то Майлз не сможет воспользоваться связью, потому что его кредитная карточка заперта у охраны. А просить милостыню в городе Риовалья — сомнительное мероприятие. Итак, выломать дверь и потом пожалеть об этом, или остаться и поискать какую-нибудь экипировку, рискуя быть снова пойманными? Тактические решения — такая прелесть!

Вентиляционные каналы победили. Майлз выбрал самый подходящий и указал наверх.

— Как думаешь, ты могла бы его открыть и посадить меня туда? — спросил он.

Таура внимательно осмотрела решетку и медленно кивнула. Вытянувшись, она вонзила когти под край решетки и одним рывком отогнула ее; затем просунула пальцы в получившуюся щель, поджала ноги и повисла. Под тяжестью огромного тела труба заметно прогнулась.

— Ну вот, — сказала Таура.

Она легко, как котенка, подняла Майлза, и он, извиваясь, протиснулся внутрь. Канал оказался на редкость тесным, хотя Майлз выбрал самый большой. Дважды ему пришлось остановиться, чтобы справиться с приступами истерического хохота. Канал повернул вверх, и Майлз уже было возликовал, но очень скоро оказался у новой решетки, с которой ничего нельзя было сделать. Чертыхнувшись, он пополз обратно.

Таура ждала его, запрокинув лицо вверх, — это был непривычный угол зрения.

— Бесполезно, — сообщил он. — Э-э... ты не сможешь мне спуститься? — Она поставила его на пол, и Майлз попытался отряхнуться. — Пойдем поищем еще чего-нибудь.

Таура послушно следовала за ним, но что-то в выражении ее лица подсказывало, что она теряет веру в его адмиральство. Тут внимание Майлза привлекло некое архитектурное сооружение, и он подошел, чтобы получше рассмотреть его.

Это была одна из виброустойчивых опор — колонна двухметрового диаметра, погруженная в глубокий резервуар с жидкостью в скальном грунте. Несомненно, она идет в одну из лабораторий, обеспечивая неподвижность аппаратуры для выращивания кристаллов. Майлз постучал по колонне. Раздался глухой звук. «Ну, конечно, вполне естественно — сплошной бетон ведь не очень плавуч, не так ли?» А что это за желоб сбоку?.. Люк? Майлз

провел пальцами по углублению, потом, протянув вторую руку, нащупал такое же на другой стороне колонны, надавил... Раздался негромкий хлопок, шипение — и кусок обшивки остался в руках Майлза. От неожиданности он пошатнулся и чуть не уронил панель в образовавшееся отверстие, но все же устоял на ногах и с победной ухмылкой продемонстрировал свою добычу Тауре.

Засунув голову в проем, он огляделся. Темно, как в преисподней. Майлз очень осторожно исследовал внутреннюю поверхность колонны, и вскоре его рука наткнулась на металлическую лесенку. Так, это для обслуживающего персонала. После ремонта колонну наверняка запрессовывают жидкостью или сжатым воздухом — тогда в нее снаружи не попасть. Вынырнув обратно, он тщательно осмотрел внутреннюю сторону люка. Вот удача! Открывается и изнутри тоже!

— Ну-ка слазим да поглядим, нет ли повыше таких же.

Двигаться приходилось медленно, на ощупь отыскивая в темноте новые желобки. Майлз старался не думать о том, что будет, если он поскользнется. Глубокое дыхание Тауры за его спиной успокаивало. Они поднялись примерно на три этажа, когда немеющие от холода пальцы Майлза нащупали еще один люк. Он чуть не пропустил его — люк был с противоположной стороны лестницы. Но попытка открыть его едва не закончилась плачевно — стараясь дотянуться до замков, Майлз поскользнулся и после этого несколько секунд вынужден был судорожно цепляться за лестницу, ожидая, пока сердце перестанет бешено колотиться.

— Таура? — проскрипел Майлз. — Я взберусь повыше, а ты попробуй открыть.

Длинных рук Тауры хватило, и запоры, протестующе завизжав, поддались ее сильным пальцам.

— Что там? — прошептал Майлз.

— Большая темная комната. Наверное, лаборатория.

— Этого и следовало ожидать. Лезь вниз и поставь на место нижнюю крышку: незачем подсказывать охране, куда мы делись.

Пока Таура выполняла свое задание, Майлз пролез через отверстие в темную лабораторию. Он не осмелился включить свет, но в этом и не было необходимости — разноцветные огоньки на пультах давали достаточное освещение, чтобы видеть очертания предметов. Единственная стеклянная дверь выходила в коридор; там кое-где горели лампы, и Майлз разглядел, как вдали промелькнул красно-черный силуэт охранника. Интересно, что они тут стерегут?

Таура бесшумно выскользнула из тесного для нее люка и тяжело опустилась на пол, уткнувшись лицом в ладони. Встревожившись, Майлз поспешно подошел к ней.

— Как ты? В порядке?

Она потрясла головой:

— Нет. Есть хочу.

— Как, уже? Так ведь это же была суточная плитка рациона!

(Не говоря уже о двух-трех килограммах сырого мяса в качестве закуски!)

— Может, для тебя, — свистящим шепотом отозвалась Таура. Ее била крупная дрожь.

Майлз начал понимать, почему Канабе сказал, что проект провалился. Только представить себе, что пришлось бы кормить целую армию таких едоков! Тут и Наполеон бы призадумался. А если эта худая девчонка еще и растет...

В конце лаборатории возвышался огромный холодильник. Может быть, лаборантам Риоваля не чужды человеческие слабости? Ага! Действительно, среди колб нашелся сверток с недоеденным бутербродом и большой, хотя и помятой, грушей. Майлз вручил все это Тауре, и она была потрясена, словно адмирал волшебством извлек угощение из своей шляпы. Мгновенно проглотив еду, бедняжка немного оправилась.

На всякий случай Майлз пошарил еще, но в холодильнике больше не было никакой органики, если не считать закрытых клювет с чем-то студнеобразным, покрытым разноцветной плесенью. Но зато здесь были три огромные морозильные камеры. Майлз

прижался лицом к стеклянному окошечку и рискнул нажать на клавишу внутренней подсветки. Его взору предстали целые штабеля пронумерованных пластиковых поддонов, уставленных маленькими прозрачными бюксами. Какие-то замороженные образцы. Тысячи... нет, какое там — сотни тысяч. Он взглянул на шкалу термометра: внутри — температура жидкого азота... Майлз вдруг с размаху сел на пол.

— Знаешь, где мы? — напряженно шепнул он.

— Извини, нет, — шепотом ответила Таура, подползая поближе.

— Это был риторический вопрос. Я уже знаю...

— Где?

— В сокровищнице Риовалья.

— Что?

— Это, — Майлз ткнул пальцем в морозильник, — вековая коллекция тканей. Господи! Она практически бесценна. Все уникальные, невозполнимые диковинки, все мутации, которые Риоваль выпросил, купил, одолжил или украл за последние три четверти столетия, выстроены в аккуратные шеренги и дожидаются, пока их разморозят, чтобы вырастить очередного беднягу-раба. Здесь — сердце всего этого дерьмового инкубатора!

Майлз вскочил, вглядываясь в панель управления. Получится ли?

В этой лаборатории наверняка есть своя система слежения, и показания мониторов передаются как минимум в центр безопасности. Да, вон сколько сигнализаторов у входа... Ну и что! Майлз и не собирается открывать дверь. Он до нее даже не дотронулся. Что его интересует, так это показания системы. Если удастся запороть хотя бы один датчик... Интересно, эта штука передает данные на несколько внешних пультов или только на один? На лабораторном столе нашелся фонарик, а рядом — бесконечные ящики со всевозможными инструментами и реактивами. Таура озабоченно наблюдала, как Майлз мечется по лаборатории и все исследует.

Действительно, монитор морозильников передавал данные по радио, так что до него было не добраться. А что, если попробовать сдублировать входные данные? Майлз постарался как можно бесшумнее снять пластиковый кожух дымного цвета. Да, вот она — оптическая нить выходит из стены, постоянно передавая информацию о внутренней температуре морозильника. Она соединена с более страшной черной коробкой, управляющей дверным сигналом. Но он уже видел целый ящичек с разнообразными оптическими волокнами и переходниками... Из пучка технического спагетти Майлз извлек то, что ему было нужно: в ящичке оказалось три устройства для регистрации оптических данных. Два из них были неисправны. Третье — исправно.

Быстрая манипуляция, и вот уже один морозильник разговаривает с двумя коробками управления. Ему просто пришлось рискнуть тем, что во время переключения сигнализация замигает. Если кто-то захочет проверить, то увидит, что все снова выглядит прекрасно. Майлз подождал, пока устройство для регистрации выйдет на непрерывный режим воспроизведения. Он низко пригнулся, выключив даже крошечный фонарик. Таура ждала абсолютно бесшумно, с терпением хищного зверя, отслеживающего добычу.

Раз, два, три — и устройство для регистрации данных разговаривает уже со всеми тремя коробками управления. Штекеры настоящих вводов бессильно повисли. Получится ли? Сигнала тревоги не слышно, по коридору не мчатся толпы разъяренных охранников...

— Таура, подойди сюда.

Она сделала два шага и нависла над ним, все еще ничего не понимая.

— Ты когда-нибудь встречалась с бароном Риовалем?

— Да, один раз... Когда он пришел меня купить.

— Он тебе понравился?

Таура изумленно посмотрела на Майлза, словно спрашивая: «Ты что, спятил?»

— Да, мне он тоже не слишком приглянулся. Тебе хотелось бы вырвать ему печеньку, а?

Она сжала когтистые пальцы в кулак:

— Дай только возможность!

— Прекрасно! — Майлз весело улыбнулся. — Я собираюсь дать тебе первый урок тактики. Видишь вот этот рычажок? Температуру в морозильниках можно поднять почти до двухсот градусов Цельсия, для стерилизации во время очистки. Дай-ка мне палец. Один палец. Расслабь руку. Вот так. — Он поднес коготь Тауры к регулятору. — Самое маленькое давление, чтобы только его сдвинуть... А теперь следующий... — Майлз подвел ее ко второму пульта, — и последний.

— А знаешь, в чем урок? — выдохнул он, сам еще не до конца веря случившемуся. — Дело не в том, сколько силы ты прикладываешь. Главное — куда.

Майлз еле справился с желанием написать фломастером на стенке морозилок что-нибудь вроде: «Привет от карлика!» Соблазн был велик, но разумнее сохранить инкогнито. Чем дольше смертельно разгневанный барон не сможет сообразить, кого преследовать, тем дальше они успеют удрать. Понадобится несколько часов, чтобы довести все это хозяйство от температуры жидкого азота до стадии хорошо прожаренного бифштекса, но если никто сюда не заглянет до начала утренней смены, разрушение будет необратимым.

— А теперь, — сказал он Тауре, все еще рассматривавшей регулятор и свою руку сияющими золотыми глазами, — нам надо отсюда выбираться. Нам по-настоящему надо отсюда выбираться!

«Иначе следующий урок придется озаглавить „Не взрывай моста, на котором стоишь“, если дело вообще дойдет до уроков», — с тревогой признался себе Майлз.

Более внимательно рассмотрев автоматический замок, а также то, что находилось за дверью (например, самонаводящиеся мониторы, способные вести лазерный огонь), Майлз чуть было не вернулся снова наладить морозильники. Его электронные отмычки, оставшиеся в центре службы безопасности, может быть, и справились бы с этой сложнейшей охранной аппаратурой. Но, конечно, ему не добыть свои инструменты без инструментов... такой вот парадокс. Майлза не удивило то, что свою самую сложную систему Риоваль приберег для единственной двери в лабораторию. Но из-за этого помещение стало еще худшей ловушкой, чем подвал.

Он еще раз прошелся по ящикам лаборатории с краденым фонариком. Компьютерных чипов-ключей там не оказалось, но все же он обнаружил пару грубых кусачек и вспомнил о вентиляционной решетке подвала. Так. Подъем в лабораторию оказался всего лишь иллюзорным путем к побегу.

— Не надо стыдиться отступления на более выгодную позицию, — прошептал он, когда Таура заупрячилась, не желая снова влезать в темную трубу опоры. — Здесь тупик.

Сомнение, отразившееся в этих нечеловеческих глазах, странно огорчило Майлза, тяжелым грузом упав на сердце. «Ты все еще не доверяешь мне, да? Ну что же, тот, кто познал настоящее предательство, нуждается в серьезных доказательствах». — Держись меня, девочка, — пробормотал Майлз, влезая в трубу. — Мы далеко пойдем.

Недоверие Тауры скрылось под полуопущенными веками, и она последовала за Майлзом, закрыв люк.

Благодаря фонарику спуск оказался немного менее утомительным, чем подъем в неизвестное. Других выходов не нашлось, и вскоре они уже стояли на каменном полу помещения, из которого недавно бежали. Майлз проверил состояние их фонтанчика, а Таура снова попила. Вода мелким ручьем стекала по покатоному полу. Если учесть колоссальные размеры помещения, то понадобится несколько дней для того, чтобы скапливающаяся внизу вода представила какие-нибудь стратегические возможности, хотя всегда остается надежда на то, что она поможет ослабить фундамент.

Таура снова посадила Майлза к вентиляции.

— Пожелай мне удачи, — бросил он через плечо.

— Прощай, — сказала она. Майлз не видел выражения ее лица, а голос ничего не выражал.

— До встречи, — твердо поправил он Тауру.

Вскоре Майлз уже был у вентиляционной решетки. За ней оказался чулан, заваленный

барахлом, — часть настоящего подвала, тихая и пустынная. Щелканье перерезающих решетку кусачек показалось Майлзу таким громким, что он уже ждал появления всех охранников Риовалья, но никто не пришел. Может, начальник службы безопасности отсыпается после суперпентотала? В вентиляционном канале слышалось какое-то царапанье, и Майлз замер на месте. Посветив фонариком в ответвление, он увидел блеск двух рубинов — глаза гигантской крысы. Не пристукнуть ли ее на закуску Тауре? Нет. Когда они вернутся на «Ариэль», она получит обед с бифштексом. С двумя бифштексами. Крыса спаслась бегством.

Решетка, наконец, была разрезана, и Майлз протиснулся в чулан. Интересно, который сейчас час? Осталось мало, очень мало. Дверь из чулана вела в коридор, а там в полу тускло блеснул один из люков. Сердце Майлза забилося в жаркой надежде. Как только он выведет Тауру, надо будет попытаться захватить какой-нибудь транспорт...

Этот люк, как и тот, через который его впихнули, открывался вручную, и здесь не надо было обезвреживать никакой заумной электроники. Прежде чем спуститься по лестнице, Майлз заклинил его кусачками.

— Таура! — шепотом позвал он и посветил фонариком вниз. — Где ты?

Ответа не последовало, а кричать ему не хотелось. Стремительно спустившись, Майлз молча зарысился по подвалу. Каменный пол охлаждал босые ноги, заставляя его страстно мечтать о потерянных ботинках.

Он нашел Тауру, молчаливо притулившуюся у колонны. Она сидела, положив щеку на колено; лицо ее было задумчивым и печальным. Право, не так уж трудно научиться читать мысли по ее волчьему лицу.

— Пора шагать, солдат, — позвал Майлз.

Она подняла голову.

— Ты вернулся!

— А что я, по-твоему, собирался сделать? Конечно, я вернулся. Ты же мой новобранец, так?

Таура потерла лицо тыльной стороной своей большой лапы... («руки» — сурово поправил себя Майлз...) и выпрямилась во весь свой внушительный рост.

— Выходит, так.

Клыкастый рот улыбнулся. Да уж, с непривычки можно здорово испугаться.

— Я сумел открыть люк. Нам надо попытаться выбраться из главного здания на задворки. Там я видел несколько машин. Что значит небольшая кража по сравнению...

Его прервал громкий скрежет, и грузовые ворота начали раздвигаться. В помещение ворвался холодный сухой воздух, узкий луч желтого рассвета отбросил голубые тени. Из яркого сияния, заставившего их зажмуриться, возникло несколько фигур в красном, поспешно входивших с оружием на изготовку.

Таура стиснула руку Майлзу. Он хотел было крикнуть ей: «Беги!» — но остановил себя. От луча нейробластера не убежать, а это оружие есть по крайней мере у двух охранников. Майлз только зашипел в бессильной ярости: даже чертыхнуться не получилось бы. Они были уже так близко...

Неспешно подошел начальник службы безопасности Моглиа.

— Что, Нейсмит, все еще цел? — ухмыльнулся он. — Похоже, до Девятой наконец-то дошло, что надо слушаться! А, Девятая?

Майлз с силой сжал Тауре руку, надеясь, что она поймет его правильно. «Выждидай».

Она подняла голову и холодно ответила:

— Пожалуй!

— Пора бы уже, — сказал Моглиа. — Будь умницей, и мы отведем тебя наверх и дадим завтрак.

«Прекрасно», — просигналила ей рука Майлза. Теперь Таура и сама наблюдала за ним, ожидая подсказки.

Моглиа ткнул Майлза дубинкой:

— Идем, недомерок. Твои друзья выложили-таки выкуп. Удивили меня.

Майлз и сам удивился. Он двинулся к выходу, словно невзначай увлекая за собой Тауру. Теперь важно не привлечь внимания охранников к их контакту. Майлз отпустил ее руку, как только она двинулась за ним следом.

«Что здесь, черт возьми, происходит?» — недоумевал Майлз, когда они вышли в ослепительный рассвет, на асфальт, покрытый сверкающим инеем. Там их ожидала весьма странная компания.

Бел Торн и один из дендарийцев, оба с парализаторами... не пленные? Шестеро людей в зеленой форме дома Фелл с оружием на изготовку. И рядом с одним из них — квадди Николь, кутающаяся в белый мех от холода. Солнце, поднимающееся над далекими горами, только начало разгонять облака. Утро было золотым и морозным.

— Это тот, кто вам нужен? — спросил зеленый капитан охраны у Бела Торна.

— Да, это он. — На бледном лице Торна проступала странная смесь облегчения и отчаяния. — Адмирал, с вами все в порядке? — тревожно крикнул Бел, и тут глаза его широко распахнулись при виде спутницы Майлза. — А это еще что такое?

— Это солдат-новобранец Таура, — твердо проговорил Майлз, надеясь, что Бел разберется в нескольких подтекстах этого заявления, а охранники Риовалья ничего не поймут.

Вид у Торна был потрясенный, у начальника же службы безопасности — подозрительно-недоумевающий. Однако, видимо, Моглиа решил, что Майлз — это проблема, от которой он вот-вот избавится, поэтому отбросил свои недоумения, чтобы заняться более важным — капитаном охраны Фелла.

— Что происходит? — шепотом спросил Майлз у Торна, подбираясь поближе, пока охранник в красном не поднял нейробластер. Моглиа и капитан Фелла, отойдя в сторону, обменивались какими-то дискетами — видимо, сопроводительными данными официального характера.

— Когда вчера ночью мы вас потеряли, я запаниковал, — негромко объяснил Бел Майлзу. — Прямая атака даже не обсуждалась, поэтому я связался с бароном Феллом и попросил о помощи. Но помощь, которую я получил, оказалась довольно неожиданной: Фелл с Риовалем договорились между собой обменять вас на Николь. Клянусь, я узнал подробности только час назад! — с отчаянием добавил он, заметив возмущенный взгляд квадди.

— Понятно... — Майлз помолчал. — Мы собираемся вернуть ей ее доллар?

— Сэр, — с отчаянием ответил Торн, — мы же понятия не имели, что с вами тут происходит. Мы с минуту на минуту ждали, что Риоваль начнет транслировать какие-нибудь кошмарные пыточные шоу с вами в главной роли. Пользуясь словами commodора Танга: в трудном положении — изворачивайся.

Майлз узнал один из столь любимых старым космическим волком афоризмов Сунь Цзы. Коммодор Танг имел привычку цитировать умершего четыре тысячи лет назад генерала на его родном китайском, а в добром расположении духа сообщал и перевод. Майлз осмотрелся, прикидывая количество оружия, охранников, оборудования... У большинства зеленых были парализаторы. Тринадцать против... Трех? Четырех? Он взглянул на Николь. Может быть, пяти? Сунь Цзы рекомендовал: «В отчаянном положении — сражайтесь». Можно ли представить себе более отчаянное положение?

— И что же мы предложили барону в обмен на эту потрясающую милость? Или он выручает нас исключительно по доброте душевной?

Торн откашлялся.

— Я обещал сказать ему всю правду о бетанской процедуре омоложения.

— Бел!..

Торн расстроено пожал плечами:

— Мне казалось, когда мы вас получим, то что-нибудь придумаем. Но мне и в голову не пришло, что он предложит Риовалю Николь, клянусь!

Майлз заметил что внизу, в долине, по рельсу фуникулера ползет бусинка. Скоро

должна прибыть утренняя смена биоинженеров и буфетчиков. Взглянув на третий этаж, он представил себе сцену, которая разыграется, когда охрана отключит сигнализацию в лаборатории третьего этажа и впустит работников. Первый же вошедший сморщит нос и недовольно скажет: «Чем тут так гадко воняет?»

— «Медтех Возн» уже записался в команду? — спросил Майлз.

— Через час после того, как вы отправились сюда.

— Угу... Ну... оказалось, что нам вовсе не надо закалывать упитанного тельца. Он идет сам. — И Майлз кивком указал на Тауру.

Бел еще сильнее понизил голос:

— Вот эта летит с нами?

— Безусловно. Возн нам не все сказал. Мягко выражаясь. Потом объясню, — добавил Майлз, потому что капитаны как раз закончили свои переговоры.

Размахивая своей дубинкой, Моглиа направился к Майлзу.

— Дело в том, что ты допустил небольшой просчет. Положение не трудное. Оно отчаянное. Николь, я хочу, чтобы вы знали: дендарийцы никогда не разрывают сделок.

Николь нахмурилась, не понимая. Бел изумленно расширил глаза, подсчитывая соотношение сил: Майлз понял, что у него получилось тринадцать против трех.

— Правда? — выдавил из себя Бел.

— По-настоящему отчаянное, — подтвердил Майлз. Он сделал глубокий вдох. — Вперед! Таура, нападай!

Майлз кинулся к Моглиа не столько в надежде вырвать у него дубинку, сколько для того, чтобы тот оказался между ним и нейробластерами. Рядовой-дендариец, внимательно ко всему прислушивающийся, первым же выстрелом парализатора свалил одного из охранников с нейробластером, а потом откатился в сторону, увертываясь от огня второго. Бел свалил второго с нейробластером и отскочил. Два красных охранника, целившихся из своих парализаторов в бегущего гермафродита, вдруг оказались поднятыми за шкирки. Таура столкнула их головами: не по правилам боевого искусства, но мощно. Они упали на землю и ползли на карачках, пытаясь найти свое оружие.

Зеленые охранники замешкались, не зная, в кого им стрелять, и тут Николь с разгоревшимся ангельским лицом вдруг взвилась вверх на своем кресле и спикировала прямо на голову своего стража, поглощенного картиной боя. Тот рухнул как подкошенный. Николь повернула свое кресло боком, закрывшись от огня парализаторов зеленых, и снова взмыла вверх. Таура схватила красного охранника и швырнула им в зеленого. Оба рухнули бесформенной кучей.

Рядовой-дендариец вошел с зеленым охранником в ближний бой, заслоняясь им от удара парализатора. Капитан Фелл не попался на этот маневр и безжалостно парализовал обоих: разумный тактический ход при таком превосходстве сил. Моглиа прижал свою дубинку к горлу Майлза и начал душить его, одновременно выкрикивая приказы в свой комм-браслет. Он вызывал подкрепление. Заорал зеленый охранник: Таура вывихнула ему руку в плече и, раскрутив за нее, швырнула в другого, целившегося в нее из своего парализатора.

У Майлза начало темнеть в глазах. Капитан Фелл, сосредоточившись на Тауре как на самом опасном бойце, был свален парализатором Бела Торна, и в тот же момент Николь врезалась на своем кресле в спину последнего зеленого охранника.

— Фургон! — прохрипел Майлз. — Захватывайте летающий грузовик.

Бел с отчаянием взглянул на него и помчался к машине. Майлз извивался ужом, но Моглиа дотянулся до сапога, извлек острый узкий нож и приставил его к шее Майлза.

— Не двигайся! — рявкнул Моглиа. — Вот так-то...

Он выпрямился во внезапно наступившей тишине, осознав, что ему удалось овладеть ситуацией, стремительно перераставшей в катастрофу.

— Всем стоять!

Бел замер, положив руку на пластинку замка двери. Лежавшие на асфальте охранники

слабо зашевелились и застонали.

— А теперь отойдите от...

Он подавился последним словом, почувствовав на своем плече железные пальцы. А Таура, нагнувшись, тихо-тихо прорычала ему в ухо:

— Брось нож. Или я голыми руками вырву тебе горло.

Майлз скосил глаза, пытаясь увидеть что-нибудь и при этом не пошевеливнуть головой — лезвие ножа касалось его кожи.

— Я могу убить его раньше, — выдавил Моглиа.

— Человечек мой, — проворковала Таура. — Ты сам его мне отдал. Только попробуй сделать ему плохо, и я пушу тебе кровь.

Майлз почувствовал, что Моглиа поднимают вверх. Нож со стуком упал на землю. Таура держала Моглиа за шею, глубоко запустив в нее когти.

— Я все равно хочу оторвать ему голову, — заявила она капризным тоном маленькой девочки.

— Оставь, — с трудом прохрипел Майлз. — Будь уверена, через пару часов он испытает более утонченное мщение, чем все, на что мы способны.

Бел примчался обратно и выстрелом в упор парализовал начальника службы безопасности, которого Таура протянула ему, как новорожденного котенка. Майлз велел Тауре взвалить на плечо парализованного дендарийца, а сам подбежал к задней двери фургона и распахнул ее перед Николь, влетевшей внутрь на своем кресле. Они ввалились в грузовик и едва успели захлопнуть дверцы, как усевшийся на водительское место Бел стремительно поднял машину в воздух. Где-то в здании уже выла сирена.

— Связь, скорее связь, — бормотал Майлз, снимая радиобраслет с запястья бесчувственного рядового. — Бел, где стоит наш катер?

— Мы сели в маленьком коммерческом космопорте на окраине города, километрах в сорока отсюда.

— Там кто-нибудь остался?

— Андерсон и Нот.

— Код их канала?

— Двадцать три.

Майлз уселся рядом с Торном и включил связь. Прошла чуть ли не вечность — секунд тридцать или сорок, — прежде чем сержант Андерсон им ответила. Летающий грузовик мчался над вершинами деревьев, приближаясь к первым отрогам горного хребта.

— Лорин, поднимай катер в воздух. Нас нужно срочно забрать. Мы находимся в грузовике дома Фелл и направляемся...

Тут Майлз сунул свое запястье под нос Торну.

— ...на север от Биоцентра Риоваля, — сообщил капитан. — Со скоростью около двухсот шестидесяти миль в час: быстрее эта колымага не может.

— Наводись по пеленгу. — Майлз установил на комме сигнал вызова. — И не жди разрешения на взлет, потому что ты его не получишь. Пусть Нот свяжет меня с «Ариэлем».

— Будет сделано, сэр, — отозвался жизнерадостный голосок Андерсон.

Шум помех, еще несколько секунд мучительного ожидания. Потом возбужденный голос:

— Марко на связи. Я вчера думал, что вы выберетесь следом за нами. У вас все в порядке, сэр?

— Местами. «Медтех Возн» на борту?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Не выпускайте его. Скажите, что я везу ему образец ткани.

— Правда?! Как это вам...

— Не сейчас. Вызовите всех на корабль и уходите на свободную орбиту. Рассчитывайте на то, что катер придется подобрать на лету. Передайте навигатору, чтобы он сразу же после стыковки с максимальным ускорением направил корабль к п-в-туннелю на

Эскобар. Не ждите разрешения.

— Но мы все еще грузимся...

— Бросьте все, что не успели взять на борт.

— Мы серьезно влипли, сэр?

— По самые уши, Марко.

— Слушаюсь, сэр. — И Марко отключился.

— А ведь мы собирались вести себя на Джеконе тихо, как мышки, — пожаловался Бел. — Не повредит ли нам столь драматический уход?

— Ситуация изменилась, и терять уже нечего. После того что мы натворили, никакие переговоры с Риовалем невозможны. Я там кое-что сделал — в защиту истины и справедливости. Барона кандрашка хватит. И вообще, вы что, хотите услышать, как я стану рассказывать Феллу о «бетанском методе омоложения»?

— О! — со вспыхнувшими глазами Бел сосредоточился на управлении полетом. — Никаких денег не пожалел бы за такое представление!

— Ха! Нет. В самый последний момент у нас в руках оказались все козыри. По крайней мере потенциально. — Майлз начал рассматривать данные на панели управления грузовика. — Мы бы никогда больше не собрали всех вместе, никогда. Пока возможно, надо маневрировать, но счастливый момент требует действий. Если его упустить, боги отступятся от нас навечно. И наоборот... Кстати о действиях: вы видели, как Таура обезвредила семерых? — Майлз довольно хмыкнул. — Какова она будет после обучения?

Бел тревожно взглянуло через плечо туда, где стояло кресло Николь и где рядом с телом бесчувственного дендарийца скрючилась в три погибели огромная Таура.

— У меня не было времени считать.

Майлз снова встал и пробрался назад проведать своих бесценных пассажиров.

— Николь, вы были великолепны, — заявил он музыкантке. — Вы бились, как орлица. Мне, наверное, придется сделать вам скидку с того доллара.

Николь еще не успела отдышаться, щеки ее пылали. Верхней рукой она отвела черную прядь со лба.

— Сперва я боялась, что они разобьют мой инструмент. — Нижней рукой она погладила футляр, который пристроила на сиденье у себя за спиной. — А потом я испугалась, что покалечат или убьют Бела...

Таура сидела у стены и казалась страшно бледной.

Он опустился рядом с ней на колени.

— Таура, милая, ты в порядке?

Майлз нежно взял когтистую руку и проверил пульс — он оказался страшно неровным.

— Есть хочу! — выдохнула Таура.

— Опять? Ну конечно же, такие затраты энергии! У кого-нибудь найдется плитка рациона?

Долго искать не пришлось. Из заднего кармана рядового торчала надкушенная плитка, и Майлз быстро ее вытащил. Глядя, как Таура уплетает суточный рацион, он благодушно улыбнулся. Таура постаралась ответить ему улыбкой, хотя с полным ртом ей это было трудно. «Больше никаких крыс, — мысленно пообещал Майлз. — Три бифштекса, когда вернемся на „Аризель“, и пара шоколадных тортов на десерт...»

Летающий грузовик вильнул. Немного оправившаяся Таура вытянула ноги и удержала на месте покореженное кресло Николь.

— Спасибо, — опасливо поблагодарила квадди, и Таура кивнула.

— Гости, — кинул через плечо Торн.

Майлз поспешно прошел вперед.

Их быстро догоняли два флайера охраны Риоваля. Несомненно, они вооружены лучше любой полицейской машины... Бел снова вильнул, увернувшись от лазерного луча, оставившего на сетчатке глаз Майлза ярко-зеленую полосу. Их преследователи полувоенного образца были серьезно ими недовольны.

— Это же грузовик Фелла! Тут наверняка найдется что-нибудь, чем бы мы могли ответить!

Но на приборной доске ничто даже отдаленно не напоминало об управлении оружием.

Раздался гулкий удар. Николь вскрикнула. Грузовик ухнул вниз, потом выровнялся. Воздух сотрясся от оглушительного рева. Майлз отчаянно взглянул назад: верхний край грузового отсека как корова языком слизнула. Задняя дверь в одном углу оплавилась, в другом — бессильно провисла. Таура по-прежнему придерживала кресло Николь, а та теперь отчаянно цеплялась верхними руками за щиколотки Тауры.

— А! — сказал Торн. — Никакой брони.

— Они что, думали, что едут с миротворческой миссией? — Майлз снова обратился к наручному комму: — Лорин, ты уже поднялась?

— Лечу, сэр.

— Ну, если тебе когда-нибудь хотелось превысить допустимую скорость, то сейчас самое подходящее время. На этот раз никто не станет зудеть, что ты плохо обращаешься с оборудованием.

— Огромное спасибо, сэр! — радостно отозвалась дендарийка.

Они теряли высоту и скорость.

— Держитесь! — заорал Бел через плечо, меняя направление тяги.

Приближавшиеся преследователи проскочили мимо, но тут же начали разворачиваться. Бел дал ускорение, и сзади опять раздался крик: их живой груз стало прижимать к ненадежным задним дверям.

Дендарийские ручные парализаторы были абсолютно бесполезны. Майлз пробрался назад, пытаясь отыскать какое-нибудь багажное отделение, пирамиду с оружием, хоть что-нибудь! Не может быть, чтобы охранники Фелла полагали, будто их защитит одна лишь репутация...

Под мягкими сиденьями скамеек, шедших вдоль грузового отсека, оказались ящики. Первый был пуст, второй набит каким-то тряпьем. Майлз на мгновение представил себе, как душит противника чьими-то пижамными брюками, или, скажем, кидает подштанники в воздухозаборник вражеского двигателя... Третий ящик тоже был пуст. Четвертый — заперт.

Грузовик подбросило очередным попаданием, часть крыши снесло набегающим потоком. Едва Майлз схватился за Тауру, как ему показалось, что его желудок, а следом за ним и он сам, поплыли вверх. Но Торну удалось остановить падение, и пассажиров прижало к полу. Летающий грузовик затрясся, накренился, и все они — Майлз, Таура, бесчувственный рядовой и Николь в ее кресле — полетели вперед и упали друг на друга. Грузовик резко замер в рощице, запутавшись в почерневшем от мороза кустарнике.

Бел с залитым кровью лицом переполз к ним, крича:

— Выходите, выходите, выходите!

Майлз подтянулся к отверстию в крыше — и отдернул руку, обжегшись об оплавленный металл и пластик. Таура выпрямилась, просунула голову в дырку, а потом снова присела, чтобы посадить Майлза. Он соскользнул на землю и огляделся. Они находились в безлюдной долине, окруженной со всех сторон белоснежными остроконечными вершинами. К ним подлетали два преследовавших их флайера: они становились все больше, замедляя движение... Будут брать в плен или просто хотят поточнее прицелиться?

Боевой катер «Ариэля» с ревом вынырнул из-за хребта и начал опускаться, как карающая десница Господа. Флайеры-преследователи внезапно показались гораздо мельче. Один повернул и спасся бегством, другой был расплюснут о землю ударом силового луча. Даже дымка не поднялось оттуда, где он упал. Ломая ветки, катер аккуратно сел рядом с беглецами, и крышка люка гостеприимно откинулась.

— Хвастунья! — пробормотал Майлз, подразумевая Лорин Андерсон.

Он поддерживал полуоглушенного Торна, Таура несла парализованного рядового, кресло Николь вихляло по воздуху: все они, преисполненные благодарности, торопливо

ковыляли навстречу спасителям.

Выйдя из шлюза в коридор «Ариэля», Майлз сразу уловил знакомый гул — признак того, что двигатели корабля работают в форсированном режиме. Они набрали ускорение и уже сходили с орбиты. Майлз хотел как можно скорее добраться до мостика, хотя, судя по всему, Марко успешно справлялся со своей задачей. Андерсон и Нот втащили парализованного рядового, который уже начал стонать, приходя в себя. Они передали его медикам, ожидавшим в коридоре с парящими носилками. Торн, украсившийся пластырем вокруг лба, велел Николь следовать за ними, а сам поспешно ушел на мостик. Майлз остался наедине с человеком, которого меньше всего хотел бы видеть. Доктор Канабе, с озабоченным выражением на смуглом лице, ожидал в коридоре.

— Вы, вы... — Майлз заговорил голосом, полным такой черной ярости, что ученый невольно отпрянул.

Майлзу очень хотелось схватить Канабе за горло и притиснуть к стене, но для этого ему не хватало роста. Пришлось отказаться и от мысли поручить это рядовому Ноту. Но Майлз отвел душу, пригвоздив генетика взглядом.

— Хладнокровный лживый сукин сын! Вы послали меня убивать шестнадцатилетнюю девочку!

Канабе протестующе воздел руки:

— Вы не понимаете...

Из люка катера появилась Таура. Изумление в ее золотых глазах уступало лишь изумлению Канабе.

— О, доктор Канабе! Что вы здесь делаете?

Майлз ткнул пальцем в ученого.

— Оставайтесь здесь, — хрипло приказал он. Притушив свой гнев, он повернулся к пилоту катера: — Лорин?

— Да, сэр?

Майлз взял Тауру за руку и подвел к сержанту Андерсон.

— Лорин, я прошу тебя взять с собой новобранца Тауру и как следует накормить. Дашь ей такую порцию, какую она сможет съесть, не меньше. Потом помоги ей вымыться, выдай обмундирование и познакомь с кораблем.

Андерсон с опаской взглянула на огромную Тауру:

— Э-э... слушаюсь, сэр.

Майлз не удержался и объяснил:

— Ей пришлось чертовски туго. — Помолчав, он добавил: — Не посрами нас. Это важно.

— Слушаюсь, сэр, — решительно ответила Андерсон и пошла вперед.

Таура двинулась за ней, бросив робкий взгляд на своих начальников — прежнего и теперешнего.

Майлз потер заросший щетиной подбородок, прямо-таки кожей ощущая, как провонял и выпачкался. Страх и усталость до предела натянули его нервы. Он повернулся к пораженному генетику:

— Ну, доктор, постарайтесь мне объяснить. Очень постарайтесь.

— Я не мог оставить ее в руках Риоваля! — взволнованно сказал Канабе. — Чтобы она стала его агентом, или, того хуже, его товаром, очередной диковинкой из его каталога...

— А вам не приходило в голову попросить нас помочь ей бежать?

— Но, — изумился Канабе, — зачем вам взваливать на себя такое? Этого не было в вашем контракте! Вы же наемник...

— Доктор, вы слишком много времени провели на Архипелаге Джексона.

— Я это понял давно, когда меня стало рвать каждое утро перед выходом на работу. — Канабе с достоинством выпрямился. — Но, адмирал, вы не понимаете. — Он посмотрел вслед Тауре. — Я не мог оставить ее в руках Риоваля, но не могу и взять ее с собой на

Барраяр. Они там убивают мутантов!

— Неправда... — выпалил Майлз в наступившем молчании и тут же постарался загладить невольную резкость: — Они пытаются справиться с этим предрассудком. По крайней мере так я слышал. Однако вы совершенно правы. На Барраяре ей не место.

— Когда я с вами встретился, то начал надеяться, что мне не придется самому убивать бедняжку. Это нелегкая задача. Я знаю ее... слишком давно. Но оставить ее там, на планете, было бы самым страшным приговором...

— Это чистая правда. Ну, оттуда она уже выбралась. Так же, как и вы. — (Если нам удастся продержаться!)

Майлзу не терпелось скорее попасть на мостик, чтобы узнать, что происходит. Риоваль уже начал преследование? А Фелл? Не прикажут ли космической станции, охраняющей вход в п-в-туннель, перекрыть им путь к отступлению?

— Я не хотел просто бросать ее, — повторил Канабе. — Но взять с собой я тоже не мог!

— Да уж, это точно. Вы абсолютно недостойны быть ее опекуном. Я собираюсь уговорить беглянку присоединиться к дендарийским наемникам. По-моему, такова ее генетическая судьба. Или вам известна причина, по которой этого нельзя делать?

— Но она же умрет!

Майлз замер.

— А мы с вами — нет? — чуть слышно проговорил он спустя мгновение, а потом громче добавил: — Почему? Когда?

— Дело в ее метаболизме; видимо, еще одна ошибка в проекте. Она может продержаться еще год или два. Или десять.

— Или пятнадцать?

— Или пятнадцать. Хотя это и маловероятно. Но все равно, она умрет рано.

— И вы хотели отнять у нее то небольшое, что ей оставалось? Почему?

— Из жалости. Последняя стадия ослабления организма длится недолго, но протекает очень болезненно, судя по тому, что наблюдалось у предыдущих... образцов. Женщины физиологически сложнее мужчин, и я не могу дать точный прогноз... Но это отвратительная смерть. Особенно отвратительная для раба Риовалья.

— Я что-то не помню, чтобы мне встретилась прекрасная смерть, а я повидал их немало. А насчет продолжительности жизни, то могу сказать вам, что мы все можем погибнуть в ближайшие пятнадцать минут. Так как же тогда насчет вашей чуткой заботы? — Майлз почувствовал, что ему просто необходимо срочно уйти на мостик. — Я объявляю, что вы больше не имеете к ней никакого отношения, доктор. А пока пусть она насладится тем, что ей осталось.

— Но это мой проект... Я в ответе за нее...

— Нет. Теперь это свободная женщина. Она сама должна за себя отвечать.

— Как она может быть свободной в этом теле, движимом таким метаболизмом, с этим лицом... Жизнь уроды... Лучше безболезненно умереть, чем так мучиться.

Майлз ответил, отчеканивая каждое слово:

— Нет. Не лучше.

Генетик обомлел, потом в глазах его мелькнуло что-то вроде понимания.

«Правильно, доктор, — мысленно осклабился Майлз. — Вытащи голову из задницы и посмотри на меня. Наконец».

— Почему вас так волнует ее судьба? — спросил Канабе.

— Она мне нравится. Гораздо больше, чем вы, позвольте добавить.

Майлз замолчал. Неприятно было думать о том, что еще предстоит объясняться с Таурой по поводу генокомплексов в ее икре. А раньше или позже их придется извлечь. Или сблефовать, сделать вид, что биопсия — часть стандартного медицинского осмотра при поступлении к дендарийцам?.. Нет, Таура заслуживает честного отношения.

Майлза страшно раздражало, что Канабе внес эту фальшь в их с Таурой отношения, и

все же... Если бы не генокомплексы, разве Майлз отправился бы за ней? Продлил бы свою миссию и рискнул ее успехом только по доброте душевной, а? Теперь он этого никогда не узнает. Гнев отступил, волной накатила усталость, знакомая депрессия по окончании полета... Преждевременная, полет еще далеко не кончился, строго напомнил себе Майлз. Он набрал воздуха в легкие:

— Вам не спасти ее от жизни, доктор Канабе. Слишком поздно. Отпустите ее. Отпустите.

Канабе печально сжал губы, но, склонив голову, приподнял раскрытые ладони.

Входя на мостик, Майлз услышал, как Торн говорит:

— Вызовите адмирала. — И тут же, обернувшись на звук открываемой двери, добавил: — Нет, отмените. Вы как раз вовремя, сэр.

— Что происходит?

Майлз уселся в кресло у комм, на которое ему указал Торн. Прапорщик Марко следил за приборами, управляющими оружием и защитой корабля, а их нуль-пилот уже сидел наготове под странной тиарой-шлемом, от которой тянулись многочисленные провода. Пейджет весь ушел в себя, лицо его было сдержанным и задумчивым. Сейчас его сознание полностью поглощено «Ариэлем», слито с ним. Молодец!

— Вас вызывает по комму барон Риоваль, — сообщил Торн. — Лично.

— Интересно, он уже проверил морозильники? — Майлз устроился поудобнее. — Давно он меня ждет?

— Меньше минуты, — ответил офицер-связист.

— Гм. Ну так пусть подождет еще немного. Что запущено в погоню?

— Пока ничего, — доложил Марко.

Эта новость заставила Майлза изумленно поднять брови. Жаль, что некогда помыться и переодеться. Он почесал зудящий подбородок, пригладил волосы и провел ногами в мокрых носках по полу, до которого еле доставал. Потом чуть опустил сиденье, постарался выпрямить спину и дышать ровно.

— Хорошо. Можете нас соединить.

Немного размытый фон, на котором возникло лицо его собеседника, показался знакомым. Ах да — помещение службы безопасности Биоцентра... Барон лично прибыл к месту происшествия, как и обещал. Одного взгляда на его искаженное яростью юное лицо было достаточно, чтобы представить дальнейший ход событий. Майлз сложил руки и невинно улыбнулся:

— Доброе утро, барон. Чем могу быть вам полезен?

— Чтоб ты сдох, мутантишка! — рявкнул Риоваль. — Знай, не найдется такой норы, где бы ты смог от меня укрыться. Я назначу за твою голову такую цену, что к тебе на хвост сядут все авантюристы галактики... Я не стану ни есть, ни спать... Я тебя...

Очевидно, барон уже успел полюбоваться на свои морозильники. Куда девалось его издевательское спокойствие времен их первой встречи! Но Майлза удивили эти угрозы. Похоже, барон не сомневается, что им удастся покинуть Архипелаг Джексона. Правда, у дома Риовалья нет собственного флота, но почему бы ему не арендовать у Фелла дредноут и не атаковать прямо сейчас? Именно такого шага Майлз опасался больше всего — что Риоваль и Фелл (и, возможно, Бхарапутра) объединятся, чтобы не дать ему улизнуть со своей добычей.

— А вы сможете нанять этих самых авантюристов? — участливо спросил он. — Помоему, ваши ресурсы несколько пострадали. Хотя, наверное, у вас еще остались кое-какие резервы.

Риоваль, тяжело дыша, вытер пену с губ.

— Это мой младший братец тебя натравил?

— Кто? — неподдельно удивился Майлз. Еще один участник игры?..

— Барон Фелл.

— Я не знал, что вы с ним в родстве. Младший братец?..

— Ты и врать-то как следует не умеешь, — с ненавистью процедил барон. — Я знал, что это его работа.

— Вам лучше спросить его самого, — заметил Майлз, стараясь выиграть хоть немного времени на размышление.

У него кружилась голова: новые сведения стремительно меняли всю картину. Черт бы взял тех, кто готовил его к заданию, — они ни словом не упомянули об этой родственной связи, подробно остановились только на доме Бхарапутра. Но, конечно же, они не могут быть родными братьями... Да, кажется, Николь что-то об этом говорила.

— Я оторву тебе голову, — бушевал Риоваль. — Мне пришлют ее в коробке. Я залью ее пластиком и повешу у себя над... Нет, еще лучше: я предложу двойную плату тому, кто доставит тебя живьем. Ты умрешь медленно, испытав...

Вдруг барон прервал свои излияния и нахмурился:

— Или тебя нанял дом Бхарапутра? Решили ослабить конкурента, вместо того, чтобы объединяться?..

— Ну с чего это, — протянул Майлз, — Бхарапутра станет интриговать против главы другого дома? У вас есть данные, что они занимаются такими вещами? Да, кстати, а кто убил э-э... клона вашего брата?

Наконец-то у него начала складываться четкая картина происшедшего. Милосердные боги! Оказывается, он со своим заданием угодил в самую гущу джексоновских междоусобиц. Николь говорила, что Феллу так и не удалось обнаружить убийцу своего молодого двойника...

— Или мне попробовать угадать?

— Пошел ты со своими догадками, — рявкнул Риоваль. — Кто из них тебя нанял? Фелл или Бхарапутра? Кто?!

Ясно было, что Риовалью пока ничего не известно об истинной цели визита наемников — эвакуации ведущего специалиста лаборатории Бхарапутра! А если учесть отношения между домами, то, надо думать, они очень нескоро сопоставят свои факты. И чем дольше этого не случится, тем лучше для Майлза. Он начал было прятать улыбочку, а потом специально ее показал.

— Неужели вы не можете верить, что это было мое личное выступление против генетической работорговли? Подвиг в честь моей дамы?

Намек на Тауру до Риовалья не дошел: у него была теперь собственная навязчивая идея, лишившая барона способности воспринимать новые данные. Человек, склонный к предательству, всегда готов верить, что его самого предали.

— Фелл или Бхарапутра? — яростно повторил Риоваль. — Этим бессмысленным разрушением ты надеялся скрыть кражу, которую совершил для Бхарапутры?

Майлз лихорадочно соображал. Кражу? Какую кражу? Он явно имеет в виду не Тауру... Какой-нибудь образец ткани, который пытался приобрести у Риовалья дом Бхарапутра? Скорее всего именно так...

— Разве это не очевидно? — ласково спросил Майлз. — Помешав брату продлить его жизнь, вы дали ему повод для серьезного недовольства. И вы слишком многого хотели от Бхарапутры, поэтому они помогли мне, заблаговременно поместив своего супервоина в вашем курятнике. Вы сыграли им на руку, да еще и заплатили за это! Но весь план в целом, — тут Майлз скромно потупился и начал полировать ногти о свою футболку, — составил, конечно, я.

Похоже было, что Риовалью стало трудно дышать. Резко хлопнув трясущейся рукой по клавише, барон отключил контакт.

Мурлыча песенку, Майлз отправился принять душ.

Он вернулся на мостик в чистой и свежеевыглаженной форме, с кружкой черного кофе в руке. Именно в этот момент пришел новый вызов.

В отличие от своего брата, барон Фелл не разразился гневной тирадой, а несколько секунд сидел молча, просто глядя на Майлза. Зардевшись под этим пристальным взглядом, Майлз возблагодарил небо за то, что успел привести себя в порядок. Ну что, барон Фелл наконец хватился своей квадди? Или Риоваль поделился с ним каким-то из откровений, услышанных от Майлза? Пока что со Станции Фелл еще не выслали преследователей, но это должно вскоре произойти, чтобы корабль мог развить необходимое ускорение и догнать «Ариэль», с него придется снять все вооружение. Догнать-то он догонит, а что потом?.. Если только Фелл не собирается попросить об услуге консорциум, управляющий Туннельной Станцией... Майлз почувствовал: еще одна минута — и он не выдержит и примется нести чушь. Но тут барон наконец заговорил.

— Похоже, адмирал Нейсмит, — пророкотал он, — что вы — то ли по ошибке, то ли умышленно — прихватили с собой нечто вам не принадлежащее.

«Очень даже немало всяких „нечто“», — мысленно поправил его Майлз и извиняющимся тоном объяснил:

— Мы были вынуждены улететь довольно поспешно.

— Мне это известно, — со сдержанным сарказмом отозвался Фелл. Видимо, ему обо все доложил несчастный капитан охраны. — Но вы можете избавить себя от неприятностей. На мою исполнительницу была установлена твердая цена, и мне не так уж важно, отдам я ее вам или Риовалю. Если только я получу то, что мне причитается.

Управлявший «Ариэлем» капитан Торн вздрогнул.

— Насколько я понял, ваша цена — секрет бетанской процедуры омоложения, — сказал Майлз.

— Вот именно.

— Э-э... гм! — Майлз облизнул губы. — Барон, я не могу.

Фелл повернул голову:

— Командующий станцией, дайте старт кораблям преследования...

— Подождите! — воскликнул Майлз.

Фелл приподнял брови:

— Вы передумали? Прекрасно.

— Дело не в том, что я не хочу его вам раскрыть, — отчаянно проговорил Майлз, — а в том, что правда окажется для вас бесполезной. Совершенно бесполезной. Но все же я согласен: вам причитается вознаграждение. У меня есть другая информация, которой я могу вам заплатить. Она представляет для вас куда более насущный интерес.

— Вот как? — Голос старого барона звучал безразлично, лицо ничего не выражало.

— Вы подозревали вашего брата Риоваль в убийстве вашего клона, но не смогли найти доказательств. Я не ошибся?

Фелл чуть заинтересовался.

— Ни мои агенты, ни агенты Бхарапутры не обнаружили никаких улик.

— Ничего удивительного. Потому что осуществили это люди Бхарапутры.

«Ну по крайней мере такое вполне вероятно».

— Уничтожили свое собственное изделие? — медленно переспросил Фелл.

— Полагаю, Риоваль вошел в сговор с домом Бхарапутра, чтобы те вас предали. Кажется, договор основывался на передаче нескольких уникальных биообразцов, находившихся у Риоваль: одних только денег оказалось бы недостаточно, чтобы заставить их так рисковать. Сделка явно заключалась на самом высоком уровне. Не знаю, как они договорились поделить добычу после вашей смерти — может, они вообще не собирались ее делить. Похоже, у них был план в конце концов объединить свои дома, приобретя таким образом полную монополию на биоизделия Архипелага Джексона. — Майлз сделал паузу, чтобы собеседник лучше все прочувствовал. — Могу ли я подсказать, что вам целесообразно поберечь силы и союзников для борьбы с... э-э... более близкими и важными врагами, нежели я? Кроме того, вы получили от нас все деньги, а мы — только половину товара. Может, вы согласитесь, что мы квиты?

Фелл гневно смотрел на него чуть ли не минуту. У него было лицо человека, пытающегося обдумать одновременно три проблемы; Майлз отлично знал это чувство. Наконец барон повернул голову и, скривив губы, хрипло бросил:

— Отставить корабли преследования.

Майлз вздохнул спокойнее.

— Я благодарен вам за эту информацию, адмирал, — холодно сказал Фелл, — но прыгать от восторга не собираюсь. Я не стану мешать вашему поспешному отлету. Но если вы или любой из ваших кораблей снова появитесь в пространстве Архипелага Джексона...

— Ах, барон, — искренне сказал Майлз, — отныне моей самой важной жизненной целью станет держаться как можно дальше отсюда.

— Разумно, — проворчал Фелл, протягивая руку, чтобы отключить связь.

— Барон! — вдруг окликнул его Майлз, поддаваясь внезапному порыву. Фелл остановился. — Для вашего сведения... Нас больше никто не слышит?

— Нет.

— Настоящий секрет бетанской техники омоложения состоит в том, что ее не существует. Не попадайтесь больше на эту удочку. Я кажусь таким, потому что я такой и есть.

Фелл ничего не сказал, но на его губах промелькнула слабая улыбка. Он покачал головой и отключил комм.

На всякий случай Майлз задержался на мостике, пока офицер связи не доложил, что туннельная станция дала кораблю «добро» на выход из пространства Джексона. Теперь, надо думать, Фелл, Риоваль и Бхарапутра будут слишком заняты друг другом, чтобы интересоваться кем-то еще. И нетрудно было догадаться, что сведения, подкиннутые двоим из участников конфликта, сыграют роль кости, брошенной голодным бешеным псам. Майлз почти сожалел, что не может задержаться и увидеть результаты. Почти.

Спустя много часов после прыжка он проснулся в своей каюте — полностью одетый, и только сапоги были аккуратно поставлены у кровати. Как он сюда попал, Майлз совершенно не помнил. Почему-то казалось, что его провожал Марко. Если бы Майлз пришел один, то наверняка заснул бы, не сняв сапог.

Прежде всего он справился у дежурного офицера, где и в каком положении находится «Ариэль». Все было в порядке. Они летели через систему голубой звезды, расположенную между двумя туннелями, ведущими к Эскобару. Здесь не было колоний и только изредка пролетали торговые корабли. Успокоившись, Майлз немного поел, гадая, что это — завтрак, обед или ужин (после планетных приключений он совершенно выбился из корабельного времени). Потом Майлз отыскал Торна и Николь. Они оказались в инженерном отсеке, где техник как раз заканчивал ремонт летающего кресла.

Музыкантка, одетая теперь в белую куртку и шорты с розовой отделкой, устроилась на столе; лежа на животе, она наблюдала за работой. Очень странно было видеть ее без кресла: все равно что рак-отшельник без раковины. В своем аппарате она выглядела настолько естественно, что Майлз очень скоро забывал о второй паре рук. Торт помог технику вставить сиденье кресла в шасси с антигравитационным двигателем и обернулся, чтобы поздороваться со своим адмиралом.

Майлз уселся на стол рядом с Николь.

— Судя по всему, — сказал он музыкантке, — вы можете не опасаться преследования со стороны барона Фелла. Они с Риовалем какое-то время будут по горло заняты взаимной местью.

— Гм, — печально отозвалась Николь.

— Вы в безопасности, — ободрил ее Торт.

— О нет, дело не в этом, — вздохнула квадди. — Я просто вспомнила моих сестер. Было время, когда я стремилась вырваться от них. А теперь мне не терпится их увидеть.

— Какие у вас планы? — спросил Майлз.

— Сначала я остановлюсь на Эскобаре — это удобный перекресток в сети туннелей, и оттуда можно добраться до Земли. С Земли я попаду на Ориент IV, а там уже близко до дома.

— Вы собираетесь домой?

— У нас здесь тоже есть на что посмотреть, — напомнил Торн. — Не знаю, можно ли включить в число дендарийцев исполнительницу, но...

Николь покачала головой.

— Домой, — твердо сказала она. — Я устала все время сопротивляться притяжению. Я устала быть одна. Все время вижу кошмары, будто у меня начинают расти ноги.

Торн чуть слышно вздохнул.

— У нас есть колония инопланетян, — многозначительно сообщила Николь. — Они оборудовали себе астероид с искусственной силой тяжести. Совсем как настоящая планета, только сквозняков нет. И работу там найти нетрудно... Или вас связывает контракт?

— Дело не в этом. Ваш пояс астероидов так далеко от дома. — Голос Торна дрогнул.

— Так, значит, вы собираетесь вернуться на Колонию Бета? — спросила Николь. — Или теперь ваш дом и семья — здесь, на кораблях дендарийских наемников?

Майлз немного встревожился: потерять преданного командира корабля...

— Да разве в этом дело! — воскликнул Торн. — Я служу главным образом потому, что мне невыносимо любопытно увидеть, что произойдет в следующую минуту.

Он одарил Майлза странной улыбкой, а затем помог Николь устроиться в глубокой чаше кресла. Быстро проверив системы, музыкантка снова стала такой же — или даже более — подвижной, как ее спутники с ногами. Чуть покачавшись, она весело посмотрела на Торна.

— До орбиты Эскобара еще трое суток, — с сожалением сказал он. — Но все же... это семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут. Сколько можно успеть за четыре тысячи триста двадцать минут?

«Или сколько раз, — хмыкнул про себя Майлз. — Особенно если не спать». Если он правильно все понял, то Торн не имеет в виду сон как таковой. Что ж, удачи им обоим.

— А тем временем, — Торн провел Николь в коридор, — позвольте показать вам мой корабль. Иллирийской постройки... История о том, как «Ариэль» попал в руки дендарийцев (мы тогда служили под началом адмирала Оссера), необыкновенно интересна...

Николь что-то с любопытством прошептала, а Майлз со вздохом зависти слез со стола и отправился разыскивать доктора Канабе. Предстояло выполнить последний неприятный долг.

* * *

Дверь лазарета с шипением отъехала в сторону. Майлз положил инъектор, повернулся в кресле и уставился на вошедших сержанта Андерсон и Тауру.

— Вот это да!

Андерсон четко отсалютовала.

— Прибыли по вашему распоряжению, сэр.

У Тауры дернулась рука — она не знала, следует ли ей повторить военное приветствие или нет. А Майлз вглядывался в нее, разинув рот от восторга. Таура преобразилась именно так, как он себе это представлял, — или даже еще больше.

Непонятно, как Лорин столкнулась со швейным компьютером, но каким-то образом она убедила его выкроить увеличенную вдвое полную повседневную форму — китель, брюки, легкие полусапожки. Темные волосы Тауры были теперь аккуратно уложены в толстую косу, закрученную на затылке причудливым узлом, и сияли неожиданными красноватыми отблесками. С огромных рук исчезли грязные струпья, и (гениальное решение!) когти были не спилены, а только отполированы, обточены и покрыты переливающимся жемчужным лаком, сочетавшимся с серо-белой формой лучше любых драгоценностей. Лаком наверняка поделилась из своих запасов сама сержант Андерсон.

Таура казалась если и не упитанной, то по крайней мере не изголодавшейся, глаза ее блестели вполне живым человеческим интересом, уже не напоминая призрачные желто-зеленые, и даже издали было ясно, что хорошая еда, а также возможность почистить зубы устранили отвратительную вонь изо рта, вызванную несколькими днями питания сырыми крысами.

— Великолепно, Лорин! — восхищенно сказал Майлз.

Лорин горделиво улыбнулась:

— Вы примерно это имели в виду, сэр?

— Да, именно это, — подтвердил он и обратился к Тауре: — Как тебе твой первый п-в-прыжок?

Длинные губы изогнулись, и Майлз понял, что так бывает, когда Таура пытается их поджать.

— Я подумала, что заболеваю, и испугалась. У меня вдруг начала кружиться голова... Но сержант Андерсон объяснила, в чем дело.

— Никаких видений, странного удлинения времени?

— Нет, но это было... Хорошо хоть, что так недолго.

— Гм. Похоже, ты не из тех счастливых или несчастных, кого надо проверять на способность стать скачковыми пилотами. Но это даже к лучшему. Десантная команда нипочем не согласится отдать тебя на мостик после того, как ты продемонстрировала свои таланты на посадочной площадке Риоваля. — Майлз помолчал. — Спасибо, Лорин. Кстати, где ты была?

— Обычный осмотр катеров, консервация. Таура смотрела, что и как, а я работала.

— Ладно, можешь продолжать. Я пришлю Тауру, когда она освободится.

Андерсон неохотно вышла, явно сгорая от любопытства. Майлз дождался, пока за ней закроется дверь, и затем продолжил:

— Сядь, Таура. Итак, твой первый день у дендарийцев прошел хорошо?

Таура улыбнулась, устраиваясь на стуле, который протестующе заскрипел.

— Просто отлично.

— Да? — Майлз помешкал. — Понимаешь, когда мы прилетим на Эскобар, ты будешь свободна. Ты не обязана поступать к нам в отряд. Я позабочусь, чтобы ты могла начать на планете какое-нибудь свое дело.

— Что? — в глазах Тауры вспыхнул испуг. — Нет! То есть... я слишком много ем?

— Ничуть! Ты сражаешься за четверых, так что мы вполне можем позволить себе кормить тебя за троих. Но... мне надо кое-что объяснить, прежде чем ты примешь присягу. — Майлз откашлялся. — Я пришел к Риовалю совсем не для того, чтобы завербовать тебя. Ты помнишь, что за несколько дней до того, как тебя увезли от Бхарапутры, доктор Канабе сделал тебе инъекцию в ногу? Иголкой, а не инъектором.

— Да. — Она бессознательно потерла левую икру. — Получилась шишка.

— Он сказал тебе, зачем?

— Прививка.

Майлз подумал, что при первой их встрече она не ошиблась — люди действительно очень часто лгут.

— Ну так это была никакая не прививка. Канабе использовал тебя как живое хранилище для геноконструкторского материала. Молекулярно связанного пассивного материала, — поспешно добавил он, когда Таура изогнулась и обеспокоенно посмотрела на свою ногу. — Доктор уверил меня, что этот препарат не может самостоятельно активизироваться. Вообще-то моим заданием было просто забрать доктора Канабе, но он не желал улетать без своих генокомплексов.

— Он решил взять меня с собой? — радостно удивилась Таура. — Так это его я должна благодарить за то, что попала к вам?

Хотелось бы Майлзу посмотреть на Канабе, услышавшего эту благодарность!

— И да, и нет. Более точно, нет. — Он заторопился, пока ему не изменило мужество. —

Тебе не за что его благодарить, и меня тоже. Он собирался взять только образец ткани и прислал меня за ним.

— Так вы бы предпочли оставить меня в том подвале... Вот почему Эскобар...

Таура все еще не понимала.

— Тебе повезло, — продолжал Майлз, — что, когда мы наконец встретились, я потерял своих людей и был безоружен. Канабе и мне солгал. Он сказал мне, что я должен убить чудовище. Тебя, Таура. В его оправдание можно только сказать, что ему хотелось спасти тебя от ужасной жизни рабыни Риовая. Там, в подвале, я бессовестно лгал тебе, потому что это мне казалось необходимым. Я должен был выжить и победить.

Озадаченное лицо Тауры застыло, глаза погасли.

— Значит, вы на самом деле... не поверили, что я — человек.

— Напротив. Ты прекрасно выбрала способ доказательства. Телом лгать гораздо труднее, чем языком. Когда я... э-э... демонстрировал свою убежденность, она была настоящей.

При взгляде на Тауру он все еще испытывал какие-то отголоски того сумасшедшего наслаждения. Наверное, от этого ему уже не избавиться — получилось нечто вроде условного рефлекса.

— Ты хотела бы, чтобы я доказал это снова? — с надеждой спросил он и прикусил язык. — Нет... Раз я буду твоим командиром...

Майлз страшно разволновался. Он взял инъектор, нервно покрутил в пальцах, снова положил.

— Короче, доктор Канабе просил меня снова тебе солгать. Он хотел, чтобы я дал тебе общий наркоз, и тогда он сможет спокойно вырезать свой образец. Ты, наверное, заметила, что Канабе трус? Он сейчас стоит за дверью и трясется от страха, боится, что ты узнаешь, какие у него были планы в отношении тебя. Лично я думаю, что для этой процедуры хватит и местного обезболивания. По крайней мере, если бы доктор Канабе делал что-то со мной, я предпочел бы оставаться в сознании и присматривать за ним.

Таура сидела молча, и хоть Майлз уже начал привыкать к ее странному волчьему лицу, но разобрать, о чем она думает, ему не удалось.

— Вы хотите, чтобы я разрешила... разрезать мне ногу? — наконец спросила она.

— Да.

— А что потом?

— Потом — ничего. Ты сможешь забыть о докторе Канабе, об Архипелаге Джексона и обо всем остальном. Это я тебе обещаю. Хотя не удивлюсь, если ты не станешь доверять моим обещаниям.

— Забыть... — выдохнула Таура. Она понурилась, потом снова вскинула голову, и плечи ее расправились. — Давайте поскорее покончим с этим.

Длинные губы ее уже не улыбались.

* * *

Доктор Канабе был отнюдь не в восторге, узнав, что его подопечная находится в полном сознании, но ледяная физиономия Майлза заставила его воздержаться от споров. Быстро произведя биопсию, он упрятал драгоценный препарат в криоконтейнер и поспешил сбежать с ним в свою каюту.

Майлз остался в лазарете, дожидаясь, пока пройдет действие анестезии и Таура сможет двигаться, не спотыкаясь. Она молчала, а Майлз наблюдал за ее застывшим лицом, всей душой жалея, что не знает, как снова зажечь эти золотые глаза.

— Когда я впервые увидела вас, — тихо начала Таура, — это было как сон. Какое-то волшебство. Все, чего я хотела, о чем мечтала. Еда. Вода. Тепло. Месть. Побег. — Она опустила взгляд на свои полированные когти, потом подняла взгляд к нему. — Друзья... ласковые прикосновения...

— Что мне сделать для тебя, Таура? — воскликнул он.

Она медленно проговорила:

— Я хотела бы стать нормальной.

Майлз ответил:

— Я не могу дать тебе того, чего не имею сам. — Слова прозвучали как-то безнадежно, и он заставил себя попробовать еще раз. — Нет. Не надо этого хотеть. У меня есть идея получше — пожелай быть собой! До упора! Выясни, в чем ты сильнее всего, и делай это. Перешагни через свои слабости. На них просто не должно быть времени. Посмотри на Николь...

— Она так красива, — вздохнула Таура.

— Или посмотри на капитана Торна и спроси у себя: что такое «нормальный» и за каким чертом тебе это нужно? Если хочешь — посмотри на меня. Мне что, лопнуть с натуги, пытаясь победить в рукопашном бою людей вдвое тяжелее меня? А может, лучше перевести бой туда, где их мускулы будут бесполезны? Я не могу позволить себе терять время. И ты тоже!

— Ты знаешь, как мало мне осталось? — вдруг спросила она.

— Э-э... А ты? — осторожно спросил Майлз.

— Из всех нас в живых осталась только я одна. Как я могу не знать?

— Тогда не мечтай быть нормальной! — страстно сказал Майлз, вскакивая и начиная ходить по комнате. — Ты только зря потратишь время на бессмысленную тоску. Захоти быть великолепной! Вот это у тебя получится. Великолепным солдатом, великолепным офицером — да мало ли кем еще! Великолепным исполнителем, как Николь! Только представь себе, как было бы ужасно, растрать она свои силы и талант на мечты о том, чтобы всего лишь быть нормальной.

Таура взглядела в свои накрашенные когти и вздохнула:

— Наверное, мне нет смысла хотеть быть красивой, как сержант Андерсон.

— Тебе бесполезно пытаться быть красивой, как кто-то другой, — сказал Майлз. — Быть красивой, как Таура, — вот это ты можешь, и очень неплохо. — Сам не зная, как это получилось, он сжал ее руки и провел пальцем по переливающемуся когтю. — Лорин поняла, каким должен быть твой стиль, и ты можешь положиться на ее вкус.

— Адмирал, — медленно проговорила Таура, не отпуская его рук, — вы уже мой командующий? Сержант Андерсон говорила что-то о вводном курсе и экзамене, о присяге...

— Все это будет, когда мы присоединимся к флоту. До той поры ты считаешься нашей гостьей.

В ее золотые глаза стали возвращаться искры.

— Значит... До той поры мы не нарушим никаких дендарийских правил, если вы снова докажете мне, насколько я человек? Еще один раз?

Майлз почувствовал, как в нем поднимается неудержимая волна — смех, бросающий вызов смерти. Должно быть, именно это чувство заставляло мужчин карабкаться по отвесным скалам без антигравитационных поясов или прыгать со старинных самолетов, когда от гибельного удара о землю спасает только комок шелка...

— Не торопись? — придушенным голосом спросил он. — На этот раз сделаем все по правилам? Немного поговорим, выпьем вина, послушаем музыку? А над головой не будет охраны Риоваля и ледяной скалы — у меня под...

Ее огромные глаза были золотыми и влажными:

— Ты ведь сказал, что любишь делать то, что у тебя лучше всего получается.

Майлз раньше и не знал, как опьяняет его лесть высоких женщин. Обязательно надо будет справиться с этой слабостью. Когда-нибудь впоследствии...

Они отправились в его каюту и усердно занимались тем, что получалось у Майлза лучше всего, пока не оказались на полпути к Эскобару.

— А что потом стало с девушкой-волчицей? — спросил Иллиан, нарушив долгое, зачарованное молчание.

— У нее все хорошо. Недавно получила сержантские нашивки. Врачи дендарийцев посадили ее на какие-то лекарства, немного замедлившие метаболизм.

— Это продлит ей жизнь?

Майлз пожал плечами:

— Хотел бы я знать. Может быть. Мы надеемся.

— Так. — Иллиан уселся поудобнее. — Тогда остается Дагула. Могу напомнить, что единственным твоим докладом был тот, чрезвычайно краткий, который отправлен с Махата Солярис.

— Это же был только предварительный отчет. Я думал, что вернусь гораздо раньше.

— Дело не в краткости. По крайней мере граф Форволк задает не этот вопрос. Расходы, Майлз. Выкладывай, а потом можешь поспать.

Майлз устало нахмурился.

— Задание выглядело совсем простым — почти таким же простым, как и то, на Архипелаге Джексона. Ну а потом дела пошли плохо. Потом дела пошли отвратительно...

— Тогда давай сначала.

— Начало. О Господи. Значит, так...

Границы бесконечности

«Неужели меня угораздило умереть, попасть в преисподнюю и даже не заметить этого?»

Огромный опалесцирующий купол силового поля ограничивал идеально ровный круг диаметром в полкилометра. Майлз стоял у самого края, там, где светящаяся вогнутая поверхность ныряла в утоптанную землю и исчезала. Воображение невольно следовало вглубь, стремясь завершить эту гигантскую сферу — упругую, нематериальную скорлупу, которую невозможно разбить.

Внутри была сцена древнего преддверия ада. Отчаявшиеся мужчины и женщины сидели, стояли или, большей частью, лежали поодиночке и группами по всей поверхности круга. Майлз быстро огляделся, надеясь заметить хоть какие-то остатки военного порядка и дисциплины, но оказалось, что люди разбросаны произвольно, как брызги дождя на стекле.

Может, на самом деле он был убит перед самым входом в лагерь военнопленных? Может, с ним поступили так же, как это делалось в древние времена на Земле, когда тюремщики заманивали свои жертвы в газовые камеры, успокаивая их подозрения каменным мылом? И люди шли — покорно, как овцы, не догадываясь о своей участи, пока предсмертное озарение не спускалось на них душным облаком... Может, его тело было уничтожено так быстро, что нейроны не успели передать эту информацию мозгу? Не зря же столько древних мифов описывают ад как нечто круглое...

Неужели это и есть пресловутый объект высшей степени секретности на планете Дагула — лагерь военнопленных номер три? Эта голая... суповая тарелка? Майлз туманно воображал бараки, вымуштрованную охрану, ежедневные построения, тайные подкопы, заговоры с целью побега...

Но силовой купол все упростил. Зачем бараки для защиты пленных от непогоды? Купол эффективнее любой крыши. Зачем охрана? Купол поддерживается извне, и ничто, находящееся внутри, не может его пробить. Не нужны ни охрана, ни построения. Подкопы бесполезны, заговоры с целью побега — бессмысленны. И все благодаря куполу.

Единственными сооружениями, разнообразившими пейзаж, были большие серые пластиковые будки, равномерно распределенные по периметру купола. Скучная деятельность лагеря концентрировалась вокруг них. «Сортиры», — понял Майлз.

Они вошли через временный проход, который закрылся за ними еще раньше, чем

исчезла слабая выпуклость в силовой стене. Ближайший обитатель купола лежал в нескольких метрах от них на циновке — точно такой же, какую сейчас держал в руках Майлз. Мужчина чуть повернул голову, чтобы посмотреть на группку новоприбывших, кисло улыбнулся и перекатился на бок, спиной к ним. Больше никто даже не потрудился поднять головы.

— Чтоб меня черти взяли! — пробормотал один из спутников Майлза.

Он и два его товарища невольно придвинулись поближе друг к другу. Раньше все трое, по их словам, были в одном взводе. Майлз встретился с ними всего несколько минут назад, на последнем этапе обработки, когда им всем выдали амуницию, полагающуюся заключенным дагульского лагеря номер три.

Единственная пара широких серых брюк. Такая же рубашка с короткими рукавами. Прямоугольная циновка для сна, свернутая в рулон. Пластиковая чашка. Вот и все. Это — и еще номер, написанный на коже. Майлза чрезвычайно раздражало, что проклятые цифры находятся на спине, где их нельзя увидеть. Ему приходилось все время бороться с желанием вывернуть шею, и рука тянулась почесать зудящий участок кожи, хотя зуд был чисто нервного происхождения. На ощупь номер тоже не определялся.

Неподалеку началось какое-то движение, и к ним приблизилась компания из нескольких человек, одетых в живописные лохмотья. Что, их наконец заметили и приветствуют? Майлзу была отчаянно нужна информация. Где-то среди всех этих бесчисленных мужчин и женщин — тот, кого он ищет... «Нет, не бесчисленных, — твердо поправил себя Майлз. — Их здесь всех пересчитали».

Разбитые останки Третьей и Четвертой мотопехотных бригад. Хитроумные и упорные защитники Гарсоновской орбитальной станции. Второй батальон Уиновеха, взятый в плен почти целиком. И Четырнадцатый отряд командос, захваченный при штурме крепости Фэллоу-Кор. А в сумме — десять тысяч двести четырнадцать человек, лучшие солдаты планеты Мэрилак. Точнее — десять тысяч двести пятнадцать, если считать его самого. Следует ли Майлзу считать себя самого?

«Группа приветствия» остановилась в нескольких метрах. Эти люди были крепкими, мускулистыми и выглядели не слишком дружелюбно. В их погасших глазах застыло выражение угрюмой скуки, которую не развеял даже тот осмотр, который они вели.

Две группы — пятеро и трое — оценили друг друга. Трое повернулись и благоразумно пошли прочь. Майлз с опозданием понял, что теперь он остался в одиночестве.

Один и страшно заметен. Его внезапно охватило чувство стыда за свою внешность. Он такой низкорослый, да в придачу еще и весь покореженный... Правда, ноги у него в результате последней операции стали одинаковой длины, но все равно слишком коротки, чтобы убежать от этой пятерки. Да и куда здесь бежать? Майлз вычеркнул бегство из списка вариантов.

Драться? Не будем шутить.

«Ничего не получится», — печально подумал он, направляясь к молчавшим парням. По крайней мере это более достойно, чем искать спасения в бегстве, а результат будет один.

Он постарался сделать свою улыбку суровой, а не просто глуповатой. Нельзя сказать, что ему это удалось.

— Привет. Не подскажете, где найти Четырнадцатый отряд командос полковника Гая Тремонта?

Один из пятерки презрительно фыркнул. Двое зашли Майлзу за спину.

Ну что же, фырканье — это почти речь. По крайней мере хоть какое-то выражение чувств. Начало, зацепка. Майлз сосредоточился на фыркнувшем:

— Как вас зовут, солдат? Где служили и в каком звании?

— Здесь нет званий, мутант. И родов войск. И солдат. Ничего!

Майлз осмотрелся. Естественно, его окружили. Этого и следовало ожидать.

— Ну а друзья-то у вас есть?

Говоривший почти улыбнулся.

— Нет.

Майлз подумал, что, возможно, поторопился, вычеркнув бегство из списка вариантов.

— Я бы не был в этом так уверен, если бы...

Сильный удар по почкам заставил его умолкнуть — он чертовски больно прикусил язык. Майлз рухнул на землю, уронив циновку и чашку. Пинали босой ногой. Слава Богу, на этот раз боевых сапог ни на ком нет. По третьему закону Ньютона, ноге нападающего должно быть так же больно, как и его спине. Вот и замечательно. Может, они собьют себе костяшки пальцев, пока будут его колотить до полусмерти...

Один из шайки подобрал недавнее богатство Майлза: чашку и циновку.

— Хотите его одежду? Мне мала.

— Не-а.

— Ну ладно, — решил говорун. — Все равно возьмем. Может, купим одну из баб.

С Майлза сдернули рубашку и брюки. Он был слишком занят предохранением головы от случайных пинков, так что особо за одежду и не цеплялся. Максимум того, что он может себе здесь позволить, — это сломанное ребро. В самом-то начале! А хуже всего перелом челюсти...

Нападающие лишь слегка умерили свой пыл, когда экспериментальным путем обнаружили слабость его костей.

— Вот оно как здесь, мутант, — сказал говорун, немного запыхавшись.

— Я родился нагим, — пропыхтел Майлз. — Меня это не остановило.

— Нахальное дерьмецо, — заметил говорун.

— Медленно до него доходит, — заметил кто-то еще.

Второй раз его побили сильнее, чем в первый. По крайней мере два ребра треснули, и челюсть тоже чуть не раздробили — Майлз едва спас ее, вскинув левую руку. И с запястьем случилось что-то нехорошее. На этот раз Майлз удержался от полемики.

Он лежал в грязи и мечтал потерять сознание.

Майлз лежал очень долго, закутавшись в свою боль. Он точно не знал, сколько. С силового купола струился ровный свет. Время остановилось — наступила вечность. Ведь ад вечен, не так ли? Здесь многое, слишком многое напоминало ад.

А вот пожаловал еще один демон... Майлз постарался сосредоточить взгляд на приближающейся фигуре. Мужчина, такой же избитый и голый, как и Майлз, все ребра наружу — вид голодающего. Худое, постаревшее от пережитого лицо. Лет ему, наверное, от сорока до пятидесяти. А может — двадцать пять.

Он опустился на колени в нескольких метрах от Майлза. Из-за страшной худобы глаза его казались неестественно выпученными, и белки лихорадочно поблескивали на темном лице. Кожа потемнела от грязи, не от щетины: у всех пленных, мужчин и женщин, волосы были острижены коротко, а волосяные луковицы парализованы, чтобы остановить рост. Постоянно выбритое лицо и стрижка под бобрик. Майлз совсем недавно и сам был подвергнут такой же процедуре. Но тот, кто обрабатывал этого типа, видно, сильно торопился: на его щеке осталась нетронутая парализатором полоса, и там росло несколько десятков довольно длинных волосков, так что лицо его напоминало плохо подстриженный газон. Если бы знать скорость роста волос, можно было бы подсчитать, как давно находится здесь этот человек. «Слишком давно, каковы бы ни были цифры», — мысленно вздохнул Майлз.

В руке у мужчины было отломанное донышко пластиковой кружки, которое он осторожно подтолкнул к Майлзу. Дышал он тяжело, с хрипом — из-за усталости, волнения или болезни... Хотя вряд ли из-за болезни, ведь здесь всем сделаны прививки. Побег, даже с помощью смерти, — дело не настолько простое. Майлз повернулся и с трудом приподнялся на локте, всматриваясь в незнакомца сквозь начинающую редеть дымку боли.

Мужчина попятился, тревожно улыбаясь, и кивком указал на плошку:

— Вода. Лучше выпейте. Чашка треснула. Если слишком долго ждать, вода вытечет.

— Спасибо, — просипел Майлз.

Неделю назад (или в прошлой жизни, смотря как считать) Майлз неспешно выбирал вино, колеблясь между тем или другим оттенком букета. Пересохшие губы больно треснули, когда он улыбнулся своему воспоминанию. Он начал пить. Это оказалась самая обыкновенная вода, тепловатая, чуть отдающая хлором и серой. Да уж, букет еще тот.

Мужчина продолжал сидеть с демонстративной вежливостью, пока Майлз не допил воду. Потом подался вперед, опершись на костяшки пальцев:

— Вы — Один-из-Двух?

Майлз моргнул:

— Кто-кто?

— Один-из-Двух. Недостающий. Мне надо было сказать «Второй». Писание говорит, что их должно быть двое.

— Э-э... — Майлз помедлил. — А что именно говорит Писание?

Мужчина взялся правой рукой за костлявое левое запястье, вокруг которого была обернута какая-то скрученная тряпка. Он прикрыл глаза, беззвучно пошевелил губами, а потом продекламировал:

— ...но пилигримы легко поднялись на гору, потому что за руки их вели те два человека. И еще они оставили свои одежды, потому что хотя они и пришли в одеждах, но вышли нагими.

Он раскрыл глаза, с надеждой уставившись на Майлза.

«Ну, теперь понятно, почему этому типу нужен Второй...»

— А вы, случайно, не тот самый Первый? — спросил Майлз. Его собеседник смущенно кивнул.

— Понятно. Э-э...

Почему он вечно притягивает к себе всяких психов? Майлз слизнул с губ последние капли воды. У этого парня, может, и не все дома, но по крайней мере он будет получше тех пятерых. Конечно, если в его башке не прячется где-нибудь еще пара личностей маниакального плана. Нет, в этом случае он представился бы сразу Двумя избранными и не искал бы помощи посторонних.

— Э-э... как вас зовут?

— Сьюгар.

— Сьюгар. Ладно, хорошо. Кстати, меня зовут Майлз.

— Хм! — Сьюгар улыбнулся с очень довольным видом. — Ваше имя значит «солдат». Вы это знаете?

— Да, мне говорили.

— Но вы не солдат...

Как неприятно, когда нет дорогой одежды или мундира, которые могут скрыть хотя бы от него — если не от окружающих — особенности его телосложения...

— Ближе к концу стали брать всех подряд. Меня сделали клерком по рекрутскому набору. Я даже ни разу не выстрелил. Послушайте, Сьюгар, а как вы узнали, что вы — Первый, или по крайней мере Один-из-Двух? Это вы и раньше знали?

— До меня это дошло постепенно, — признался Сьюгар и сел, скрестив ноги. — Я здесь единственный со словами, вот в чем дело. — Он снова провел пальцами по тряпичной веревке. — Я обыскал весь лагерь, но они только смеются. Видите ли, когда все, кроме меня, сдались, то сработал метод исключения.

— О!

Майлз тоже сел, чуть охнув от боли. Эти ребра следующие несколько дней будут дьявольски болеть. Майлз кивнул на веревку:

— Вы в ней держите свое Писание? Можно мне посмотреть?

Интересно, откуда этот полоумный добыл лист бумаги, или что там у него?

Сьюгар спрятал руки под мышками и затряс головой.

— Они уже много месяцев пытаются ее у меня отнять, понимаете? Я должен быть

очень осторожен. Пока вы не докажете, что вы — Один-из-Двух. Ведь дьявол тоже может цитировать Писание, верно?

«Да, примерно это я и собирался сделать...» Как знать, какие возможности может подарить «писание» Сьюгара? Ну что же, может, потом получится. А пока продолжим танец.

— А есть другие приметы? — спросил Майлз. — Видите ли, я не уверен, что я — ваш Один-из-Двух, но, с другой стороны, я не уверен и в том, что я — не он. В конце концов я только что сюда попал.

Сьюгар снова покачал головой.

— Это всего пять-шесть предложений. Приходится многое домысливать.

«Еще бы». Но Майлз не произнес этого вслух.

— А как оно вам досталось? Откуда оно у вас?

— Это было в Порт-Лизме, как раз перед тем, как нас взяли в плен, — ответил Сьюгар. — Мы отступали, дом за домом. У меня немного отстал каблук и стучал при ходьбе. Кругом взрывы, пальба, а такой пустяк вдруг начал страшно меня раздражать. В одном доме я увидел книжный шкаф со стеклянными дверцами и с настоящими древними книгами на бумаге... Я разбил прикладом стекло, оторвал кусок страницы из какой-то книги, сложил и сунул под каблук, чтобы он больше не стучал. Не посмотрел на книгу. Только потом понял, что это — Писание. По крайней мере мне так кажется. Звучит-то как Писание. Это обязательно должно быть Писание!

Сьюгар нервно покрутил клок волос на щеке.

— Пока мы ждали обработки, я вытащил эту бумагу из-под каблука. Просто так, понимаете? Охранник видел ее у меня в руке, но не стал отбирать. Наверное, подумал, что это просто безобидная бумажка. Ему и невдомек было, что это Писание. Когда нас сюда забросили, я все еще ее держал. Знаете, это единственный кусок текста во всем лагере! — не без гордости добавил он. — Это должно быть Писание!

— Ну... тогда вам надо хорошенько его беречь, — ласково посоветовал Майлз. — Раз вы его так долго хранили, значит, это предназначено вам судьбой.

— Угу... — Сьюгар моргнул. Слезы? — Я ведь здесь единственный, у кого есть дело... Так что, значит, я один из Них.

— По-моему, звучит убедительно, — добродушно согласился Майлз. — Послушайте, э-э... — Он оглядел огромную, тускло мерцающую полусферу. — А как вы здесь вообще ориентируетесь?

Действительно, под куполом ощущалась явная нехватка достопримечательностей. Майлзу почему-то вспомнилась колония пингвинов. Но пингины все же как-то находят свои каменистые гнезда. Пора начинать мыслить по-пингвиньи или найти себе проводника-пингина. Майлз внимательно посмотрел на свою птицу-гида, которая задумчиво чертила что-то на земле. Круги, естественно.

— А где столовая? — громче спросил Майлз. — Где берут воду?

— Краны с водой на внешней стороне сортиров, — сказал Сьюгар, — но они работают не всегда. Столовой нет. Мы просто получаем плитки рационов. Иногда.

— Иногда? — возмущенно переспросил Майлз. У Сьюгара все ребра можно было пересчитать. — Черт подери, цетагандийцы во всеуслышание заявляют, что обращаются с пленными в соответствии с правилами Межзвездной Конвенции: столько-то квадратных метров на человека, три тысячи калорий в день, не меньше пятидесяти граммов белка, два литра питьевой воды... Вы должны были бы получать по крайней мере две стандартные плитки рациона в день. Вас морят голодом?

— Спустя какое-то время, — вздохнул Сьюгар, — становится все равно, досталась тебе порция или нет.

Похоже было, что возбуждение, вызванное его интересом к Майлзу, как к новому и многообещающему объекту, уже спадает. Дыхание Сьюгара замедлилось, плечи ссутулились — казалось, он вот-вот ляжет на землю. Интересно, что случилось с его циновкой? Надо думать, то же самое, что и с циновкой Майлза... И скорее всего уже достаточно давно.

— Послушайте, Сьюгар, у меня здесь в лагере есть родственник. Двоюродный брат моей матери. Вы не могли бы мне помочь его найти?

— Вам бы стоило найти своего родственника, — подтвердил Сьюгар. — Здесь плохо быть одному.

— Угу, я это уже понял. Но как здесь кого-то найти? Тут все так неорганизовано.

— О, здесь есть... группы — и группы. Каждая из них старается придерживаться своего участка.

— Он был в Четырнадцатом отряде коммандос. Где они?

— Прежних подразделений почти не осталось.

— Его зовут полковник Тремонт. Полковник Гай Тремонт.

— О, так он офицер! — Лоб Сьюгара обеспокоенно наморщился. — Это осложняет дело. Вы-то ведь не были офицером, а? Если были, лучше не говорите...

— Я был клерком, — напомнил Майлз.

— ...потому что есть группы, которые не любят офицеров. Клерком. Тогда, наверное, ничего.

— А вы были офицером, Сьюгар? — с любопытством спросил Майлз.

Сьюгар нахмурился и закрутил прядь бороды.

— Армии Мэрилака больше нет. Если армии нет, то офицеров тоже быть не может, так?

Майлз прикинул, не будет ли быстрее и проще, если он отойдет от Сьюгара и попробует завязать разговор с кем-нибудь из первых встречных пленных. «Группы и группы». Видимо, устоявшиеся компании, вроде тех пяти крепких суровых братцев. Майлз решил еще какое-то время подержаться рядом со Сьюгаром. По крайней мере он не будет чувствовать себя таким голым, если будет голый не один.

— А вы не могли бы отвести меня к кому-нибудь, кто был в Четырнадцатом? — снова попросил он Сьюгара. — К кому-нибудь, кто знает, как выглядит Тремонт.

— Вы с ним незнакомы?

— Мы никогда не встречались лично. Я его когда-то видел, но с тех пор, боюсь, его внешность могла здорово измениться.

Сьюгар печально дотронулся до собственного лица:

— Угу, вероятно.

Майлз с трудом поднялся на ноги. Без одежды тут было довольно прохладно, и он уже начал покрываться гусиной кожей. Любопытно, какой предмет своего туалета он бы предпочел сохранить, если бы была такая возможность, — брюки, чтобы прикрыть срам, или рубашку, чтобы спрятать кривую спину? К черту! Некогда. Майлз протянул руку, чтобы помочь Сьюгару встать.

— Пошли.

Сьюгар посмотрел на него, не трогаясь с места.

— Новичка сразу видно. Вы все еще спешите. А здесь отвыкаешь от торопливости. Мозги замедляются...

— В вашем Писании по этому поводу что-нибудь сказано? — нетерпеливо осведомился Майлз.

— ...поэтому они поднялись туда с великой ловкостью и быстротой, хотя основание, на котором покоился город...

Между бровями Сьюгара залегли морщины, и он задумался.

Обреченно вздохнув, Майлз силой поднял пророка с земли.

— Ну, пошли.

Ни ловкости, ни быстроты, но по крайней мере движение. Шаркая ногами, Сьюгар вел Майлза через лагерь, проходя сквозь какие-то группы, обходя далеко стороной другие. Майлз снова увидел издали суровых братцев, сидевших на своей коллекции циновок. В среднем каждый клан включал от двенадцати до пятнадцати человек. Некоторые сидели по двое-трое, иные — поодиночке, как можно дальше от остальных (все равно это было

недалеко).

Но самая многочисленная группировка состояла исключительно из женщин. Как только Майлз оценил размер их немаркированной территории, в нем проснулся исследовательский интерес. Женщин было по крайней мере несколько сот, и у всех были циновки, хотя некоторые пользовались одной на двоих. Граница охранялась: вдоль нее неспешно прогуливалось несколько решительного вида дам.

— Расскажите мне о женщинах, Сьюгар, — попросил Майлз своего спутника, кивая в сторону охраняемой территории.

Тот сардонически ухмыльнулся.

— Забудьте о женщинах. Они не дают.

— Как, совсем? Ни одна? Я хочу сказать, вот мы тут все собраны в кучу, и дела никакого, только развлекать друг друга. Казалось бы, идеальные условия для всяческого флирта...

Мысли его понеслись галопом, подгоняемые неприятными образами. Что же здесь творилось?

Вместо ответа Сьюгар указал вверх, на купол.

— Разве вы знаете, что за нами наблюдают? Они могут видеть все, слышать любое наше слово. Конечно, если там еще кто-нибудь остался. Может, все давно ушли и просто забыли отключить купол. Мне иногда снится такое. Мне снится, что я навсегда попал сюда, под этот купол. Потом просыпаюсь — а я и вправду под этим куполом... Иногда и сам не пойму, проснулся я или еще сплю. Только вот еду по-прежнему дают, и изредка — теперь уже совсем нечасто — появляется кто-то новый, вроде вас. Хотя, наверное, еду могут подавать автоматически. А вы мне снитесь...

— Они по-прежнему там, — мрачно сказал Майлз.

Сьюгар вздохнул:

— Знаете, я почти рад это слышать.

Наблюдают, да. Майлзу все известно о наблюдении. Он подавил желание замахать рукой и крикнуть: «Привет, мамочка!» Этим олухам наверняка ужасно надоело следить за пленными. Эх, если бы они перемерли от скуки!

— Но какое отношение это имеет к женщинам?

— Ну, поначалу всех это останавливало, — и Сьюгар снова указал вверх. — Однако со временем мы обнаружили, что цетагандийцы ни во что не вмешиваются. Совсем ни во что. Было несколько изнасилований... А потом все пошло еще хуже.

— Гм... Значит, идея начать заваруху и вырваться из-под купола в тот момент, когда они вводят внутрь войска, не пройдет?

— Один раз это попробовали, очень давно. Не знаю, когда именно. — Сьюгар закрутил свой клочок бороды. — Им не нужно заходить внутрь, чтобы подавить мятеж. Они могут просто уменьшить диаметр купола... В тот раз они уменьшили его примерно до ста метров. Ничто не может помешать им уменьшить его до одного метра, оставив нас внутри, — если им вздумается. В общем, это всех утомонило. Или возьмут да и уменьшат проницаемость купола до нуля, чтобы мы постепенно надышались тут до обморока. Такое было два раза.

— Понятно, — отозвался Майлз.

По коже у него поползли мурашки.

В сотне метров от них на внутренней стороне купола начал расти пузырь — словно волдырь на обожженной коже. Майлз тронул за руку своего спутника:

— Что там происходит? Доставили еще пленных?

Сьюгар обернулся.

— Ох! Мы оказались здесь в неудачном месте.

Он на мгновение замер, не зная, что предпринять, а по лагерю тем временем распространялась волна движения, начиная от пузыря и до самых дальних секторов. Люди начали вставать, и все лица обращались к выпуклости на куполе. Многие побежали. Майлз посмотрел на женщин и увидел, что примерно половина из них стала быстро строиться в

некое подобие клина.

— Впрочем, мы довольно близко... — рассуждал Сьюгар. — Какого черта, может, у нас есть шанс. Вперед!

Он бросился к пузырю на своей самой большой скорости — рысцой. Майлз затрусил следом, стараясь не слишком растряссти свои ребра. Но он очень быстро запыхался, и усиленное дыхание вызвало новый приступ мучительной боли.

— Что мы делаем... — начал было он, но в этот миг пузырь силового поля беззвучно лопнул, и Майлз наконец понял смысл происходящего.

У мерцающей стены лежала теперь темно-коричневая горка, примерно метр высотой, два метра длиной и три метра шириной. Майлз узнал стандартные плитки дневного рациона, по пятнадцать сотен калорий в каждой. Двадцать пять граммов белка, пятьдесят процентов суточной нормы витаминов А, В, С (и дальше по алфавиту), а на вкус — как булыжник, посыпанный сахаром. Обеспечивают жизнь, пока вы сможете заставить себя их есть.

«Не объявить ли нам викторину: угадайте, детки, сколько плиток в этой куче? — подумал Майлз. — Впрочем, викторина ни к чему; их обязательно должно быть ровно 10215, не больше и не меньше. Как хитроумно».

У психологов цетагандийцев поистине светлые головы. Интересно, что с ними делать, если они когда-нибудь попадут к нему в руки: перевербовать или уничтожить? Но сладкие мечты тут же развеялись перед лицом более насущной задачи — устоять на ногах, когда примерно десять тысяч человек, за исключением доходяг, уже неспособных двигаться, ринулись вперед, норовя свалиться на одни и те же три квадратных метра лагеря.

Первые спринтеры достигли кучи, схватили охапки плиток и кинулись наутек. Некоторые успели добраться до своих друзей, разделили добычу и двинулись в сторону от растущего водоворота. Других атаковали разбойничьи шайки, вроде команды суровых братьев-крепких, и силой лишили добытого. Те из плитковладельцев, кому не удалось вовремя отскочить, оказались прижаты к краю купола телами второй волны бегунов.

Майлз и Сьюгар были в числе этих неудачников. Все вокруг мгновенно заслонили потные, пихающиеся, вонючие локти, груди и спины.

— Ешьте, ешьте, — торопил его Сьюгар, уже успевший набить рот. В следующую секунду их растащило в разные стороны. Драгоценную плитку, которую изловчился схватить Майлз, вырвали у него из рук прежде, чем он успел опомниться и последовать совету Сьюгара. Он даже не особенно огорчился — голод не шел в сравнение со страхом быть раздавленным или затоптанным насмерть. Его собственные ноги топтали что-то мягкое, но Майлз не мог оттолкнуться с достаточной силой, чтобы дать упавшему (мужчине, женщине — кто знает?) возможность подняться.

Через какое-то время давка уменьшилась, и Майлза вынесло на край толпы. Он вырвался на свободу, отошел, шатаясь, и тяжело сел на землю — потрясенный, дрожащий, бледный. Прошло не меньше часа, прежде чем он сумел овладеть собой.

В эти ужасные минуты едва не выплеснулся наружу его главный, непобедимый, глубоко укоренившийся страх — боязнь умереть, так и не увидев лица противника. Но, кажется, на сей раз все обошлось, и даже без новых переломов. Может, только в левой ступне? Насчет левой ступни Майлз был не совсем уверен. Тот слон, который на него наступил, наверняка получает больше плиток, чем ему причиталось бы по справедливости.

«Ладно, — решил наконец Майлз. — На разведку и рекогносцировку потрачено достаточно времени. Вставай, солдат. Пора найти полковника Тремонта».

Гай Тремонт, герой обороны Фэллоу-Кор. Он держался и не сдавал крепость, даже когда убили Бэнери, даже когда эвакуировался генерал Сян.

Сян хотел вернуться, но попал в мясорубку на станции Васильева. Командование обещало подмогу, но штаб и космопорт были захвачены цетагандийцами.

К этому моменту Тремонт и его войска уже остались без связи. И все равно ждали и надеялись. В конце концов у них остались только надежда и камни. Камни не лежали без

дела — их клали в суп, их швыряли во врага. И наконец Фэллоу-Кор был взят. Не сдался! Был взят.

Майлзу очень хотелось увидеть Гая Тремонта.

Встав на ноги и осмотревшись, Майлз увидел вдали прихрамывающее чучело, которое какая-то группа отгоняла комьями грязи. Сьюгар остановился вне досягаемости земляных снарядов; он по-прежнему указывал на закрученную на запястье тряпку и что-то объяснял. Трое или четверо из слушателей прекратили бомбардировку и в качестве намека повернулись спиной к проповеднику.

— Эй, Сьюгар! — окликнул Майлз и замахал рукой.

— А, вот вы где! — обрадовался Сьюгар. — Я вас потерял. — Он стряхнул с бровей грязь. — Никто не хочет слушать, понимаете?

— Наверное, большинство уже выслушало вас хоть разок?

— Может, и двадцать раз. Но мне все кажется — а вдруг я кого-то пропустил? Может, того самого. Второго.

— Ну, я буду рад вас послушать, но сначала мне надо найти полковника Тремонта. Вы сказали, что кого-то знаете...

— А, правильно. Вон там.

Сьюгар снова повел его.

— Спасибо. Скажите, что, у вас всегда бывает такая свалка?

— Более или менее.

— А что мешает какому-нибудь клану просто захватить этот сектор купола?

— Пищу никогда не дают в одном и том же месте. Они передвигают место раздачи по окружности. Одно время много обсуждали стратегию: лучше ли быть в центре, чтобы всегда оставалось пробежать не больше одного радиуса, или на краю, чтобы хоть иногда поспевать первым. Некоторые парни даже делали математические расчеты: вероятности и все такое прочее...

— А вы как предпочитаете?

— О, у меня нет постоянного места, так что надеюсь на удачу. — И Сьюгар опять прикоснулся к своей тряпке. — Да и вообще, это не самое важное. Но все же приятно было сегодня поесть. Когда бы оно ни было, это сегодня.

— Сегодня второе ноября 97 года по общечеловеческому летосчислению.

— Всего-то? — Сьюгар расправил свою прядь и скосил глаза, пытаясь ее разглядеть. — Я думал, что нахожусь здесь гораздо дольше. А выходит, что и трех лет не прошло!

— М-м, — отозвался Майлз. — Значит, плитки рационов всегда дают такой кучей, а?

— Угу.

— Чертовски хитро.

— Да уж, — вздохнул Сьюгар.

Но этот вздох скрывал ярость, о которой говорили его сжавшиеся кулаки.

«А мой безумец не так уж и прост...»

— Ну вот мы и пришли, — добавил Сьюгар.

Они остановились возле «участка», обозначенного пятью-шестью положенными кругом циновками. Один из лежащих сердито нахмурился.

— Убирайся, Сьюгар. У меня нет настроения слушать твои проповеди.

— Это полковник? — прошептал Майлз.

— Не-а, его зовут Оливер. Когда-то, еще до лагеря, я был с ним знаком. И он был в Фэллоу-Кор, — тоже шепотом ответил Сьюгар. — Он может отвести вас к полковнику.

Сьюгар подтолкнул Майлза вперед:

— Это Майлз. Он новенький. Хочет с вами поговорить.

Сам он отошел подальше, и Майлз понял, что таким образом Сьюгар пытается ему помочь. Похоже, пророк знает о своей непопулярности.

Майлз рассматривал очередное звено цепочки. Оливеру удалось сохранить в целости свою серую пижаму, циновку и чашку, что снова напомнило Майлзу о его собственной

нагоде. С другой стороны, похоже, у Оливера не было нечестно добытых излишков имущества. Да, этот парень такой же здоровяк, как и суровые братцы, но в остальном он им не чета. Это утешало, хотя самому Майлзу уже можно было и не опасаться грабежа.

Оливер неприветливо взглянул на гостя, но потом вроде бы смягчился.

— Чего надо? — проворчал он.

— Я ищу полковника Гая Тремонта.

— Здесь нет полковников, парень.

— Он двоюродный брат моей матери. Никто из родных... вообще никто ничего не слышал о нем после падения Фэллоу-Кор. Я... не из тех частей, личный состав которых попал сюда. Полковник Тремонт единственный, о ком я хоть что-то знаю.

Майлз сжал руки и постарался выглядеть понесчастнее. А терзавшее его вполне реальное беспокойство помогло ему принять особенно жалостный вид.

— Да и жив ли он еще?

Оливер нахмурился.

— Родственник, да? — Толстым пальцем он поскреб себе нос. — Наверное, у тебя есть право с ним встретиться. Но это тебе ничего не даст, парень, если ты на что-то надеялся.

— Я... — Майлз тряхнул головой. — Я просто хочу знать.

— Ну тогда пошли.

Кряхтя, Оливер встал и побрел куда-то, не оглядываясь. Майлз пошел за ним.

— Вы ведете меня к полковнику?

Оливер ничего не ответил, но в этом не было надобности — путешествие закончилось всего в нескольких десятках метров от пункта отправления, среди другой группы циновок. Кто-то чертыхнулся, кто-то сплюнул. Большинство не обратили на них никакого внимания.

Одна циновка располагалась на отшибе, достаточно далеко, чтобы считаться отдельной. На ней, свернувшись калачиком, лежал спиной к ним какой-то человек. Оливер молча постоял, уперев свои огромные кулаки в бока и не отрывая глаз от лежащего.

— Это полковник? — нетерпеливо спросил Майлз.

— Нет, парень. — Оливер закусил нижнюю губу. — Только его останки.

Встревоженный Майлз опустился на колени и с облегчением убедился, что сказанное всего лишь метафора. Человек дышал.

— Полковник Тремонт? Сэр?

У Майлза снова оборвалось сердце. Он понял: дыхание — это единственное, на что еще способен полковник. Тремонт лежал неподвижно, глядя куда-то вдаль широко открытыми невидящими глазами. Посетители его не заинтересовали — он на них даже не взглянул. Полковник исхудал даже сильнее, чем Сьюгар. Майлз с большим трудом узнал его черты, хотя и видел их на фотографиях. Это были развалины прежнего лица — словно разрушенные укрепления Фэллоу-Кор. Требовалось чуть ли не умение археолога, чтобы установить личность этого человека.

Тремонт был одет, и у его головы стояла чашка, но земля вокруг циновки превратилась в пропитанную мочой грязь. На локтях Тремонта виднелись лиловые пятна пролежней. Влажное пятно на серой ткани брюк подсказывало, что там скрываются более серьезные и неприятные болячки.

И все же было очевидно, что за полковником кто-то ухаживает, иначе он был бы в еще худшем состоянии.

Оливер опустился на колени рядом с Майлзом, хлопнув при этом ступнями по зловонной жиже, и вытащил из-под резинки штанов полплитки рациона. Отломив кусочек, он размял его и просунул Тремонту в рот.

— Ешь, — прошептал Оливер.

Губы чуть заметно шевельнулись. Крошки просыпались на циновку. Оливер сделал еще одну попытку, потом вдруг вспомнил про наблюдающего за ним Майлза и, что-то неразборчиво проворчав, спрятал плитку обратно.

— Его... его ранило при штурме Фэллоу-Кор? — спросил Майлз. — В голову?

Оливер покачал головой:

— Фэллоу-Кор не штурмовали, парень.

— Но крепость пала шестого октября, так сообщалось, и...

— Не шестого, а пятого. Фэллоу-Кор предали.

Оливер отвернулся и быстро ушел, видимо, боясь, что на его суровом лице отразятся какие-нибудь чувства.

А Майлз остался стоять на коленях в грязи.

Вот оно как, значит...

Можно считать, что розыски окончены?

Ему всегда легче думалось на ходу, но отдавленная нога требовала покоя. Он отковылял в сторону, стараясь не зайти ненароком на территорию какой-нибудь группы, и сел, а потом лег на землю, заложив руки за голову и глядя на опалесцирующий купол.

Майлз перебрал все возможные варианты: первый, второй, третий. Он обдумал их очень тщательно, но времени на это ушло совсем немного.

«Ты ведь, кажется, расстался с привычкой делить человечество на героев и злодеев?» — напомнил он себе. Майлз был уверен, что, входя сюда, надежно заблокировал все свои чувства, но теперь он ощутил, как его тщательно взлелеянное равнодушие уходит. Он начал ненавидеть купол как некое существо, личного врага. В эстетическом изяществе этой нематериальной скорлупы, в непогрешимом единстве ее формы и функции крылось что-то оскорбительное. Чудо физики, превращенное в орудие пытки.

Изощренной пытки... Майлз припомнил параграфы Межзвездной Конвенции относительно обращения с военнопленными, подписанной цетагандийцами. Столько-то квадратных метров на человека — да, им это, несомненно, предоставлено. Ни один пленный не может быть подвергнут одиночному заключению на срок, превышающий сутки, — правильно, здесь нет одиночества, здесь можно уединиться только в безумии. Периоды затемнения не должны превышать двенадцати часов — запросто: вообще никакого затемнения, вместо этого — вечный полдень. Никаких избиений — действительно, охранники могут правдиво заявить, что ни разу даже пальцем не прикоснулись к пленным. Они просто наблюдали, как пленные сами избивают друг друга. Точно так же обстоит дело и с сексуальными притязаниями.

А каких богатых результатов им удалось добиться, применив этот трюк с раздачей пищи! Да, свалка у плиток — это особо изощренный ход. Никто не в силах уклониться от нее (Майлз потер урчащий от голода желудок). А спровоцировать начальную неразбериху проще простого — однажды прислать «по ошибке» чуть меньше плиток. Хотя это и не обязательно — первый же человек, схвативший две порции вместо одной, оставил другого без еды. В следующий раз потерпевший возьмет три, чтобы компенсировать потерю — и нехватка разрастается, как снежный ком, подрубив в корне всякую надежду на порядок, натравив группу на группу, человека на человека в мерзкой свалке, дважды в день напоминающей всем об их бессилии и униженности.

Никакого принудительного труда — ха, еще бы! Тогда потребовалось бы навести порядок. Доступность медицинского персонала? Правильно, здесь должны быть пленные врачи. Майлз снова вызвал в памяти точную формулировку этого пункта. Господи, неужели там действительно сказано «медицинского персонала»? Не медицинской помощи, а только медицинского персонала. Беспомощных, голых докторов и медтехников. Он невесело усмехнулся. Точные списки пленных были переданы посредникам — все как положено, в установленные сроки. Но никакой другой связи...

Отсутствие сведений из внешнего мира может свести с ума кого угодно. Это еще хуже бесплодной молитвы, когда говоришь с Богом, который тебе не отвечает. Неудивительно, что у всех у них тут понемногу развивается солипсическая шизофрения. Майлз чувствовал, что и его начинают одолевать сомнения. В самом деле, есть ли кто-то там, снаружи?

В условиях информационного голода спасти человека может только вера... Правая

рука сжалась, словно расплющивая скорлупу.

— Сложившаяся ситуация, — произнес Майлз вслух, — требует радикального пересмотра всех планов.

Он заставил себя встать и отправился искать Сьюгара.

Проповедник оказался неподалеку: сидел на земле и что-то рисовал. Он поднял голову и приветливо улыбнулся:

— Оливер отвел вас к вашему родственнику?

— Да, но я опоздал. Он умирает.

— Угу... Этого-то я и опасался. Мне очень жаль.

— Мне тоже. — Любопытство заставило Майлза на секунду забыть о своей цели. — Сьюгар, а что они здесь делают с телами умерших?

— У одной из стенок купола есть что-то вроде свалки. Время от времени стена вроде как вытягивается и все слизывает — так же, как доставляют еду и новых пленных. Когда труп распухает и начинает вонять, кто-нибудь отволакивает его туда. Иногда это делаю я.

— Наверное, сбежать этим путем невозможно?

— Они сжигают все микроволнами еще до того, как открывают проход.

— А! — Майлз сделал глубокий вдох и решился. — Сьюгар, я понял. Я действительно Один-из-Двух.

Сьюгар безмятежно кивнул:

— Я сразу догадался.

Майлз изумленно замолчал. И это все? Он ожидал большего энтузиазма.

— Мне было откровение! — торжественно объявил он, решив все же не отступать от своего сценария.

— О? — теперь Сьюгар явно заинтересовался. — У меня никогда не было откровений, — завистливо добавил он. — Пришлось самому до всего доходить, так сказать, из контекста. На что это похоже? Вроде транса?

«Проклятие, а я-то думал, что ему не в диковинку беседовать с феями и ангелами!» — Майлз пошел на попятную.

— Нет, это как мысль, только гораздо сильнее. Овладевает всей вашей волей... Обжигает, как страсть, но только не так легко удовлетворяется. Это не похоже на транс, потому что ведет наружу, а не вовнутрь.

Он осекся, смутившись, потому что сказанное было куда ближе к правде, чем ему хотелось.

А Сьюгар, наоборот, приободрился.

— О, хорошо. А то уж я было испугался — вдруг вы из тех, кто начинает разговаривать с теми, кого другим не видно.

Майлз невольно глянул вверх, но тут же снова опустил глаза.

— ...Так это, стало быть, откровения... Ну, такое я тоже ощущал.

— А вы сами не поняли, что это? — невозмутимо спросил Майлз.

— Не понял... Очень неловко быть избранным. Я долго пытался от этого увильнуть. Но Господь сам находит способ справиться с уклоняющимися от призыва.

— Вы слишком скромны, Сьюгар. Вы верили в свое Писание, но не верили в себя. Разве вы не знаете, что, получая назначение, получаешь и силы его выполнить?

Сьюгар удовлетворенно вздохнул.

— Я знал, что это дело для двоих. Так и сказано в Писании.

— Угу, да. Так теперь нас двое. Но надо, чтобы нас стало больше. Наверное, нам следует начать с ваших друзей.

— Это не займет много времени, — горьковато отозвался Сьюгар. — Ну а если с ними у нас ничего не выйдет?

— Тогда мы начнем с ваших врагов. Или шапочных знакомых. Мы начнем с первого встречного-поперечного. Не важно, где мы начнем, потому что я намерен в конце концов получить их всех. Всех до самого разнаипоследнего. — Тут на память Майлзу пришла

особенно подходящая цитата, и он энергично провозгласил: — Имеющий уши да услышит!

С этими словами Майлз вознес — про себя — настоящую молитву и заставил Сьюгара встать.

— Идем проповедовать язычникам.

Сьюгар вдруг расхохотался:

— Я когда-то знал одного боксера, который точно таким же тоном говорил: «Пойдем накидаем пачек какому-нибудь дураку».

— Без этого тоже не обойдется, — вздохнул Майлз. — Понимаешь, всеобщая принадлежность к нашей пастве вряд ли будет целиком добровольной. Но набор предоставь мне, слышишь?

Сьюгар разгладил свой клочок бороды, и в глазах его мелькнули веселые искорки:

— Значит, вы бывший клерк, а?

— Точно.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Они начали с Оливера.

Майлз взмахнул рукой:

— Можно войти в ваш кабинет?

Оливер потер нос тыльной стороной ладони и фыркнул:

— Позволь дать тебе совет, парень. Как клоун ты здесь не приживешься. Все мыслимые шутки уже заезжены до смерти. Даже черные.

— Прекрасно.

Он сел на землю — неподалеку от Оливера, но все же не слишком близко. Сьюгар пристроился у Майлза за плечом, готовый ретироваться, как только возникнет необходимость.

— Раз мои шутки вам не по душе, то я буду говорить прямо. Мне не нравится, как тут все устроено.

Оливер насмешливо скривил губы, но вслух ничего не сказал. Этого и не требовалось.

— Я собираюсь все изменить, — продолжал Майлз.

— Чуть собачья, — отозвался Оливер, укладываясь на спину.

— Начиная отсюда и с этой минуты.

Немного помолчав, Оливер произнес:

— Убирайся, или я тебя поколочу.

Сьюгар уже начал вставать, но Майлз жестом вернул его на место.

— Он был в Четырнадцатом, — озабоченно прошептал Сьюгар. — Он вас пополам переломит.

— Девять десятых обитателей лагеря, включая девушек, могут переломить меня пополам, — шепотом ответил Майлз. — Этот довод не актуален.

Наклонившись, он схватил Оливера за подбородок и повернул лицом к себе. Сьюгар беззвучно ахнул, потрясенный столь рискованной манерой привлечь внимание слушателя.

— Вот что я скажу вам насчет цинизма, сержант: это самая бессильная мораль на свете. Но зато какая удобная! Убеди себя, что барахтаться бесполезно, — и можно со спокойной душой сидеть по уши в дерьме и ничего не делать.

Оливер отбросил руку Майлза, но не ударил его и не отвернулся. В глазах его полыхала ярость.

— Это Сьюгар тебе сказал, что я сержант?

— Нет, это у тебя на лбу написано кровавыми буквами. Послушай-ка меня, друг...

Оливер перекатился на живот и привстал, упираясь в циновку костяшками пальцев. Сьюгар вздрогнул.

— Это ты слушай, мутантишка, — прорычал бывший сержант. — Мы уже все

пробовали. Устраивали учения, игры, жили по правилам, качали мускулы — только вот душа тут нет. Мы устраивали фестивали и ставили спектакли. Мы пробовали силу и хорошенько повоевали друг с другом. А потом занимались грехом, сексом и садизмом, пока не затощило. Мы все попробовали не меньше десяти раз. Ты что, думаешь, ты тут первый реформатор?

— Нет, Оливер. — Майлз наклонился совсем близко, и голос его упал до шепота. — Я уверен, что я — последний.

Оливер на миг опешил, потом рассмеялся:

— Господи, наконец-то Сьюгар нашел себе пару. Двое психов, как и сказано в его Писании.

Майлз пропустил эту реплику мимо ушей и постарался сесть как можно прямее.

— Прочти мне свое Писание еще раз, Сьюгар. Целиком.

Он закрыл глаза, чтобы получше сосредоточиться и не отвлекаться на пикировку со скептиком-сержантом.

Сьюгар нервно пошуршал рядом, откашлялся и начал:

— Для тех, кто станет наследниками спасения. Так они и направились к вратам. Теперь ты должен запомнить, что город стоял на огромной горе, но пилигримы поднялись на эту гору легко, потому что их вели за руки те двое. К тому же они оставили свою смертную одежду позади, в реке: хоть они и пришли в одеждах, но вышли нагими. Поэтому они поднялись туда с великой ловкостью и быстротой, хотя основание, на котором покоился город, поднималось выше облаков. Потом они проследовали через воздушные области... — Сьюгар умолк, затем добавил извиняющимся тоном: — Тут оно заканчивается. Я оторвал страницу. Не понимаю, что это может означать.

— Наверное, то, что дальше вы должны додумать сами, — подсказал Майлз, снова открывая глаза.

Так вот тот материал, из которого ему предстоит строить. Не блещет разнообразием, но по смыслу подходит. Что ж, сгодится и такой. А последняя фраза вообще потрясла его, обдав холодом. Ну, так тому и быть. Вперед!

— Теперь понимаешь, Оливер? Вот это я и предлагаю. Единственную надежду, ради которой стоит дышать. Спасение для всех.

— Возвышенно до чертиков! — с издевкой отозвался Оливер.

— Именно этого мне и надо! Чтобы вы все возвысились. И учти, Оливер: я — фундаменталист. Я понимаю мое писание очень, ну, очень буквально.

Здоровяк открыл было рот, потом закрыл, так ничего и не сказав.

«Наконец-то заинтересовался, — мысленно вздохнул Майлз. — Можно считать, контакт установлен».

Через какое-то время Оливер проговорил:

— Необходимо чудо, чтобы всех переделать.

— Это не теология для избранных. Я намерен проповедовать массам. Даже, — Майлз начал входить во вкус, — закоренелым грешникам. Небеса открыты для всех, но приблизиться к ним можно лишь собственными усилиями. Мы не несем чудо в карманах...

— Уж ты-то точно... — пробормотал Оливер, бросив взгляд на голого Майлза.

— ...мы можем только молиться и готовить себя к лучшему миру. Но чудеса случаются только с подготовленными. Ты подготовлен, Оливер?

Майлз подался вперед, и голос его зазвенел. А Оливер пришел в такое замешательство, что даже обратился за подтверждением к Сьюгару:

— Этот тип действительно такой?

— Он думает, что притворяется, — хладнокровно ответил лагерный пророк, — но на самом деле говорит правду. Это действительно Один-из-Двух, никакого сомнения.

Черт подери, неужели он о чем-то догадывается? Майлз решил, что иметь дело со Сьюгаром все равно что фехтовать в зеркальном зале — нипочем не разберешь, где живой противник, а где его отражение.

Оливер почесал в затылке. На его лице попеременно отражались раздражение, вера и сомнение.

— Как же мы спасемся, эй ты, благочинный?

— Зови меня брат Майлз. Да. Скажи, сколько новообращенных ты можешь привести к нам своим личным авторитетом? Ничем не подкрепленным?

Оливер задумался.

— Дай только им надежду, и они пойдут за тобой куда угодно.

— Ну... спасение-то, конечно, будет даровано всем, однако существуют определенные временные ограничения. Поэтому и нужны посредники между Господом и паствой. Я хочу сказать: блаженные те, кто не видел, но уверовал.

— Это точно, — согласился Оливер. — Но если твоя религия не сумеет сотворить чудо, то наверняка последует жертвоприношение.

— Э-э... вот именно, — выдавил Майлз. — Ты на редкость проницателен.

— Это не проницательность, — сказал Оливер, — а просто обещание.

— Да, ну так вот... гм, возвращаясь к моему вопросу. Сколько последователей ты сможешь привести? Я веду речь о плоти, а не о духе.

Оливер нахмурился.

— Наверное, человек двадцать.

— А кто-нибудь из них сможет привести других? Убедить еще кого-то?

— Ну, допустим...

— Тогда сделай их своими капралами. По-моему, нам лучше забыть о прежних чинах. Назовемся... э-э... Армией возрождения. Или нет — Армией реформации! Да, это звучит лучше. Мы реформируемся, словно гусеница в куколке, а в итоге превратимся в бабочку и улетим.

— А что за реформы ты планируешь?

— Пока только одну: еду для всех.

Оливер кинул на него недоверчивый взгляд:

— А ты уверен, что не блефуешь в расчете подкормиться за чужой счет?

— По правде говоря, я действительно проголодался... — Оливер встретил этот намек ледяным молчанием, и Майлз поспешно сменил тему. — Но то же чувствует еще множество людей. К завтрашнему дню мы их всех будем кормить с рук.

— Когда тебе понадобятся эти двадцать?

— К следующему сигналу раздачи еды.

— Так скоро?

— Видишь ли, Оливер, здесь всем нам специально внушается мысль, будто спешить абсолютно некуда. Спротивляйтесь ей, ибо это ложь.

— Да, уж ты не мешкаешь.

— А я тебя не к зубному врачу тащу. Кроме того, я вдвое легче, поэтому мне и приходится двигаться в два раза быстрее, чтобы у меня был такой же момент инерции. Итак, к следующей раздаче.

— И что, по-твоему, ты сможешь сделать с двадцатью парнями?

— Мы захватим штабель плиток...

Оливер с отвращением скривился.

— Это с двадцатью-то? Никогда. Кроме того, это уже пробовали. Я же говорил тебе: здесь была настоящая война. И сегодня получится просто крепкая потасовка.

— ...а когда захватим, то перераспределим их. Честно и справедливо, по одной порции на рыло, как положено. Праведникам, грешникам и всем прочим. К следующему сигналу все, кто голодал, будут уже за нас. И тогда мы сможем заняться перевоспитанием.

— Ты просто псих. Ты ничего не сможешь. С двумя-то десятками!

— Разве я говорил, что у нас будет только двадцать человек? Сьюгар, я это говорил?

Внимательно слушавший проповедник покачал головой.

— Ну, я не собираюсь высываться и лезть в драку, если ты не предоставишь мне

каких-нибудь видимых средств поддержки, — заявил Оливер. — Это может погубить нас.

— Будет сделано, — опрометчиво пообещал Майлз. С чего-то ведь надо начинать. — К сигналу я выведу пятьдесят бойцов. За святое дело!

— Сделай, и я пройду вокруг всего лагеря на руках и голый, — отозвался Оливер.

Майлз усмехнулся:

— Смотри, сержант, поймаю на слове. Двадцать с лишним. К следующей раздаче. — Майлз встал. — Пошли, Сьюгар.

Первая победа была одержана, и новоявленные миссионеры отступили в полном боевом порядке. Оглянувшись, Майлз увидел, что Оливер встал и, помахав кому-то знакомому, направился к группе циновок неподалеку от своей.

— Так откуда же мы возьмем к следующему сигналу пятьдесят бойцов? — спросил Сьюгар. — Должен предупредить вас: Оливер — лучший из моих знакомых. С другими наверняка будет труднее.

— Что? — изумился Майлз. — Ваша вера уже колеблется?

— Я верую, — смущенно сказал Сьюгар. — Я просто не понимаю. Может, это и значит, что я блаженный?

— Удивительно. Я полагал, что все достаточно очевидно. Вон они, наши бойцы, — и Майлз указал на другую сторону лагеря, где пролежала невидимая граница территории женщин.

— Ох! — Сьюгар остановился как вкопанный. — Нет, Майлз, боюсь, что на этот раз вы ошибаетесь.

— Пошли.

— Вам туда не попасть без операции по перемене пола.

— Что, невзирая на Божью волю, вы не стали проповедовать им свое Писание?

— Пытался, но был избит. После этого обращался к другим.

Майлз поджал губы и взгляделся в Сьюгара.

— А точно ли дело только в неудачах? Не стыд ли подточил вашу обычную решимость? Вам надо что-то загладить в этом отношении?

Сьюгар покачал головой:

— Лично мне нет. Если не считать греха бездействия.

Слава Богу, Сьюгар не насильник. Майлз еще раз осмотрелся, как бы пытаясь заново оценить всю лагерную обстановку в целом.

— Да... Давление хищников создает психологию стада. И приходится заключить, что давление достаточно сильное, раз удерживает вместе коллектив такого размера. Но никаких инцидентов со времени моего появления здесь я не заметил...

— Они то есть, то нет, — пояснил Сьюгар. — Фазы луны или еще что...

Лунные фазы, точно. Майлз в душе возблагодарил богов (если они есть) за то, что цетагандийцы, похоже, имплантировали всем пленным женщинам какой-то регулярно действующий противозачаточный препарат. Да будет благословенен тот неизвестный, который включил этот пункт в правила Международной Конвенции. Хотя... Возможно, присутствие среди пленных беременных, младенцев и детей могло бы оказаться еще одним дестабилизирующим фактором. Или, наоборот, стабилизирующим... М-да, все же хорошо, что этот вопрос так и не вышел из теоретической плоскости.

— Ну... — Он сделал глубокий вдох и агрессивно надвинул на лоб воображаемую шляпу. — Я новенький и потому временно не смущаюсь. Пусть тот из нас, кто без греха, бросит первую приманку. Кроме того, для таких переговоров у меня есть еще одно преимущество — сразу видно, что я ни для кого не представляю угрозы.

Он двинулся вперед.

— Я подожду вас здесь, — услужливо пообещал Сьюгар и уселся на землю.

Майлз так рассчитал маршрут, чтобы встретиться с патрулем из шести женщин, обходивших свою территорию. Он расположился перед ними, сдернул воображаемую шляпу

и стратегически прикрыл ею то место, которое не принято показывать в обществе.

— Добрый день, дамы. Позвольте извиниться за мой внешний ви...

Его галантная фраза была прервана самым неделикатным образом: в рот набилась грязь, ноги дернулись назад, а плечи — вперед... Четыре женщины аккуратно бросили Майлза лицом вниз. И не успел он отплеваться, как его подхватили и начали раскачивать, держа за руки и за ноги. На негромкий счет «три» он взлетел в воздух и шмякнулся неподалеку от Сьюгара. Патрульные двинулись дальше, не сказав ни слова.

— Ну, что я вам говорил? — спросил Сьюгар.

Майлз повернул голову и посмотрел на него:

— Вы заранее вычислили мою траекторию?

— Вроде того, — согласился Сьюгар. — Я прикинул, что они смогут зашвырнуть вас гораздо дальше обычного. Из-за вашего роста.

Майлз с трудом сел, пытаясь отдышаться. Черт подери эти ребра: они уже начали проходить, а теперь опять каждый вздох болью опоясывает грудь. Через несколько минут он встал и отряхнулся, а потом, словно опомнившись, поднял свою невидимую шляпу. При этом у него потемнело в глазах, так что ему пришлось постоять, упираясь руками в колени.

— Ну ладно, — пробормотал он, — возвращаемся.

— Майлз...

— Это необходимо, Сьюгар. Другого выхода нет. Да и вообще, когда я начинаю, то уже не могу отступить. Мне говорили, что я патологически упрям. Я просто не способен отступить.

Сьюгар, кажется, собирался выдвинуть какое-то возражение, но раздумал.

— Хорошо, — только и сказал он. — Я буду ждать, пока вы меня не позовете.

И погрузился то ли в воспоминания, то ли в медитацию, то ли в дремоту.

Вторая попытка Майлза закончилась точно так же, как и первая, — разве что траектория была, возможно, немного длиннее и круче. Третья попытка была подобна второй, но полет закончился гораздо быстрее.

— Отлично, — пробормотал Майлз, вставая. — Похоже, они выдыхаются.

На этот раз он запрыгал параллельно патрулю — вне досягаемости, но в пределах слышимости.

— Послушайте, — пропыхтел он, — вам незачем тратить столько сил. Давайте я вам помогу. У меня врожденное заболевание костей: я не мутант, знаете ли, мои гены в порядке, а уродился я таким потому, что моя мать во время беременности подверглась действию яда. Так что моя хворь не наследуема и не окажет влияния на детей, которых я мог бы иметь. Я всегда считал, что добиться свидания проще, если сразу внести ясность в этот вопрос: я не мутант... Короче, кости у меня такие хрупкие, что любая из вас без труда их все переломает. Вы, может, удивляетесь, зачем я вам это говорю... Правду сказать, я не люблю это афишировать... Вы должны остановиться и поговорить со мной. Я же вам не угрожаю... Разве я похож на угрозу?.. Может, я и бросаю вам вызов, но не угрожаю... Вы что, собираетесь тащить меня за собой вокруг всего лагеря? Притормозите, ради Бога...

Майлз почувствовал, что еще немного — и он настолько запыхается, что лишится своего главного оружия — речи. Он бросился женщинам наперерез и встал у них на пути, раскинув руки.

— ...если вы собираетесь переломать мне кости, пожалуйста, принимайтесь за дело и кончайте с этим поскорее, потому что я все равно буду возвращаться сюда, пока смогу двигаться.

Повинуясь незаметному жесту предводительницы, патрульные остановились.

— Давайте так и сделаем, — предложила высокая рыжеволосая женщина. Щетка ее медных волос ужасно отвлекала Майлза: он представил себе, как падали на пол густые пряди под ножницами безжалостных тюремщиков-цетагандийцев.

— Я сломаю ему левую руку, если ты займешься правой, Конри, — добавила она.

— Если это единственное, что может заставить вас остановиться на пять минут и

выслушать меня, то так тому и быть, — отозвался Майлз, не отступая.

Рыжая сделала шаг вперед, ловко захватила его левую руку и, не торопясь, начала ее заламывать.

— Пять минут, а? — отчаянно попросил Майлз, чувствуя, как нарастает боль.

Яростный взгляд женщины обжег его лицо. Он закрыл глаза, затаил дыхание и стал ждать. Давление достигло критической величины: Майлз встал на цыпочки, готовясь услышать знакомый хруст...

Рыжая отпустила его так резко, что Майлз чуть не упал.

— Чертовы мужики, — с отвращением проговорила она, — вечно они из всего устраивают соревнование. Даже кто дальше пописает.

— Пол — это судьба, — выдохнул Майлз, открывая глаза.

— Или ты извращенец и тебе нравится, когда тебя избивают женщины?

Тело едва не предало Майлза радостным салютом. Черт побери, если эта встреча с рыжей — не последняя, придется где-то срочно доставать штаны.

— А если я скажу «да», вы нарочно откажетесь меня избивать? — осведомился он.

— Ну уж нет!

— А я-то надеялся...

— Прекрати болтать, Беатрис, — приказала начальница патруля, и ее короткий кивок вернул Беатрис обратно в ряд. — Ладно, коротышка, у тебя есть твои пять минут... может быть.

— Благодарю, мадам. — Майлз сделал вдох и привел себя в порядок — насколько это осуществимо без мундира, который можно было бы одернуть. — Во-первых, позвольте мне принести извинения за то, что я вторгся в ваше общество в таком неадекватном виде. Практически первые же люди, которых я здесь встретил, оказались активистами движения за упрощение жизни. Они упростили меня, в частности, освободили от одежды...

— Я это видела, — неожиданно подтвердила рыжая Беатрис. — Ребята Питта.

Майлз сдернул с головы шляпу и поклонился:

— Вы правы, мадам.

— Когда кланяешься, ты показываешь зад тем, кто у тебя за спиной, — бесстрастно заметила Беатрис.

— Это их трудности, — откликнулся Майлз. — Что до меня, то я хочу поговорить с вашим руководством. У меня есть планы по серьезному улучшению местных манер, в чем мне хотелось бы заручиться вашей поддержкой. Вы — самый крупный из сохранившихся здесь островков цивилизации, не говоря уже о военной дисциплине. Думаю, что пришло время расширить ваши границы.

— Все наши силы уходят на то, чтобы поддерживать теперешние границы, сынок, — ответила начальница. — Дудки. Так что убирайся.

— И сам себя обслужи, — предложила Беатрис. — Здесь тебе не дадут.

Майлз вздохнул, поворачивая шляпу в руках за широкие поля. Потом он несколько секунд покрутил ее на указательном пальце — и встретился взглядом с рыжей.

— Обратите внимание на мою шляпу. Это единственный предмет одежды, который мне удалось сохранить от покушения братьев-крепких. Тех, кого вы называли ребятами Питта.

Беатрис фыркнула.

— Эти подонки... А почему только шляпу? Почему не штаны? Почему уж тогда вообще не парадный мундир? — саркастически добавила она.

— Шляпа — это важнейшее средство общения. Вы можете сделать широкий жест, — тут Майлз сделал этот жест, — или показать свою искренность, — он прижал мнимую шляпу к сердцу. — Вы можете выразить смущение, — он прикрыл гениталии и виновато согнулся, — или ярость, — он с силой швырнул шляпу на землю, потом поднял и тщательно отряхнул. — Вы можете выказать решимость, — он нахлобучил шляпу на голову и надвинул на лоб, — или проявить любезность. — Тут Майлз снова сдернул шляпу, приветствуя Беатрис. — Видите шляпу?

Рыжей уже стало забавно:

— Да...

— А перья на шляпе видите?

— Да...

— Опишите их.

— О... пушистые такие.

— Сколько?

— Два. Сколоты вместе.

— А цвет перьев видите?

Женщина отступила, вдруг отрезвев, и покосилась на своих спутниц:

— Нет.

— Когда вы увидите цвет перьев, — негромко проговорил Майлз, — вы поймете, как можно раздвинуть ваши границы в бесконечность.

Беатрис молчала, и лицо ее было бесстрастно. Но начальница патруля пробормотала:

— Наверное, этому коротышке надо поговорить с Трис. В порядке исключения.

Женщина-командующая явно воевала на передовой: горбясь за экраном в каком-нибудь тыловом бункере не приобретешь такую мускулатуру, буграми перекачивающуюся под кожей. Она носила настоящее оружие, извергавшее настоящую смерть; она билась на грани человеческих возможностей, и война выжгла шрамы в ее душе. Ярость пылала в ней подобно пламени в угольном пласте: скрыто и неугасимо. Ей было, наверное, лет тридцать пять — сорок.

«Господи, я влюбился, — подумал Майлз. — Дорогая, вы нужны брату Майлзу в Армию реформации...» Потом он постарался овладеть собой. Наступил самый решающий момент его плана, и шутливая болтовня была бы здесь бесполезна и даже опасна.

«Обиженным нужна власть, больше ничего. Они думают, что власть спасет их от новых обид. Эту не заинтересует странное послание Сьюгара, во всяком случае — пока...»

Он набрал в легкие побольше воздуха.

— Мадам, я пришел предложить вам командование этим лагерем.

Женщина уставилась на него так, словно Майлз был каким-то паразитом, копошащимся в темном углу сортира. Глаза ее полоснули по наготы молодого человека, и ему показалось, что по всему телу — от подбородка до ступней — пролегли следы когтей.

— Которое вы, видимо, носите в своем планшете, — отрезала женщина. — Командования в этом лагере не существует, мутант. Так что ты им распоряжаться не можешь. Отнеси его за нашу территорию по кусочкам, Беатрис.

Майлз увернулся от рыжей. Вопрос о мутантстве он прояснит потом.

— Командование в этом лагере будет создано мною, — объяснил он. — Обратите внимание: я предлагаю вам власть, а не отмщение. Месть — непозволительная роскошь. Командующие не могут ее себе позволить.

Трис поднялась со своей циновки, выпрямилась в полный рост, потом согнула колени, чтобы оказаться лицом к лицу с Майлзом, и процедила:

— Очень жаль, дерьмецо. Ты почти заинтересовал меня. Потому что я хочу отомстить. Каждому мужику в этом лагере.

— Значит, цетагандийцы добились своего: вы забыли, кто ваш настоящий враг.

— Наоборот, я узнала, кто мой настоящий враг. Хочешь знать, что они с нами делали — наши собственные парни?..

— Цетагандийцы хотят, чтобы вы думали, будто все это, — тут он обвел рукой лагерь, — вы сотворили сами. Так что, воюя друг с другом, вы становитесь их марионетками. А они все время наблюдают за вами и наслаждаются вашим унижением. И вы знаете об этом!

Взгляд Трис на мгновение метнулся к куполу, потом опять вонзился ему в лицо.

— Власть лучше отмщения, — продолжал Майлз, не дрогнув перед горящими углями

ее глаз. — Власть — это нечто живое, и благодаря ей вы протягиваете руку к будущему. А месть — мертва, она тянется из прошлого и тащит вас назад.

— А ты талантливый враль, — оборвала его Трис. — Я тебя уже раскусила: ты норовишь схватить, что плохо лежит. Вот настоящая власть. — Она сжала руку у него под носом, поиграв мускулами. — Это единственная власть, которая здесь существует. У тебя ее нет, вот ты и ищешь, к кому бы приткнуться. Но ты не туда обратился.

— Нет, — возразил Майлз и постучал себя по лбу. — Вот где настоящая власть. И этого у меня хватает, никуда обращаться не надо. Власть, которая управляет силой. — И он шлепнул по своему кулаку. — Люди могут сдвинуть горы, а людьми движут идеи. Но верно и обратное — на ум можно воздействовать через тело! Для чего, по-вашему, все это, — он указал на лагерь, — как не для того, чтобы воздействовать на ваши умы через ваши тела? Когда вы позволили цетагандийцам свести вашу силу только вот к этому, — и Майлз для вящей наглядности рискнул сжать ее бицепс, — вы тем самым отдали им свое главное оружие. И они победили.

— Они все равно победили, — отрезала Трис, стряхивая с себя его руку. (Майлз облегченно вздохнул: она не сочла нужным ее ломать.) — Что бы мы ни делали в этом цирке, никакого толка не будет. Все равно мы будем пленными. Они могут отключить нам пищу, или чертов воздух, или смять нас в лепешку. И время работает на них. Мы можем сколько угодно надрывать себе кишки, восстанавливая порядок (если ты к этому гнешь), а им только и нужно подождать, пока он снова нарушится. Мы побеждены. Мы в плену. И тебе пора начать привыкать к этой мысли.

— Эту песенку я уже слышал, — ответил Майлз. — Включите мозги. Если бы они собирались держать вас тут вечно, то могли бы сразу всех кремировать и сэкономить немалые расходы на поддержание этого лагеря. Нет. Им нужны ваши умы. Вы находитесь здесь потому, что вы — лучшие бойцы Мэрилака: самые отважные бойцы, самые сильные, самые отчаянные, самые опасные. Вы те, от кого будут ждать руководства все противники оккупации. Цетагандийцы хотят сломать вас, а потом вернуть на Мэрилак, как вакцину: убеждать своих соплеменников сдаться. Когда вот это убито, — Майлз прикоснулся ко лбу Трис (о, едва-едва), — тогда цетагандийцам больше нечего бояться вот этого, — он приложил палец к ее бицепсу. — Вас сломают, а потом отпустят в мир, чей горизонт замкнет вас подобно этому куполу. — Война не окончена, поймите. И вы находитесь здесь, потому что цетагандийцы все еще ожидают, когда Фэллоу-Кор падет.

Секунду или две ему казалось, что Трис его убьет, придушит на месте, лишь бы не показать свои слезы. Но она сдержалась.

Вскинув голову и глотнув воздуха, женщина вновь обрела свою агрессивность, служившую ей защитой.

— Если это правда, тогда, послушавшись тебя, мы отодвинем час своего освобождения, а не приблизим его.

Вот так сюрприз — она к тому же еще и логик! Ей даже незачем пускать в ход кулаки, она может заспорить его до смерти, если он не вывернется. Майлз вывернулся:

— Есть немалая разница между пленом и рабством. Хотя, конечно, ни то, ни другое — не свобода. Я это понимаю. И вы — тоже.

Трис долго молчала, глядя на него прищуренными глазами.

— Ты странный, — сказала она наконец. — Почему ты говоришь «вы», а не «мы»?

Майлз небрежно пожал плечами, быстро припоминая все, что говорил. Черт подери, а ведь тетушка Трис права! Тут он, пожалуй, слишком близко подошел к опасному краю. Но пока еще эту ошибку можно выгодно использовать:

— Неужели я похож на цвет военной мощи Мэрилака? Я — странник, заброшенный в мир, который создан не мною. Путешественник, пилигрим. Я тут проездом. Спросите Сьюгара.

Трис хмыкнула:

— Этого психа?!

Она не заметила зацепки. Свинство, как сказала бы Элли. Как ему не хватает Элли! Надо будет попробовать еще разок, попозже.

— Не следует недооценивать Сьюгара. У него есть для вас послание, которое показалось мне весьма захватывающим.

— Слышала я его. Другого такого зануду поискать... Так что ты рассчитываешь со всего этого иметь? И не говори «ничего», потому что я не поверю. Честно говоря, по-моему, ты сам хочешь стать командующим лагерем, и я не собираюсь служить ступенькой какого-нибудь грандиозного имперского плана.

Теперь уже заработал ее острый солдатский ум. Она стремительно соображала — и, похоже, не только насчет того, как бы поскорее доставить Майлза к границе в разобранном виде. Теплее, теплее...

— Я только хочу быть вашим духовным советником. Мне не нужна власть, да я и не смог бы ею воспользоваться. Только место советника...

Видимо, в слове «советник» было что-то важное, потому что глаза женщины вдруг широко раскрылись. Майлз сидел так близко, что увидел даже, как расширились ее зрачки. А Трис подалась вперед и провела пальцем по чуть заметным ямкам по обе стороны его носа — там, где касается кожи шлем боевого скафандра. Снова выпрямившись, женщина погладила средним и указательным пальцем такие же, но более глубокие впадины, навсегда отпечатавшиеся на ее лице.

— Так как ты сказал? Кем ты был раньше?

— Клерком. На призывном пункте, — упрямо ответил Майлз.

— Понятно.

Если Трис догадалась, что он не тот, за кого себя выдает, то он пропал. А может быть, и нет.

Трис снова устроилась на своей циновке и указала Майлзу на ее противоположный край:

— Садись, капеллан. И продолжай говорить.

Когда Майлз нашел Сьюгара, тот мирно спал, оставаясь, впрочем, в сидячем положении. Майлз легонько похлопал его по плечу:

— Просыпайся, Сьюгар, все в порядке.

Проповедник всхрапнул в последний раз и проснулся:

— Господи, как мне не хватает кофе! Э? — Он изумленно поморгал: — Вы целы?

— Уцелел все же. Послушай, я хотел бы уточнить насчет того отрывка об одеждах в реке: теперь, когда мы нашли друг друга, нам все равно надо ходить голыми? Или пророчество уже исполнено?

— Э?

— Мы можем теперь одеться? — терпеливо повторил Майлз.

— Ну... я не знаю. Наверное, если бы нам суждено было иметь одежду, ее бы нам дали...

Майлз толкнул его в бок, показывая:

— Вот. Как раз тот самый случай.

В нескольких метрах от них стояла Беатрис, всем своим видом выражая нетерпеливую скуку. Под мышкой у нее был какой-то серый сверток.

— Ну вы, психи, вы берете все это барахло или нет? Я ухожу.

— Вы заставили их дать вам одежду? — потрясенно прошептал Сьюгар.

— Нам обоим, а не мне, — и Майлз махнул Беатрис. — Кажется, берем.

Женщина швырнула ему сверток, фыркнула и удалилась.

— Спасибо! — крикнул ей вслед Майлз.

Он развернул подарок. Два серых пижамных комплекта: один маленький, один большой. Майлзу можно всего один раз подвернуть брюки — и они уже будут впору. Конечно, одежда не первой свежести — может, даже с трупов, но... Сьюгар натянул

рубашку и штаны и стоял, изумленно щупая серую ткань.

— Они дали нам одежду. Ну и ну! — бормотал он. — Как вы этого добились?

— Они все нам дали, Сьюгар. Пошли, мне надо снова поговорить с Оливером. — Майлз решительно потащил Сьюгара за собой. — Интересно, сколько у нас времени до следующей раздачи? Конечно, рационы выдают дважды в сутки, но я нисколько не удивлюсь, если это происходит через неправильные промежутки времени, дабы усилить путаницу в мозгах. Ведь в конце концов это наши единственные часы...

Тут внимание Майлза привлекло движение: в их сторону бежал какой-то мужчина. Он явно ни от кого не удирает, а просто мчался изо всех сил, пригнув голову к земле. Он бежал, не разбирая дороги, свернул только на границе женской территории. На бегу он плакал.

— Что это? — спросил Майлз, кивнув на приближающуюся фигуру.

Сьюгар пожал плечами:

— Иногда на людей находит. Когда больше невыносимо здесь сидеть. Однажды я видел, как какой-то парень загнал себя до смерти. Кружил, кружил и кружил, пока не упал.

— Сдается мне, — решил Майлз, — что этот бежит прямо к нам.

— А через секунду побежит уже от нас...

— Тогда помоги мне его поймать.

Майлз сделал беглецу подножку. Не успел он упасть, как Сьюгар уселся ему на грудь, а Майлз — на правую руку, таким образом наполовину уменьшив возможное сопротивление. Наверное, парень попал в плен сразу же после призыва, а может, еще и неправильно указал свой возраст, когда вступал в армию — даже сейчас лицо у него было совсем мальчишеское. Он рвался и брыкался, захлебываясь рыданиями вперемешку с руганью, а потом обессилел и затих, тяжело дыша.

Майлз наклонился к нему и хищно усмехнулся:

— Любишь повеселиться, приятель?

— Ага... — Пленник отчаянно скосил глаза вправо и влево, но помощи нигде не было.

— А как насчет твоих друзей? Тоже любят повеселиться?

— Мои друзья — крутые ребята! Еще какие! — заявил юнец, по-видимому, уже решивший, что попал в руки еще больших психов, чем он сам. — Слезай-ка с меня, мутант, а то они тебя на клочки разорвут.

— Я хочу пригласить тебя и твоих друзей на грандиозное развлечение, — продекламировал Майлз. — У нас сегодня будет просто исторический вечер. Знаешь, где найти сержанта Оливера из Четырнадцатого отряда коммандос?

— Ага... — неуверенно пробормотал парень.

— Ну вот, бери своих приятелей и двигай к нему. Советую тебе прямо сейчас забронировать место в нашем экипаже, потому что кто не в нем, те под ним. Армия реформации начинает действовать. Понял?

— Понял! — охнул тот, когда Сьюгар для убедительности ткнул его кулаком.

— Скажешь, что тебя прислал брат Майлз! — крикнул Майлз вслед пареньку. — И помни, что тебе здесь не спрятаться. Если сам не явишься, пришлю за тобой Коммандос космоса!

Сьюгар встал и отряхнул свою заскорузлую обновку:

— Думаете, придет?

Майлз ухмыльнулся:

— Придет обязательно. — Он потянулся и напомнил себе: — К Оливеру!

В конце концов у них оказалось не двадцать, а двести добровольцев. Оливер подобрал сорок шесть человек, паренек привел восемнадцать. Признаки порядка и деятельности увеличивали приток кандидатур. Стоило кому-нибудь любопытствующему спросить: «Что здесь стряслось?» — как его записывали в армию и делали капралом. Интерес среди зрителей достиг апогея, когда команда Оливера строем подошла к территории женщин и была пропущена через границу. К ним мгновенно присоединились еще семьдесят пять

добровольцев.

— А ты знаешь, что мы затеваем? — спросил Майлз у кого-то из новичков, прежде чем определить его в один из четырнадцати сформированных отрядов.

— Нет, — признался тот, а потом махнул рукой в сторону женщин, — но мне тоже охота прогуляться к бабам...

Майлз прекратил набор на двухстах, поскольку Трис уже начала нервничать, видя, что столько мужчин перешли ее границы. Впрочем, он тут же превратил эту любезность в козырную карту в их все еще не закончившемся стратегическом споре. Трис хотела разделить своих амазонок как обычно — половину для атаки, половину — охранять базу и границы; Майлз же настаивал на том, чтобы бросить в атаку все силы.

— Если мы победим, вам больше не понадобится охрана.

— А если проиграем?

Майлз понизил голос:

— Мы не смеем проигрывать. Преимущество внезапности срабатывает только один раз. Можно отступить, перегруппировать силы — лично я так и буду делать, пока не свалюсь замертво, — но после этой попытки всем противостоящим группировкам будет ясно, чего мы добиваемся, и у них будет время спланировать ответный ход. Должен признаться, что у меня всегда было непреодолимое отвращение к патовым ситуациям. Я предпочитаю выигрывать сражения, а не затягивать их.

Трис вздохнула, став на мгновение усталой, выжатой, старой.

— Знаешь, я уже давно воюю... Спустя какое-то время даже поражение начинает казаться более привлекательным, чем война.

Майлз почувствовал, как тает его собственная решимость, затянутая тем же черным водоворотом сомнений. Но он ткнул пальцем вверх и перешел на шепот:

— Но ведь не этим же подонкам мы будем проигрывать?

Трис глянула на купол, и плечи ее расправились.

— Нет. Не этим... — Она глубоко вздохнула. — Ладно, капеллан. Получишь свое всеобщее усилие. Один раз...

Оливер вернулся с обхода и, подойдя, присел рядом на корточки:

— Приказы они получили. Сколько человек дает Трис в каждый отряд?

— Командор Трис, — быстро поправил его Майлз, заметив, как нахмурилась женщина. — Мы будем действовать всеми силами. Вы получите всех ходячих бойцов.

Оливер сделал пальцем на земле какие-то вычисления.

— Значит, в каждом будет человек по пятьдесят. Должно бы хватить... Кстати, почему бы нам не сделать двадцать отрядов? Ускорит раздачу, когда построим очереди. Может помочь успешному завершению дела.

— Нет, — быстро вмешался Майлз, опередив утвердительный кивок Трис. — Их должно быть четырнадцать. Четырнадцать отрядов создадут четырнадцать очередей к четырнадцати кучам плиток. Четырнадцать — это... это мистическое, божественное число, — добавил он в ответ на их недоумевающие взгляды.

— Почему? — спросила Трис.

— Из-за четырнадцати апостолов, — изрек Майлз, благоговейно складывая руки.

Трис пожала плечами. Сьюгар почесал в затылке и начал было опровергать, но Майлз кинул на него такой злобный взгляд, что он тут же затих.

Оливер, пристально наблюдавший за ними, что-то хмыкнул, но спорить больше не стал.

Потянулось ожидание. Майлз перестал беспокоиться о самом худшем, — что тюремщики забросят следующую порцию раньше, чем его планы оформятся, — и начал тревожиться о другом, почти столь же опасном обороте дела: вдруг плитки не появятся слишком долго, и его бойцы, заскучав и разочаровавшись, начнут расходиться. В эти минуты Майлз чувствовал себя так, словно он ведет строптивую козу на веревке, свитой из воды.

Никогда еще он столь остро не ощущал нематериальность Идеи.

Оливер тронул его за плечо:

— Начинается...

Стена купола примерно в трети окружности от них начала выгибаться.

Момент был просто идеальный. Слишком идеальный... Цетагандийцы в курсе происходящего и наверняка замыслили какую-нибудь пакость. Если куча плиток не подана слишком рано, значит, ее должны были бы задержать. Или...

Майлз вскочил на ноги:

— Подождите! Стойте! Ждите приказа!

«Летучие отряды» заволновались, притягиваемые вожаком выпуклостью. Но Оливер не ошибся в выборе командиров — они удержались сами и удержали своих людей. Все в ожидании повернулось к Оливеру. Они все-таки когда-то были солдатами. Оливер глянул на Трис, а Трис гневно воззрилась на Майлза.

— Ну, в чем дело? Мы же лишимся своего преимущества... — начала она.

— Если я ошибся, — простонал Майлз, — то покончу с собой. Ждите, черт подери! Сьюгар, подсади меня!

Он взобрался на худые плечи проповедника и устоял на выпуклости. Силовой экран еще не успел окончательно выровняться, когда до них донеслись первые крики разочарования. Майлз отчаянно завертел головой. Попробуй, разгадай этот ребус: если цетагандийцы все знают, а он знает, что они знают, а они знают, что он знает, что они знают, и... Майлз не успел завершить цепочку силлогизмов: на противоположной стороне лагеря начал расти второй пузырь.

Он выкинул руку вперед, словно бросая кости:

— Туда! Туда! Скорей, скорей, скорей!

Теперь и Трис поняла, в чем дело. Присвистнув, она наградила Майлза уважительно-изумленным взглядом, стремительно развернулась и поспешила возглавить марш-бросок своего отряда. Неуклюже соскочив на землю, Майлз двинулся следом.

Обернувшись, он увидел, как серая человеческая масса ударилась о противоположный край купола и отхлынула. С этой минуты Майлз оказался в положении человека, пытающегося обогнать приливную волну. Заранее всхлипнув, он заковылял быстрее.

Неужели он ошибся?.. Нет! «Летучие отряды» вовремя добрались до цели, и плитки действительно оказались на месте. Командиры уже начали раскладывать кучу на несколько мелких. Группы поддержки окружили их стеной и приготовились к обороне. На этот раз цетагандийцы перехитрили сами себя.

Волна прилива догнала Майлза, и вместо широкого обзора, приличествующего командующему, у него осталась только точка зрения червяка-рядового. Кто-то пихнул его сзади, и он упал; ему показалось, что в спине перепрыгнувшего через него человека он узнал Питта. Впрочем, тот, наверное, предпочел бы наступить на Майлза, а не перешагнуть... Сьюгар помог ему подняться, и Майлзу удалось проглотить стон. Кругом и так хватало шума.

Он узнал своего паренька, как раз схватившегося с каким-то громилой. Майлз протолкнулся мимо него, громко напомним:

— Ты должен кричать «Становись в очередь!», а не «Иди в жопу!» Команда в бою всегда искажается, — пробормотал он себе под нос. — Вечно одно и то же...

Рядом возникла Беатрис, и Майлз уцепился за нее. У Беатрис было собственное пространство, нечто вроде личной границы. Майлз увидел, как она ее охраняет: небрежно ткнула локтем в чью-то физиономию, так что ее хозяин только зубами щелкнул. Если бы такое попытался проделать Майлз, он разбил бы свой локоть, а не выпуклость вражеской скулы. Кстати, о выпуклости: он оказался лицом... ну, не к лицу... Короче, перед рыжеволосой. Он едва справился с желанием вздохнуть и уткнуться в мягкую серую ткань, прикрывшую родное убежище. Напомнив себе о травмах, которыми обернется для него это предприятие, Майлз оторвал взгляд от притягательной области и устоял в лицо Беатрис.

— Пошли, — буркнула она и поволокла его через толпу.

Не начал ли стихать шум? Стена его бойцов чуть раздвинулась, позволив им протиснуться в центр.

Они оказались рядом с началом очереди. Получилось, видит Бог, получилось! Четырнадцать групп, довольно тесно сбившихся у стены купола (в следующий раз это надо будет исправить), пропускали по одному голодных просителей. Распорядители заставляли очередь двигаться на предельной скорости, отводя получивших плитки вдоль стены обратно в лагерь, к краю толпы. Оливер отрядил пары самых крепких солдат следить за уходящими, чтобы ни одна плитка не была отобрана у законного владельца.

Большинство новоиспеченных полицейских отнеслось к своему делу с огромным энтузиазмом. Возможно, кое-где под шумок вымещались и старые обиды — Майлз увидел одного из суровых крепышей, взятого в оборот парой патрульных. Вчерашнему супермену били морду. Майлз опять напомнил себе о недопустимости личных симпатий и антипатий в столь важном деле и со вздохом легкого сожаления отправился за Оливером, чтобы тот восстановил порядок среди своих подчиненных.

На раздаче у Трис царила идеальная дисциплина. Майлз поздравил себя с тем, что поручил раздавать еду женщинам, — здесь удалось задействовать эмоциональный фактор огромной силы. Немало мужчин, получая в руки плитку рациона, смущенно бормотали «спасибо», а потом их примеру следовали многие идущие следом.

«Получайте, убудки! — мысленно обратился Майлз к невидимым наблюдателям за куполом. — Вы потеряли монополию на психологическую войну. Мы еще повернем ваше пищеварение в обратную сторону! И пускай у вас от злости все кишки вывернет...»

Его размышления были прерваны каким-то шумом у одной из точек раздачи. Майлз раздраженно наморщился, увидев, что в центре заварухи находится Питт, и поспешно заковылял туда.

Оказалось, что Питт отплатил за свою плитку не словами благодарности, а недвусмысленным взглядом, улыбочкой и какой-то грязной шуткой. Оскорбленные дамы тут же атаковали его, но безуспешно: Питт был парень крепкий и к тому же не стеснялся бить женщин. Одна из нападавших, только чуть выше Майлза, отлетела назад и уже не смогла подняться. Очередь замерла, плавный цивилизованный поток желающих пообедать разбился окончательно. Майлз вполголоса чертыхнулся.

— Ты, ты, ты и ты, — постучал он по каким-то плечам, — схватите этого парня.

Те, к кому он обратился, не слишком рвались выполнять полученное задание, но к месту происшествия подоспели Трис и Беатрис. Нарушитель порядка был схвачен, скручен и вытащен за линию оцепления. Майлз удостоверился, что раздача снова заработала, и повернулся к разъяренному сквернословящему Питту. В этот момент подошли Оливер и Сьюгар.

— Я оторву этому подонку яйца, — бушевала Трис. — Я имею полное право...

— Вы — военный комендант, — прервал Майлз. — Если этого человека обвиняют в хулиганстве, его следует предать военно-полевому суду.

— Он насильник и убийца, — ледяным тоном отозвалась женщина. — Суд для него слишком большая честь. Он должен умереть медленной смертью...

Майлз отвел Сьюгара в сторону:

— Это соблазнительно, но почему-то мне не хочется сейчас отдавать ей парня. Очень не хочется. С чего бы это?

Сьюгар уважительно посмотрел на него:

— По-моему, вы правы. Видите ли... здесь... здесь слишком многие подобны ему.

А Питт, вне себя от ярости, уже заметил Майлза.

— Ты! Ты, бабский прихвостень! Думаешь, они тебя защитят? — Он дернул головой в сторону Трис и Беатрис. — У них сил не хватит. Мы и раньше им вставляли, вставим и теперь. Мы не проиграли бы эту чертову войну, будь у нас настоящие солдаты — как у баррарцев. Они вот не берут в армию бабья и всяких жополизов. Оттого и выгнали

цетагандийцев со своей планеты...

— Почему-то, — медленно проговорил Майлз, — мне не верится, будто ты специалист по тактике баррарцев во время Первой цетагандийской войны. Иначе кое-чему научился бы...

— А тебя, небось, уже сделали почетной девицей, мутант? — не остался в долгу Питт. — Для этого много не нужно...

«Чего ради я тут стою и переругиваюсь с примитивным бандитом? — одернул себя Майлз. — Некогда. Надо с этим кончать».

Он отступил и скрестил руки на груди:

— Никому из вас до сих пор не приходило в голову, что этот тип — агент цетагандийцев?

Потрясенный Питт утратил дар речи.

— Это совершенно очевидно, — с напором заявил Майлз, возвысив голос, чтобы слышали все окружающие. — Он зачинщик всех беспорядков. Своим примером, своими безобразиями он совратил многих честных солдат, натравив их друг на друга. Цетагандийцы не могли надеяться на то, что вы сдадитесь, а потому постарались посеять среди вас семена зла. Чтобы действовать наверняка. И это сработало на удивление хорошо. Вы даже не подозревали...

Оливер тронул его за плечо и пробормотал:

— Брат Майлз! Я знаю этого парня. Никакой он не шпион. Он просто...

— Оливер, — прошипел Майлз, не разжимая зубов, — заткнись! — И продолжил своим самым зычным голосом: — Конечно, он цетагандийский агент. Тайный. А вы все это время думали, что сами творите это над собой.

«А где нет дьявола, — добавил он про себя, — там приходится его изобретать». Его подташнивало, но он сохранял маску праведного возмущения. Майлз всмотрелся в лица сгрудившихся вокруг людей. Где-то в недрах толпы нарастал глухой грозный ропот.

— Снимите с него рубашку, — приказал Майлз, — и положите на живот. Сьюгар, дай мне твою чашку.

У разбитой чашки Сьюгара был острый край. Майлз уселся на своего врага и крупными печатными буквами нацарапал по всей спине Питта «ШПИОН ЦЕТАГАНДЫ». Он погружал острие глубоко и безжалостно, и из царапин выступала кровь. Питт кричал, матерился и брыкался.

Майлз поднялся на ноги, дрожа и задыхаясь.

— А теперь, — велел он, — дайте ему его плитку рациона и уведите прочь.

Трис молча пробуравила взглядом спину уводимого Питта. Потом посмотрела на Майлза, стоявшего между нею и Оливером.

— Вы действительно считаете, что он цетагандиец? — тихо спросила она.

— Не может быть! — заявил Оливер. — Так к чему был весь этот спектакль, брат Майлз?

— Я не сомневаюсь, что все обвинения Трис справедливы, — напряженно ответил Майлз. — Но его нельзя было наказать за прежние грехи, не расколов лагерь и не подрывая авторитета Трис. Таким образом, Трис и женщины получают свое отмщение, не настроив против себя половины мужчин. Руки командора чисты, а нам больше не будет мешать закоренелый преступник, который наверняка восстал бы против нас. Более того, и другие преступники получили предупреждение, которое они вряд ли забудут. Так что моя выдумка эффективна во всех отношениях.

Лицо Оливера застыло. Помолчав немного, он заметил:

— Вы бьетесь не по правилам, брат Майлз.

— Я не могу позволить себе проиграть! — Майлз гневно посмотрел на него. — А вы можете?

Сержант сжал губы:

— Нет.

Трис вообще ничего не сказала.

Майлз лично проследил за раздачей плиток рациона всем пленным, кто был слишком слаб, чтобы встать в очередь.

Полковник Тремонт лежал на своей циновке как-то слишком неподвижно. Гадать о причинах не приходилось. Оливер встал на колени и закрыл мертвецу глаза. За последние несколько часов полковник мог умереть когда угодно — рядом с ним никого не было.

— Мне очень жаль, — искренне сказал Майлз. — Жаль, что я пришел слишком поздно.

— Да... — произнес Оливер. — Да...

Он встал, кусая губы, и встряхнул головой. Майлз и Сьюгар, Трис и Беатрис помогли Оливеру отнести тело, циновку, одежду и чашку на свалку. Оливер засунул приготовленную плитку под мышку мертвецу. Никто не попытался ограбить его после их ухода, хотя еще один покойник, лежавший рядом, уже был обчищен догола.

Вскоре после этого они наткнулись на тело Питта. Причиной смерти скорее всего было удушение, но лицо было так разбито, что его синева могла быть и обманчивой.

Трис посмотрела на Майлза:

— Наверное, вы все же не ошиблись насчет власти, коротышка.

— А насчет мести?

— Я думала, что никогда не успокоюсь, — вздохнула Трис, глядя на безжизненное тело. — Ага... И насчет мести тоже.

— Спасибо. — Майлз ткнул труп ногой. — Но не забудьте: это — наша потеря.

Он заставил Сьюгара поручить кому-нибудь оттащить тело к свалке.

Сразу же после раздачи Майлз устроил военный совет. Провожавшие в последний путь Тремонта — всех их Майлз уже начал считать своим штабом — и четырнадцать командиров групп собрались вокруг него на свободном пятачке земли неподалеку от границы территории женщин. Майлз расхаживал перед ними, энергично жестикулируя.

— Я благодарю командиров групп за прекрасно выполненное задание, а сержанта Оливера — за правильный выбор людей. Осуществив эту акцию, вы завоевали не только преданность большей части пленных, но и передышку. Каждая следующая раздача еды будет проходить немного лучше, немного проще. Каждая будет тренировкой для последующей. И не забывайте — это военная тренировка. Мы уже заставили цетагандийцев отступить от своей тщательно разработанной стратегии и попробовать применить контрмеры. Мы действовали. Они — отвечали. Как это ни странно, но инициатива принадлежала нам. Теперь мы должны планировать нашу дальнейшую стратегию. Я хочу, чтобы вы подумали, каким может оказаться следующий шаг цетагандийцев.

«На самом деле я просто хочу, чтобы вы думали — и точка».

— Проповедь окончена. Командор Трис, вам слово.

Майлз заставил себя сесть, уступая место той, кого он выбрал — хотела она того или нет. Он напомнил себе, что Трис боевой офицер, а не штабист: ей тренировка более необходима, чем ему.

— Конечно, они могут опять устроить нам нехватку плиток, как делали уже не раз, — начала Трис, откашлявшись. — Было высказано предположение, что именно так и началась вся эта гадость. — Она встретила взглядом с Майлзом, который ободряюще кивнул. — Это значит, что надо заранее выработать строгую очередность людей, которые будут делиться своими плитками с теми, кому их не хватит. Каждый командир группы должен назначить интенданта и двух учетчиков, которые бы его контролировали.

— Столь же неприятный шаг, на который могли бы пойти цетагандийцы, — не выдержав, вставил Майлз, — это прислать избыток и поставить нас перед проблемой честного распределения излишков. Я бы на вашем месте учел и такой вариант.

И он хладнокровно улыбнулся Трис.

Та чуть приподняла бровь и продолжила:

— Они могут разделить общий объем плиток на несколько частей, усложнив нашу задачу по их захвату и контролю за распределением. Есть еще какие-нибудь грязные уловки, которые кто-нибудь из вас может предусмотреть?

И Трис невольно снова посмотрела на Майлза.

Один из командиров нерешительно поднял руку:

— Сударыня, они же нас слышат. Разве мы не делаем за них работу?

Майлз встал, чтобы дать на это громкий и ясный ответ:

— Конечно, слышат. Несомненно, они прямо-таки дрожат от желания нас услышать. — И он сделал грубый жест в сторону купола. — Ну и пусть. Любое их действие — это весть извне, тень, обозначающая их форму, информация о них. Она нам нужна.

— А что, если они снова перекроют нам воздух? — еще более нерешительно проговорил другой командир. — Навсегда?

— В этом случае, — без запинки отозвался Майлз, — они лишатся членства в Межзвездной Конвенции, которое приобрели с таким трудом. А оно им нужно для пропаганды. Когда наша сторона по причине скверного развития событий оказалась не в состоянии хорошо содержать войска, не говоря уже о пленных, цетагандийское правительство тут же объявило, что согласно допустить в свои лагеря инспекционную комиссию и что это свидетельствует о превосходстве их цивилизации, которую они несут нам, и доброй воле...

Насмешливые возгласы и свист продемонстрировали отношение пленных к этой новости. Майлз улыбнулся и продолжил:

— Смертность в лагерях оказалась настолько необычной, что вызвала кое-какие вопросы. Пока цетагандийцам удалось убедить три инспекции, но сто процентов им объяснить никак не удастся.

Майлз снова уселся. Оливер наклонился к нему и прошептал:

— Откуда у вас все эти сведения?

Майлз изобразил довольную ухмылку:

— А что, звучало убедительно? Вот и прекрасно!

Оливер отшатнулся и вытаращил глаза:

— У вас что, вообще нет никаких принципов?

— В бою — нет.

Следующие два часа Трис и ее командиры обсуждали схемы различных способов подачи пищи и свою тактику в случае каждого из них. Потом командиры отправились знакомить с ними своих подчиненных, а Оливер отбыл к группе поддержания порядка.

Трис задержалась возле Майлза, который на исходе первого часа совещания уступил силе тяжести и теперь лежал на земле, тупо глядя в купол и моргая, чтобы глаза не слиплись окончательно. Прежде чем попасть сюда, он не спал больше суток. А сколько времени прошло с тех пор, сказать было трудно.

— Мне пришел в голову еще один вариант, — заметила Трис. — А что, если они вообще ничего не предпримут? Ничего не будут делать, ничего не будут менять.

Майлз сонно улыбнулся:

— Это кажется наиболее вероятным. По-моему, попытка перехитрить нас на прошлой раздаче была с их стороны роковой ошибкой.

— Но без конкретного противника как долго можно притворяться, что мы — армия? — настаивала Трис. — Для этой попытки вы нас еле подняли со дна. Если все сойдет на нет, то что тогда?

Майлз свернулся калачиком, неудержимо погружаясь в дремоту. Где-то в глубинах подсознания маячило обещание эротического сна с высокой агрессивной рыжеволосой женщиной. Он зевнул, едва не вывихнув челюсть:

— Тогда мы будем молиться о чуде. Напомните мне, что мы еще должны поговорить с вами о чудесах... когда-нибудь...

Один раз он наполовину проснулся, когда кто-то подsunул под него циновку. Майлз

подарил Беатрис сонную интимную улыбку.

— Мутант психованный, — огрызнулась та, грубо перекатывая его на подстилку. — Не думай, пожалуйста, что это моя идея.

— Смотри, Сюгар, — пробормотал Майлз, — кажется, я ей нравлюсь.

И он умиротворенно вернулся в раскрытые объятия Беатрис своего сна.

К тайному ужасу Майлза, прогноз оказался верным. Цетагандийцы возобновили обычный порядок раздачи пищи и никак не реагировали на внутренние дела пленных. Майлзу, пожалуй, это не нравилось. Конечно, это давало отличную возможность отточить его систему организации. Но какое-то давление извне направило бы внимание пленных за пределы купола, снова подарило бы им врага и прежде всего нарушило бы одуряющее однообразие их существования. В конечном итоге Трис будет права.

— Ненавижу противника, который не делает ошибок, — раздраженно бормотал Майлз, направляя свои усилия на разрешение текущих проблем.

Он выбрал флегматичного пленного с ровным сердцебиением и велел ему лежать на земле, отсчитывая вслух свой пульс. С помощью этих «говорящих часов» можно было измерять время раздачи и работать над его сокращением.

— Мы упражняем дух, — объявил он, заставив своих четырнадцать интендантов раздавать плитки по двести за раз с получасовым перерывом между группами.

— Меняем темп, — объяснил он Трис. — Раз нам не удастся заставить цетагандийцев внести хоть какое-то разнообразие, придется нам делать это самим.

Ему также удалось наконец точно пересчитать оставшихся в живых пленных. Майлз был одновременно везде: он заставлял, убеждал, тянул и сдерживал.

— Если вам действительно нужно, чтобы раздача шла быстрее, сформируйте побольше раздаточных команд, — предложил Оливер.

— Не кощунствуйте, — ответил Майлз, отправляясь уговаривать группы разносить плитки на равные расстояния по всей окружности купола.

К концу девятнадцатой раздачи с момента его появления в лагере Майлз решил, что система распределения завершена и теологически верна. Считая каждые две раздачи за «день», он пробыл здесь девять дней.

— Все сделано, — простонал он, — а еще слишком рано.

— Горюете из-за того, что нечего больше завоевывать? — ухмыльнулась Трис.

К моменту тридцать второго сигнала система все еще работала гладко, но Майлз начал сдавать.

— Добро пожаловать в ряды старожилов, — сухо сказала Беатрис. — Тебе пора бы начать себя притормаживать, брат Майлз. Если Трис не ошиблась, мы здесь из-за тебя пробудем еще дольше. Надо мне не забыть когда-нибудь поблагодарить тебя по-настоящему.

Она зловеще улыбнулась, и Майлз сразу же вспомнил о каком-то неотложном деле на другой стороне лагеря.

Пришлось признать, что рыжая права. Большинство пленных провели здесь не дни или недели, а месяцы и годы. Сам Майлз превратился в болтливого безумца за срок, который большинство здешних обитателей сочло бы просто мгновением. Он мрачно прикинул, в какую форму отольется его сумасшествие. Будет ли это мания, вдохновленная сверкающим заблуждением, что он... ну, например... покоритель Комарры? Или депрессия, как у Тремонта, так что он замкнется на себе, пока вообще не исчезнет, подобно какой-то живой черной дыре?

История знает немало вождей, которые неправильно рассчитали время Армагеддона и привели своих остриженных овец на вершины — ждать апофеоза, который так и не наступил. Их дальнейшая жизнь обычно характеризовалась забвением и алкоголизмом. А здесь пить нечего. Майлзу хотелось выпить по крайней мере шесть двойных порций виски — прямо сейчас.

Сейчас. Сейчас. Сейчас.

Майлз стал обходить лагерь после каждой раздачи пищи — отчасти для того, чтобы создать иллюзию деятельности, но в основном — чтобы хоть немного растратить накопившуюся в нем нервную энергию. Засыпать ему становилось все труднее и труднее. После того как удалось наладить раздачу пищи, в лагере наступил период затишья, словно их организация явилась кристаллом, брошенным в перенасыщенный раствор. Но в последнее время резко возросло количество драк, которые пришлось разнимать блюстителям порядка. Сами патрульные начали охотнее прибегать к силе, понемногу приобретая нежелательное нахальство. Лунные фазы. Кто может обогнать луну?

— Помедленнее, Майлз, — пожаловался Сьюгар, тащившийся рядом с ним.

— Извини.

Замедлив шаги, Майлз вышел из задумчивости и осмотрелся. Слева от него вздымался сверкающий купол, который, казалось, пульсировал с каким-то неприятным еле слышным гулом. Справа простиралась тишина: люди в основном сидели группами. С первого дня пребывания здесь Майлза видимых изменений практически не произошло. Может, напряженность чуть спала, может, о больных и раненых стали заботиться чуть больше. Лунные фазы. Он постарался отбросить беспокойство и жизнерадостно улыбнулся Сьюгару.

— Твои проповеди теперь проходят успешнее?

— Ну... Никто больше не пытается меня избить, — ответил Сьюгар. — Но я проповедую меньше, чем прежде: занимаюсь раздачей и всем прочим. И потом, теперь ведь есть патрульные. Трудно сказать.

— Будешь пробовать и дальше?

— О да! — Сьюгар помолчал. — Я видел места и похуже этого, понимаете? Когда-то я жил в шахтерском поселке, еще совсем мальчишкой. Там открыли месторождение огненных опалов; почему-то на него не успела наложить лапу ни одна крупная компания — ни государственная, ни частная. Месторождение поделили на сотни крошечных участков, длиной обычно метра по два. Люди работали вручную, пользуясь лишь саперными лопатками и щеточками. Крупные опалы очень хрупкие, знаете ли, и от неосторожного удара легко раскалываются. Рыли землю под обжигающим солнцем, день за днем. На многих одежды было меньше, чем сейчас на нас. Да и питались они похуже, чем мы. Там было больше несчастных случаев, больше болезней, чем здесь. И драк было множество. Но они жили и добровольно терпели совершенно немыслимые вещи ради надежды. Они были одержимыми, и они не отступали. За год своими лопатками они превратили гору в пропасть. Это было форменное безумие, но я ими восхищался. А здесь... — Сьюгар поглядел вокруг, — здесь мне просто страшно. — Он притронулся к своему тряпичному браслету. — Этот лагерь высасывает из тебя будущее, проглатывает тебя. После него смерть покажется пустой формальностью. Город призраков, столица самоубийств. Как только я прекращу проповедовать, он сожрет меня.

— Угу, — согласился Майлз.

Они приближались к самой дальней точке обхода, на противоположной стороне от территории женщин: ее границы стали теперь проницаемыми, и Майлз со Сьюгаром держали там свои циновки.

В эту минуту двое шедших им навстречу мужчин словно бы невзначай объединились с еще одной серой парой. И тут же еще трое встали со своих циновок справа от Майлза. Трудно было определить, не поворачивая головы, что творится сзади, но Майлзу и там почудилось какое-то движение.

Четверка остановилась в нескольких метрах перед ними. Мужчины в сером, все выше Майлза — да и кто не был выше его? Лица нахмурены, в глазах — нетерпение и еле сдерживаемая ярость. Майлз узнал только одного из них, бывшего сурового братца, которого он видел с Питтом. Майлз не стал оглядываться в поисках патрульного. Он был почти уверен, что один из тех, кто стоит сейчас перед ним, как раз и является блюстителем лагерного порядка.

А главное, он сам виноват, что его загнали в тупик, что его действия стали предсказуемыми. Глупая, элементарная ошибка, непростительная даже для начинающего.

Друг Питта шагнул вперед, кусая губу и глядя на Майлза запавшими глазами. Видно было, что он к чему-то готовится. Мужчина держал в руках тщательно сплетенную тряпичную веревку. Да, это будет не просто избиение. На сей раз дело серьезнее — веревка заканчивалась петлей.

— Ты!.. — хрипло проговорил заместитель Питта. — Я сначала не мог тебя раскусить. Не догадался, что ты не из наших. Ты сам подсказал мне. Мутант... Питт не был цетагандийским шпионом. Шпион — ты!

И он бросился вперед.

Майлз увернулся, но сердце у него упало. Проклятие, надо было понять, почему устранение Питта показалось ему такой серьезной ошибкой, несмотря на его эффективность. Ложное обвинение — оружие обоюдоострое, одинаково опасное и для жертвы, и для того, кто им воспользовался.

Возможно, этот парень даже верит тому, что сейчас сказал. Майлз сам начал охоту на ведьм, и будет справедливо, если он станет ее второй жертвой. Неудивительно, что тюремщики не стали вмешиваться. Сейчас они, наверное, покатываются со смеху... Ошибка на ошибке, и все кончится тем, что Майлз так глупо умрет, — погибнет позорной смертью в этой океанной дыре...

Его схватили. Он дергался, лягался, но не мог вырваться из их сильных рук. Сьюгар кинулся ему на выручку, но отвага не могла возместить нехватку сил и умения драться. Руку проповедника, занесенную для удара, поймали и вывернули. Майлз поморщился, сочувственно ожидая услышать знакомый глухой треск ломающихся костей, но вместо этого один из линчевателей сорвал с запястья Сьюгара тряпичный браслет.

— Эй, Сьюгар! — поддразнил он, отпрыгивая назад. — Смотри, что у меня есть!

Он вытащил смятый, оборванный кусочек бумаги из его тряпичной обложки и помахал им в воздухе. Сьюгар отчаянно вскрикнул и бросился вперед, но был остановлен двумя другими, перегородившими ему дорогу. А дразнивший разорвал бумажку, сложил обрывки, разорвал снова и остановился, словно раздумывая, куда их теперь деть. Неожиданно ухмыльнувшись, он засунул клочки бумаги в рот и начал жевать. Сьюгар закричал.

— Сволочи! — взвизгнул Майлз. — Вам же нужен я! Зачем было... — И он со всей силой двинул кулаком в рожу ближайшего мучителя, который на мгновение отвлекся.

В следующую секунду Майлз почувствовал, как по всему запястью ломаются кости. Ох, как же он устал от своих костей, от все новых и новых переломов...

Сьюгар кричал, рыдал и пытался добраться до обидчика, а тот продолжал жевать и ухмылялся. Майлз увидел, как проповедник рухнул под чьим-то ударом, а потом уже не мог обращать внимание ни на что, кроме змеиных тисков удавки, захлестнувшей его горло. Ему удалось просунуть сломанную руку между веревкой и шеей, но толку от этого было мало. Давление дошло до невыносимого предела, в глазах стало темно. Темно-лиловые и желтые муаровые тени вскипали в голове, как грозовые облака. Майлз успел еще заметить блестящую искру рыжих волос, метнувшуюся перед самыми его глазами...

А потом он лежал на земле, и кровь, дивная живая кровь пульсировала в его задыхающемся мозгу. Он мгновение был неподвижен и ни о чем не думал. Как хорошо было бы больше никогда не вставать...

Проклятый купол, холодный, белый и однообразный, насмешливо встретил его возвращающееся зрение. Майлз рывком встал на колени и дико огляделся. Беатрис и несколько приятелей-коммандос Оливера гнались по лагерю за неудачливыми убийцами. Майлз, похоже, был без сознания всего несколько секунд. В двух метрах от него лежал Сьюгар.

Майлз подполз к нему. Тот свернулся калачиком, и его позеленевшее лицо было покрыто холодным потом. Все тело сотрясало от дрожи. Плохо. Похоже на шок. Укройте пациента потеплее и введите синергин. Синергина нет. Майлз неловко снял рубашку и укрыв

ею Сьюгара.

— Сьюгар? У тебя все в порядке? Беатрис прогнала негодяев...

Сьюгар поднял глаза и мимолетно улыбнулся, но улыбка почти сразу же потонула в гримасе боли.

Вскоре вернулась Беатрис, слегка поцарапанная и запыхавшаяся, но по-прежнему не склонная к какой-либо сентиментальности.

— Ах вы, психи, — бесстрастно приветствовала она их. — Вам не охранники нужны, а няньки.

Опустившись на колени рядом со Сьюгаром, женщина осмотрела его, сжав губы так, что они побелели. Между бровями ее залегли морщины.

— Вам надо бы вернуться к своим циновкам, — сказала она.

— По-моему, Сьюгар не сможет идти.

Беатрис собрала людей покрепче, пострадавшего перекатали на циновку и понесли. Майлзу это слишком напомнило полковника Тремонта. Сьюгара положили на их обычное спальное место.

— Найдите врача, — потребовал Майлз.

Беатрис ушла и вскоре вернулась с коренастой сердитой старухой.

— Наверное, разрывы в брюшной полости, — буркнула врач. — Если бы у меня была диагностическая камера, я могла бы сказать, где именно. У вас есть диагностическая камера? Ему нужно ввести синергин и плазму. У вас они есть? Я могла бы сделать ему операцию и ускорить заживление электростимулятором — будь у меня здесь операционная. Поставила бы его на ноги дня за три играючи. У вас есть операционная? Я так и думала, что нет. И нечего на меня так смотреть. Раньше я считала себя врачом. И только здесь поняла, что я всего лишь посредник, связующее звено между медицинской техникой и моими пациентами...

— Но что же делать?

— Укройте его. Через несколько дней он или начнет поправляться, или умрет. Все зависит от того, какие органы повреждены. Вот так.

Женщина замолчала и, скрестив руки, раздраженно посмотрела на раненого, словно грозящая ему опасность была для нее личным оскорблением. Да так оно и было, наверное...

— По-моему, он умрет, — добавила она.

— По-моему, тоже, — сказал Майлз.

— Тогда зачем было меня звать?

И возмущенная врач удалилась. Позже она вернулась с циновкой и парой лишних тряпок и помогла Майлзу получше укутать Сьюгара, после чего снова ушла.

Трис доложила:

— Мы изловили тех типов, которые пытались вас убить. Что вы хотите с ними сделать?

— Отпустите их, — устало сказал Майлз. — Это не враги.

— Да уж, не враги!

— Ну по крайней мере мне они не враги. Они просто обознались. Я здесь лишь случайный странник, мимоходом.

— Проснитесь, коротышка. Я не разделяю веры Оливера в ваше «чудо». Вовсе вы здесь не мимоходом. Это — конечная остановка.

Майлз вздохнул:

— Мне уже начинает казаться, что вы правы. — Он взглянул на Сьюгара: тот дышал поверхностно и слишком часто. — Вы почти наверняка правы. Тем не менее... отпустите их.

— Почему? — возмущенно выкрикнула Трис.

— Потому что я так хочу. Потому что я попросил. Вы хотите, чтобы я встал ради них на колени?

— Р-р-р! Нет. Ладно.

Трис резко отвернулась, ероша пальцами коротко остриженные волосы и что-то бормоча себе под нос.

Прошло бесконечно долгое время. Сьюгар лежал на боку и не разговаривал, хотя время от времени приоткрывал глаза и смотрел куда-то невидящим взглядом. Майлз смачивал ему губы водой. Раздача пищи началась и закончилась без каких-либо инцидентов и без участия Майлза. Подошла Беатрис, бросила рядом с ними две плитки рациона, посмотрела осуждающим взглядом и удалилась, не сказав ни слова.

Майлз сидел, баюкая на весу сломанную руку, и мысленно просматривал список ошибок, которые привели к данной ситуации. Он пытался осмыслить свое гениальное умение способствовать гибели друзей. Его не оставляло предчувствие, что смерть Сьюгара причинит ему такую же боль, как смерть сержанта Ботари шесть лет назад. А ведь он знал Сьюгара всего несколько недель, а не многие годы. Майлз на собственном опыте убедился, что повторение боли усиливает страх, а не уменьшает его. Растущий, животный страх. Только не надо этого опять, никогда, никогда...

Он лег на спину и уставился в купол — белый немигающий глаз мертвого божества. Сколько еще друзей погибло в результате этой «геройской» выходки? Как это было бы похоже на цетагандийцев: оставить его здесь в полном неведении, чтобы сомнения и страх постепенно свели его с ума.

Постепенно? Нет, очень быстро! Он увидел, как глаз божества внезапно подмигнул!

Майлз непроизвольно подмигнул в ответ. Потом широко распахнул глаза и уставился на купол так пристально, словно мог пронзить его взглядом. Мигнул ли он? Или это галлюцинация? Он действительно тронулся?

Глаз снова мигнул. Майлз вскочил, набирая в легкие побольше воздуха.

Купол погас. На короткое мгновение к ним ворвалась ночь планеты: туман, мороз и поцелуй холодного влажного ветра. Неотфильтрованный воздух разил тухлыми яйцами. Непривычная темнота ошеломила.

— Раздача еды! — заорал Майлз что было мочи.

И тут преддверие ада преобразилось в ад — ослепительная вспышка самонаводящейся бомбы возвестила наступление перемен. Красные сполохи выхватили из тьмы тучу взлетающих к небу обломков. За первым взрывом последовала целая серия — грохочущее кольцо, окружавшее лагерь призрачной стеной дымных грибов. Ответный огонь с земли пронизывал их разноцветными трассами.

Мимо бежала изумленная Трис. Майлз схватил ее за руку и уперся пятками, надеясь притормозить. Сквозь грохот взрывов он сумел прокричать ей в ухо:

— Час настал! Пусть руководители четырнадцати групп соберутся и выстроят свои первые смены по двести человек вдоль окружности лагеря. Найдите Оливера. Надо, чтобы патрульные заставили всех организованно дожидаться своей очереди. Если все пойдет так, как мы отработали, улетим все. — (Я надеюсь.) — Но если они кинутся к катерам так же, как кидались к плиткам рациона, не улетит никто. Поняли?

— Я не верила... не думала... Катера?

— И не думайте. Мы все отработали уже раз пятьдесят. Просто выполняйте процедуру раздачи.

— Ах ты хитрый сукин сын!

Взмах руки Трис удивительно напоминал армейский салют.

Цепочка осветительных ракет повисла над лагерем, как застывшая молния, отбросив на все призрачный свет. Лагерь кипел, как разворошенный муравейник. Мужчины и женщины беспорядочно метались и что-то кричали. Майлз представлял себе совсем другую картину... И почему это, позвольте узнать, его люди решили садиться ночью, а не днем? Он еще допросит штабистов... после того, как поцелует им ноги.

— Беатрис! — окликнул Майлз, заметив в толчее рыжую голову. — Передавай всем: выполнять процедуру раздачи! Но вместо плитки рациона каждый получает место в катере. Объясни это всем, чтобы не разбегались, иначе пропустят свой рейс. А потом возвращайся и

оставайся со Сьюгаром. Я не хочу, чтобы он потерялся или был затоптан. Стереги его, поняла?

— Я тебе не собака. Какие катера?

Наконец сквозь шум до Майлза донеслись звуки, которые он уже давно пытался уловить: пронзительное переливчатое завывание, становившееся все громче и громче. Тяжелые аппараты вынырнули из клубящихся багровых облаков — словно огромные жуки, гладкие и крылатые, прямо на глазах выпуская свои лапы. Мощные, быстроходные боевые катера, два, три... семь, восемь... Майлз считал, шевеля губами. Тринадцать... Четырнадцать, слава тебе, Господи! Им все же удалось вовремя отремонтировать Б-7!

Майлз ткнул рукой вверх:

— Мои катера.

Беатрис застыла с открытым ртом.

— Боже! Какая красота! — Было видно, как бешено несутся у нее в голове мысли. — Но это не наши. И не цетагандийцы. Кто, к черту...

Майлз поклонился:

— Проводится оплаченная межправительственная операция по спасению военнопленных.

— Наемники?

— Мы не что-то извивающееся и многоногое, заползшее к тебе под циновку. Правильный тон вот такой: «Наемники!!!» Радостный крик.

— Но... но... но...

— Иди, мать твою! Спорить будешь потом.

Беатрис всплеснула руками и побежала. А Майлз начал останавливать всех, кто оказывался поблизости, и передавать им приказ. Поймав одного из приятелей Оливера, он потребовал, чтобы тот поднял его себе на плечи, и быстро оглядел лагерь. Вдоль периметра уже выстроились четырнадцать отрядов — почти на нужных местах. Катера зависли, воя двигателями, потом один за другим приземлились вокруг лагеря.

— Сгодится, — пробормотал Майлз и шлепнул мэриакца по плечу. — Опускай.

Он заставил себя идти к ближнему катеру спокойно и не торопясь: ведь все эти последние (три? четыре?...) недели он не жалел своей крови, костей и гордости именно для того, чтобы избежать всеобщего беспорядочного рывка, который свел бы к нулю шансы на успех операции.

Четверо вооруженных до зубов наемников в легких скафандрах первыми спустились по трапу и заняли круговую оборону возле катера. Хорошо. У них даже оружие было нацелено в нужном направлении: на пленных, которых они собирались вызволить. Более многочисленная штурмовая команда в десантных боевых костюмах галопом выкатилась вслед за ними и сразу же взяла под обстрел цетагандийские строения, окружавшие купол. Так, правильно: противника нужно сковать огнем.

Последним вышел человек, в котором Майлз нуждался сейчас больше, чем в ком бы то ни было, — офицер-связист.

— Лейтенант... — Тут Майлз узнал его лицо. — Марко! Сюда!

Марко заметил своего командира и кинулся к нему, радостно крича:

— Коммодор Танг! Он здесь, я его нашел!

Не тратя времени на приветствия, Майлз бесцеремонно стащил комм-шлем с послушно нагнувшегося лейтенанта и левой рукой нахлобучил его себе на голову. В тот же миг он услышал ворчливый голос Танга:

— Только, ради Бога, не упусти его снова, Марко. Если надо, сядь на него и держи.

— Мне нужны мои заместители, — произнес Майлз в микрофон. — Вы уже забрали Элли и Элен? Сколько у нас времени на все?

— Да, сэр. Нет. И примерно два часа, если повезет, — рявкнул Танг. — Чертовски рад опять вас слышать, адмирал Нейсмит.

— Скажешь тоже... Найди Элен и Элли. Это первоочередная задача.

— Выполняю. Танг связь закончил.

Повернувшись, Майлз увидел, что одна из помощниц Трис уже собрала свою первую группу в двести человек и теперь занята тем, чтобы заставить следующих двести сесть и всем вместе ждать своей очереди. Великолепно. Пленных вели по трапу, подвергая конвейерной обработке: один наемник быстро вспарывал на каждом серую рубашку, другой хлопал человека по спине медпарализатором. Третий проводил хирургическим зондом, бесцеремонно вырывая лагерный номер, введенный под кожу. На перевязку время не тратили.

— Проходите вперед и садитесь по пять в ряд; проходите вперед и садитесь по пять в ряд; проходите вперед... — бубнил наемник в такт своему ритмично движущемуся инструменту.

Из резких теней, отбрасываемых огнем осветительных ракет, появился бывший адъютант Майлза капитан Торн. С ним шла одна из корабельных врачей и — слава Богу! — рядовой с одеждой и сапогами. Майлз бросился к сапогам, но его поймала врач.

Она провела медпарализатором, а потом зондом между его голых неровных лопаток.

— Уй! — вскрикнул Майлз. — Неужели нельзя подождать секунду, чтобы парализатор подействовал?

Боль быстро сменилась онемением. Майлз потрогал спину левой рукой и возмущенно спросил:

— И вообще, что все это значит?

— Прощу прощения, сэр, — сухо ответила врач. — Прекратите шум и не хватайтесь за рану, у вас пальцы грязные. — Она наложила пластырь. — Капитан Ботари-Джезек и командор Куин выяснили кое-какие подробности у своих цетагандийских коллег. Когда вы сюда пробирались, мы этого еще не знали. В номере у вас на спине содержались микрокапсулы, липидные мембраны которых стабилизируются низкочастотным магнитным полем. Пробудьте час вне купола, и мембраны начнут разрушаться, высвобождая яд. Примерно четыре часа спустя человек умирает в сильных муках. Так называемая «небольшая предосторожность» на случай бегства.

Майлз содрогнулся.

— Понимаю, — пролепетал он и, откашлявшись, добавил уже громче: — Капитан Торн, объявите в приказе благодарность командору Элли Куин и капитану Элен Ботари-Джезек. Разведка... э-э... наших нанимателей и не подозревала об этой ловушке с номерами. По правде говоря, их сведения были неполными и во многих других отношениях. Мне придется серьезно поговорить с ними. И все будет включено в счет за расширенную операцию... Пока не убрали эту штуку, доктор, парализуйте мне, пожалуйста, еще и запястье.

— Опять вас угораздило, а? — пробормотала врач, осматривая сломанную руку. — Казалось бы, должны были поумнеть...

Она провела медпарализатором, и Майлз перестал ощущать свою распухшую конечность. Только глаза еще подтверждали, что кисть по-прежнему на месте.

— Да, но согласятся ли они платить за расширенную операцию? — обеспокоенно спросил Торн. — Ведь планировалась стремительная посадка одного корабля, чтобы забрать только одного человека. Как раз то, на чем специализируются небольшие группы вроде нашей. А теперь весь дендарийский флот напряжен до предела. Этих проклятых пленных больше, чем нас. В контракте ни о чем подобном не говорится. А что, если наш таинственный наниматель захочет проехаться на дармовщинку?

— Не захочет, — ответил Майлз. — Даю слово. Но... несомненно, мне придется лично утрясти вопрос с оплатой.

— И да поможет Бог нашему клиенту, кто бы он ни был, — пробормотала врач, отправляясь выдирать коды у ожидающих своей очереди пленных.

Коммодор Ки Танг, коренастый пожилой азиат в полудоспехах и командном шлеме, появился рядом с Майлзом, когда первые катера, загрузив пленных, уже захлопнули люки и

с воем умчались в черный туман. Взлет шел по принципу «первым пришел — первым получил». Зная, что Танг любит плотные построения, Майлз решил, что временной фактор — самый важный.

— А где мы разместим этих типов наверху? — спросил он.

— Мы вычистили пару старых грузовиков. В трюм каждого войдет тысяч пять. Полет, конечно, будет не из приятных. Им всем придется лечь и дышать пореже.

— А чем цетагандийцы будут нас ловить?

— Сейчас у них всего несколько полицейских катеров. Так получилось, что почти весь гарнизон занят на маневрах по ту сторону их солнца. Вот почему мы решили зайти за вами именно сейчас... Нам пришлось ждать, пока у них снова начнутся учения. А вы тут удивлялись, чего мы тянем? Это тот же сценарий, по которому мы собирались вывозить полковника Тремонта.

— Только умноженный на десять тысяч. И нам придется совершить четыре полета вместо одного.

— Да, но зато подумайте вот о чем, — ухмыльнулся Танг. — Они устроили лагерь военнопленных на этой жалкой планетке, чтобы не тратить много людей и оборудования на охрану. Рассчитывали, что удаленность от Мэрилака и военные трудности помешают любым попыткам освобождения. С того времени как вы сюда попали, половина их гарнизона была переведена в другие горячие точки. Половина!

— Они полагались на купол. — Подозрительно посмотрев на Танга, Майлз пробормотал: — А дурная новость какая?

Улыбка Танга померкла.

— Времени у нас всего два часа.

— Ох! Даже половина их гарнизона — это слишком много. И они вернутся через два часа?

— Теперь уже через час сорок.

И коммодор Танг скосил глаза на хронометр, шкала которого проецировалось на внутреннем экране шлема.

Майлз сделал мысленные подсчеты и понизил голос:

— Мы успеем вывезти последнюю партию?

— Все зависит от того, как быстро пройдут первые три, — ответил Танг.

Его спокойный голос был еще более невыразительным, чем обычно, и не выдавал ни надежды, ни опасений.

«А это зависит от того, насколько хорошо я все подготовил...» Что было, то прошло, а что будет — еще не настало. Майлз вернулся к настоящему.

— Вы еще не нашли Элли и Элен?

— Три патруля брошены на поиски.

Значит, пока не нашли... У Майлза сжалось сердце.

— Я даже не стал бы пробовать расширить операцию, если бы не знал, что они следят за мной и могут перевести намеки в приказы.

— Они поняли вас правильно? — спросил Танг. — Мы ведь не соглашались с их интерпретацией ваших проповедей.

— Они поняли меня правильно... Значит, у вас есть записи всего этого? — Изумленный Майлз обвел рукой лагерь.

— Прямо с цетагандийских мониторов. Элли каждый день передавала их сжатым импульсом. Очень... э-э... занимательно, сэр, — невозмутимо добавил Танг.

— Чертовски рискованно... Когда вы в последний раз связывались с ними?

— Вчера. — Танг схватил Майлза за руку, с завидной прозорливостью предупреждая попытки побега. — Вам все равно не справиться с этим лучше трех патрульных групп, сэр, а у меня нет лишних людей, чтобы разыскивать еще и вас.

Майлз в бессильном раздражении ударил кулаком по ладони, и только потом вспомнил, что этого делать не следовало. Что же случилось с двумя его подчиненными, связными

между лагерем и дендарийцами? А цетагандийцы с удручающей последовательностью расстреливают пойманных шпионов. Обычно после нескольких допросов, которые и смерть делают желанным избавлением... Майлз попытался успокоить себя логическими доводами. Если бы цетагандийцы распознали в симпатичных операторшах вражескую агентуру и допросили их, то Танг угодил бы здесь в мясорубку. Этого не случилось, следовательно, и того не случилось тоже. Конечно, их могли только что накрыть огнем свои... Ох уж эти «свои» — до чего же много их у него набралось!

— Ты, — сказал Майлз, забирая свою одежду у все еще ожидавшего рядом солдата, — пойди туда, — он ткнул пальцем в сторону освобожденных, — и найди рыжую леди по имени Беатрис и раненого мужчину по имени Сьюгар. Доставь их ко мне. Мужчину надо нести поосторожнее — у него внутренние повреждения.

Солдат отдал честь и отправился выполнять приказ. Ах, как же это приятно — снова отдавать приказы, не подкрепляя их теологическими аргументами! Майлз вздохнул. Усталость грозила поглотить его. Все факторы — грузоподъемность катеров, скорость кораблей, приближение противника, расстояние до п-в-туннеля — во всевозможных вариантах прокручивались в его мозгу. Особенно беспокоили небольшие неопределенности в сроках — умножаясь, они грозили превратиться в серьезные неприятности. Но Майлз знал, как это будет, с самого начала. Чудо, что они вообще сумели сделать столь многое. Нет... Он посмотрел на Танга, на Торна... Не чудо, а удивительная инициативность и преданность этих людей. Молодцы, ах, молодцы!

Торн помог ему, когда Майлз попытался одеться с помощью только одной руки.

— Где мой командный шлем?

— Нам сообщили, что вы ранены, сэр, и было решено немедленно вас эвакуировать.

— Чертовски самонадеянно с чьей-то стороны...

Майлз подавил гнев. Сейчас нет времени на лишние приказы. А будь у него шлем, он наверняка стал бы командовать, хотя плохо разбирается в деталях разворачивающейся операции — с точки зрения дендарийского флота. Майлз смирился со своим положением наблюдателя. Так он сможет прикрывать отступление.

Вернулся наемник — с Беатрис и четырьмя бывшими пленными, которые несли на циновке Сьюгара.

— Приведи моего врача, — сказал Майлз.

Солдат быстро разыскал ее. Врач опустилась на колени рядом с лежавшим в полузабытьи Сьюгаром и убрала его код. Когда запищал иньектор с синергином, напряжение немного оставило Майлза.

— Насколько серьезно?

— Дела неважные, — призналась врач, проверяя показания диагностчиков. — Разрыв селезенки, кровотечение в желудке. Его надо поскорее доставить в операционную на флагмане.

Врач подозвала санитаря, ожидавшего возвращения катера рядом с охранниками, и тот закутал Сьюгара в тонкую фольгу теплозащиты.

— Я позабочусь, чтобы его туда отправили, — пообещал Майлз.

Он дрожал, завидуя теплозащите: кисловатый тяжелый туман капельками оседал на его волосах, холод пронизывал до костей.

Судя по лицу Танга, в его наушниках прозвучало какое-то важное сообщение. Майлз, вернувший Марко комм-шлем, чтобы тот мог исполнять свои обязанности, переминался с ноги на ногу. «Элен, Элли, если я убил вас...»

Танг сказал в микрофон:

— Хорошо. Молодцы. Возвращайтесь к посадочной точке А-7. — Дернув подбородком, он переключил канал. — Сим, Нот, ведите свои группы к вашим посадочным точкам. Их нашли.

Майлз вдруг обнаружил, что сложился пополам, упираясь руками в подогнувшиеся коленки. Ожидая, пока у него в голове прояснится, он судорожно глотал воздух.

— Как Элли и Элен? С ними все в порядке?
— Доктора они не звали... А вам-то он не требуется? Вы что-то позеленели.
— Я в порядке. — Майлз немного пришел в себя и встретился с вопросительным взглядом Беатрис. — Беатрис, позови-ка сюда Оливера и Трис. Мне надо поговорить с ними до следующего взлета.

Женщина как-то растерянно кивнула и повернулась, чтобы уйти. Честь она ему не отдала, но зато и спорить не стала. Майлз очень обрадовался последнему обстоятельству.

Канонада вокруг лагеря стихла и перешла в редкие одиночные выстрелы. Иногда слышались крики или невнятный рев голосов в рупоре. Вдали полыхали пожары. Удара хирургической точности не получилось. Пора уходить... Давно пора уходить. Майлз напомнил себе об отравленных номерах, надеясь отогнать мысль о персонале, погребенном под развалинами горящих зданий. Но кошмары не уничтожили друг друга, а наоборот, усилили.

Подошли Трис и Оливер, оба немного удивленные. Беатрис встала у правого плеча Трис.

— Поздравляю, — заговорил Майлз, опережая их. Ему надо обсудить очень многое, а времени осталось мало. — Вы смогли создать армию.

Махнув рукой, он указал на стройные ряды пленных — бывших пленных, — расположившихся вокруг лагеря. Ждали они спокойно, большинство сидели на земле. Или это цетагандийцы приучили их к терпению? Не важно.

— На время, — ответила Трис. — Сейчас затишье. Если положение осложнится, если вы потеряете катер-другой, если кто-то запаникует...

— Всем, кто склонен к панике, скажите, что, если им будет спокойнее, они могут лететь со мной. Да... и добавьте, что я собираюсь лететь последним рейсом.

Коммодор Танг, разрывающийся между своим командным шлемом и совещанием, досадливо поморщился, услышав эту новость.

— Тут они заткнутся, — хмыкнул Оливер.

— Ну по крайней мере им будет над чем подумать, — согласилась Трис.

— А теперь я вам скажу кое-что, над чем следует подумать нам всем. Новое сопротивление Мэрилака зависит от вас. Мой наниматель поручил мне вызволить полковника Тремонта, который смог бы набрать новую армию и продолжить борьбу. Когда я нашел его... в том состоянии, мне надо было решить, выполнять ли букву договора, спасая паралитика, или соблюсти его дух — и доставить армию. Я выбрал последнее и сделал ставку на вас двоих. Вы должны продолжить дело Тремонта.

— Я же всего лишь фронтовой лейтенант... — в ужасе начала Трис.

Ей вторил Оливер:

— Я боец, а не штабист. А полковник Тремонт был гением...

— Теперь вы его наследники. Я утверждаю это. Осмотритесь вокруг. Разве я ошибаюсь в выборе подчиненных?

После секундного молчания Трис пробормотала:

— Похоже, что нет.

— Наберите себе штабистов. Найдите гениев-тактиков, чудодеев-техников и заставьте их работать на вас. Но воля, решения и приказы должны исходить только от вас. И никогда не забывайте это место!

Оливер негромко спросил:

— И когда же мы уйдем из этой армии, брат Майлз? Мой контракт истек во время осады Фэллоу-Кор. Не будь я там, то давно бы уже отправился домой.

— И оккупационная армия цетагандийцев прокатилась бы по твоей улице?

— Пусть так. Шансы слишком малы.

— В свое время на Барраяре шансы были еще меньше, а они сумели изгнать цетагандийцев. На это понадобилось двадцать лет и такое море крови, какое вы вдвоем за всю жизнь не видели. Но они это сделали!

На Оливера этот исторический факт произвел большее впечатление, чем на Трис. Та скептически заметила:

— На Барраяре были фанатики-форы. Психи, которые рвались в бой, которым нравилось умирать. На Мэрилаке таких традиций нет. Мы — люди цивилизованные... или когда-то были таковыми.

— Давайте-ка я расскажу вам о форах, — прервал ее Майлз. — Идиоты, которые искали славной смерти в бою, нашли ее в самом начале. Это быстро очистило командование от набравшихся в нем дураков. А выжили те, кто научился биться не по правилам и выживать, чтобы снова биться и побеждать, и побеждать, и побеждать. Для них не было ничего важнее победы, и ради нее они жертвовали комфортом, безопасностью, семьей и друзьями. Выжить и победить — вот их закон. Они не были сверхлюдьми, и боль они чувствовали. Они страдали от неуверенности и незнания. И не имея даже половины тех ресурсов, которые сейчас есть у Мэрилака, они победили. Когда ты фор, — пояснил Майлз, немного успокаиваясь, — отставки для тебя не существует.

После короткой паузы Трис сказала:

— Даже армия патриотов-добровольцев должна что-то есть. И нам не победить цетагандийцев, стреляя из рогаток.

— Вы будете получать финансовую и военную помощь. Каналы для этого найдутся. Единственное, что требуется, — должно существовать командование Соппротивления, которому ее можно было бы предоставить.

Трис смерила Оливера выразительным взглядом. Майлз еще никогда не видел, чтобы в ее глазах пылал такой огонь.

Туман пронзил вой первого возвращающегося катера. Трис негромко произнесла:

— А я-то считала себя атеисткой, сержант, а тебя — верующим. Ну что, увольняешься или идешь со мной?

Плечи Оливера сгорбились, но Майлз понял, что это — груз ответственности, а не бремя поражения.

— Иду, — проворчал он.

Майлз поймал взгляд Танга:

— Как у вас дела?

Коммодор покачал головой:

— На шесть минут задержались при разгрузке.

— Хорошо. — Майлз снова повернулся к своим лагерным друзьям: — Я хочу, чтобы вы оба улетели с этой сменой, но на разных катерах, — по одному в каждый грузовик. Когда попадете туда, ускорьте разгрузку людей. Лейтенант Марко назовет вам катера...

Жестом подозвав Марко, он отправил Трис и Оливера выполнять приказ.

Беатрис задержалась.

— Я склонна к панике, — сообщила она холодным тоном, рисуя в грязи завитушки пальцем ноги.

— Мне больше не нужна охрана, — усмехнулся Майлз. — Может, нянька...

В ее глазах промелькнула улыбка, пока еще не добравшаяся до губ. «Потом!» — пообещал себе Майлз. Потом он добьется, чтобы она смеялась от счастья.

Пока приземлялись последние катера второго захода, прибывшие первыми уже взлетели вновь. Майлз молил Бога, чтобы в этом тумане не начало барахлить навигационное оборудование. Дальше они будут подлетать еще более беспорядочно. Туман быстро превратился в холодный дождь.

«Интеллект, лишенный любви и страха, мог бы счесть происходящее весьма интересным», — решил Майлз. Он стал левой рукой делать на грязи расчеты: число взлетевших, опустившихся, находящихся в полете, оставшихся... Но грязь уже превратилась в вязкую жижу и не сохраняла цифр.

— Дерьмо, — вдруг прошипел Танг сквозь сжатые зубы и судорожно стиснул дернувшуюся правую руку, словно ему хотелось от отчаяния и досады сдернуть с головы

шлем и швырнуть его в грязь. — Ну вот! Мы только что потеряли два катера из второй волны.

«Которые? — в ужасе подумал Майлз. — Оливер, Трис?..»

Он заставил себя спросить:

— Каким образом?

«Клянусь, что, если они столкнулись, я найду стенку и буду биться об нее башкой, пока не одурею».

— Цетагандский истребитель прорвался через заслон. Он метил в наши грузовики, но мы его вовремя прищучили. Почти вовремя.

— Какие именно катера погибли? Они были нагружены или возвращались?

Танг подвигал губами, читая:

— А-7 — полностью груженный. Б-7 — возвращался пустым. Потеряны окончательно, выживших нет. Боевой катер «Триумф» выведен из строя огнем противника. Сейчас ведется поиск пилота.

Майлз не потерял своих командиров. Тщательно выбранные и выпестованные преемники полковника Тремонта целы. Майлз открыл зажмуренные от боли глаза и увидел, что Беатрис, для которой кодовые номера катеров ничего не значили, с беспокойством ждет его объяснений.

— Двести погибших? — прошептала она.

— Двести шесть, — поправил Майлз.

У него в памяти промелькнули лица, имена и голоса шестерых дендарийцев. У цифры двести тоже были свои лица. Он запретил себе думать об этом — слишком большая перегрузка.

— Такое случается, — тупо прошептала Беатрис.

— С тобой все в порядке?

— Конечно, в порядке. Такое случается. Неизбежно. Я не слюнтявый слабак, чтобы раскиснуть под огнем. — Быстро моргая, женщина подняла голову. — Дайте мне... какое-нибудь поручение. Любое.

«И побыстрее», — мысленно договорил за нее Майлз. Он ткнул пальцем в противоположную сторону лагеря.

— Найди Пела и Лианта. Раздели их оставшихся людей на группы по тридцать три человека и присоедини к тем, кто полетит в третьей волне. Придется посылать третью смену с перегрузкой. Потом вернешься обратно. Быстрее, остальные вернутся с минуты на минуту.

— Слушаюсь, сэр.

Беатрис отдала честь. Майлз хладнокровно ответил тем же жестом.

— Катера и так перегружены, — возразил Танг, когда Беатрис отошла подальше. — Если запихнуть туда двести тридцать человек, они будут лететь как камни. И прибавится время на погрузку и разгрузку.

— О Господи! — Майлз бросил царапать цифры. — Сделай мне компьютерные подсчеты, Ки. Я сейчас даже два на два не помножу. На сколько мы не уложимся к тому моменту, когда вернется основной контингент цетагандийцев? Постарайся вычислить как можно точнее, без допусков.

Танг забормотал в микрофон цепочку цифр, вариантов, сроков. Через несколько секунд он сурово проговорил:

— К концу последней волны пять катеров будет еще не разгружено. Именно тогда цетагандийцы начнут в нас стрелять.

Тысяча мужчин и женщин...

— Могу я со всем уважением напомнить вам, сэр, что имеются кое-какие способы снизить потери? — прибавил Танг.

— Можете, коммодор.

— Вариант номер один, самый эффективный: в последний заход посадить только семь катеров. Остальных пленных оставить на Земле. Их снова поместят в лагерь, но по крайней

мере они останутся живы.

— Только одна проблема, Ки: я не хочу здесь оставаться.

— Вы все равно можете улететь на последнем поднимающемся катере, как и обещали. Кстати, сэр, я еще не говорил вам, что думаю по поводу этого идиотского героизма?

— Говорил, и очень выразительно — с помощью бровей. И хотя я склонен с тобой согласиться... Скажи, ты заметил, как пристально наблюдают за мной оставшиеся пленные? Видел когда-нибудь, как тигр крадется к антилопе?

Танг окинул лагерь обеспокоенным взглядом.

— Мне не хотелось бы расстреливать последнюю тысячу, чтобы поднять мой катер в воздух, — заключил Майлз.

— Да они даже не поймут, что больше катеров не будет, и вы успеете улететь.

— И мы просто оставим их стоять и ждать нас?

«Овцы смотрят вверх, но никто их не кормит...»

— Похоже, что так.

— Тебе нравится этот вариант?

— Тянет блевануть, но... подумайте об остальных девяти тысячах. И о дендарийцах. Представьте, что мы их всех спустили в унитаз в обреченной на провал попытке собрать всех этих ваших... несчастных грешников... От этого тянет блевануть еще сильнее. Девять десятых лучше, чем ничего.

— Согласен. Перейдем к варианту номер два. Полет к п-в-туннелю рассчитан по скорости нашего самого медленного корабля, а это... что?

— Грузовики.

— А «Триумф» по-прежнему самый быстрый?

— Еще бы! — (Танг был когда-то капитаном «Триумфа»).

— И защита у него самая мощная.

— Угу. И что?

Танг прекрасно понимал, к какой мысли его подводят, и показное тугодумие было лишь формой скрытого протеста.

— А то. Первые семь катеров из последнего захода стыкуются с грузовиками и отлетают по расписанию. Мы отзываем пять пилотов истребителей «Триумфа» и бросаем и уничтожаем их корабли. Один ведь уже поврежден, так? Последние катера стыкуются с «Триумфом» вместо них. И тогда они будут прикрыты от огня подлетающих цетагандийцев силовым экраном «Триумфа». Набиваем пленных в коридоры «Триумфа», герметизируем люки катеров и разгоняемся как сумасшедшие.

— Добавочная масса тысячи человек...

— Меньше, чем пары катеров. Отстыкуйте и взорвите их тоже, если это понадобится, чтобы привести ускоряемую массу в норму.

— ...перегрузит систему жизнеобеспечения...

— Резервного кислорода хватит до п-в-туннеля. А потом пленных можно будет спокойно распределить по другим кораблям.

В голосе Танга звучала неподдельная мука:

— Но эти катера совсем новенькие! А мои истребители? Целых пять! Вы представляете себе, как трудно будет найти средства, чтобы их заменить? Если уж на то пошло...

— Я просил тебя рассчитать сроки, а не расходы, — процедил Майлз сквозь зубы. — Я включу стоимость катеров и истребителей в счет услуг.

— А вы, мой мальчик, когда-нибудь слышали термин «неоправданные затраты»? Вы... — и Танг снова переключил свое внимание на командный шлем. Делались расчеты, отдавались новые приказы.

— Получается, — вздохнул Танг. — Дает нам необходимые пятнадцать минут форы. Если ничего не случится...

И он раздраженно забормотал что-то: ему не меньше Майлза хотелось бы сейчас находиться в нескольких местах.

— Вот возвращается мой катер, — вслух заметил Танг.

Он взглянул на Майлза, явно не желая оставлять адмирала одного и не менее явно мечтая убраться из-под кислого дождя, от темноты и грязи к мозговому центру операции.

— Проваливай, — сказал Майлз. — Тебе все равно нельзя взлетать со мной, это против правил.

— В гробу видал я эти правила, — мрачно отозвался коммодор Танг.

Начался отлет третьей смены, и на Земле осталось уже всего около двух тысяч пленных. Дело шло к завершению. Патрули в доспехах возвращались из цетагандийских руин к местам посадки своих катеров.

— Увидимся на борту «Триумфа», — подчеркнуто сказал Танг.

Он задержался, чтобы сказать несколько слов лейтенанту Марко. Майлз улыбнулся, сочувствуя лейтенанту: он прекрасно знал, какие именно приказы отдает сейчас Танг. Если Марко не сможет вернуться с Майлзом, ему лучше вообще не возвращаться.

Осталось только немного подождать. Майлз очень скоро понял, что ожидание ему совсем некстати. Действие выброшенного в кровь адреналина не прошло, и он почувствовал, насколько измучен и ранен. Осветительные ракеты начали гаснуть; свет их покраснел.

Почти не было перерыва между замирающим ревом последнего катера третьего захода и пронзительным воем первого садящегося катера четвертого. Увы, это свидетельствовало не столько о стремительности, сколько о неразберихе. Мэрилакцы по-прежнему дожидались по своим командам раздачи плиток, дисциплина не нарушалась. Конечно, никто не поделился с ними проблемами, связанными со временем. Но нервничающие дендарийцы гнали их вверх по трапам в темпе, удовлетворяющем Майлза. Быть в арьергарде никто не любит, даже brave воины, делающие зарубки на прикладах и готовые жить в своем костюме.

Майлз проследил, чтобы по трапу в первую очередь занесли Сьюгара. Он рассчитал, что Сьюгар окажется в лазарете «Триумфа» скорее, если полетит сразу с ним прямым рейсом, а не предыдущим на грузовик, чтобы ожидать там переброски на флагман.

Лагерь стал тихим и темным, мокрым и печальным, призрачным. «Я сломаю двери ада и изведу из него мертвецов...» Полузабытая цитата звучала как-то неправильно. Ладно.

Облаченная в доспехи группа охраны катера — последняя — вернулась из тумана и тьмы, повинаясь электронному свистку, словно команда пастушеских собак. Их хозяин, Марко, стоял внизу у трапа. Пилот ревом двигателей катера выражал свое нетерпение поскорее отправиться в обратный путь.

И вдруг из тьмы начался плазменный обстрел, заставивший зашипеть влажный от дождя воздух. Какой-то цетагандийский герой — кто знает, офицер, пехотинец или техник — выполз из развалин и нашел оружие. И противника, по которому можно стрелять. У Майлза в глазах замелькали красно-зеленые отблески.

Из темноты выкатился дендарийский патрульный — по спине его доспехов змеилась светящаяся полоса. Впрочем, она почти тут же потухла в грязи. У доспехов заклинило ноги, и теперь патрульный извивался, как отчаянно бьющаяся рыба, пытаясь вылезти из них. Второй неприцельный плазменный удар растратился на превращение нескольких кубометров тумана и дождя в перегретый пар.

Именно то, чего им сейчас не хватало: застрять под огнем снайпера. Пара наемников снова нырнула в туман. Перевозбужденный пленный (Господи, это же еще один приятель Питта!) выхватил оружие у застрывшего в доспехах солдата и собрался последовать за ними.

— Стой! Возвращайся потом и дерись тут сколько душе угодно, болван! — Майлз захлопал по грязи к Марко. — Отходите, грузитесь, взлетайте. Не тратьте время на перестрелку! Некогда!

Кое-кто из оставшихся пленных упал лицом в грязь и начал зарываться в нее, как червяк. Вполне разумный рефлекс в любой другой ситуации.

— Поднимайтесь на борт, по трапу. Марш, марш, марш!

Беатрис вскочила и начала повторять его слова, загоня пленных на катер.

Майлз задержался около упавшего дендарийца, левой рукой расстегнул зажимы доспехов. Солдат скинул чуть не убивший его панцирь, вскочил и захромал к катеру. Марко и еще один охранник ждали у трапа.

— Готовься поднять трап и взлететь по моему сигналу, — крикнул пилоту Марко.

И тут плазменный луч полоснул лейтенанта по шее. Майлз ощутил обжигающий жар в нескольких сантиметрах над своей головой. Марко рухнул, не издав ни звука.

Майлз пригнулся, задержавшись на секунду, чтобы сдернуть с Марко шлем с передатчиком. Шлем снялся вместе с головой. Майлзу пришлось упереться парализованной рукой, чтобы высвободить шлем от страшного груза. Вес головы, ее плотность и округлость запечатлелись всеми его чувствами — прочно, до конца жизни. Голова упала рядом с телом Марко.

Майлз проковылял по трапу — последний дендариец в доспехах втянул его за руку. Трап странно проседал у них под ногами: глянув вниз, Майлз увидел в том месте, где прошел убивший Марко плазменный луч, оплавленную полосу.

Он ввалился в люк, сжимая в руках шлем и крича в него:

— Взлетай, взлетай! Марк, сейчас же! Марш!

— Кто говорит? — слышался голос пилота.

— Нейсмит.

— Есть, сэр!

Трап еще не успел втянуться, когда катер уже начал подъем. С надсадным визгом механизм трапа пытался справиться с искореженной дорожкой.

— Запечатйте люк! — завопил в шлеме голос пилота.

— Трап заклинило! — в свою очередь завопил Майлз. — Отстрели его!

Механизмы завизжали вновь, начав обратное движение. Трап затрясся и снова заклинился. Множество рук начали отчаянно дергать его.

— Так ничего не выйдет! — яростно заорала Беатрис, стоявшая у люка напротив Майлза, и начала пинать дорожку босыми ногами. Нарастающий поток воздуха с воем неся мимо открытого люка, сотрясая катер.

Под крики, удары и проклятия катер резко накренился. Люди и незакрепленное оборудование покатались по палубе. Окровавленными ногами Беатрис пинала последний неподдающийся болт. Трап, наконец, оторвался. Поскользнувшись, Беатрис упала вместе с ним.

Майлз кинулся за ней. Он так и не узнал, успел ли он до нее дотронуться: его правая рука была бесчувственным куском. Лицо Беатрис промелькнуло бледным пятном, и женщина исчезла во тьме.

В голове у Майлза вдруг воцарилась глубокая тишина. Хотя рев ветра и двигателей, крики, проклятия и визг не прекратились, между его ушами и мозгом что-то оборвалось. Он видел только уносящееся во тьму бледное пятно — еще и еще раз, словно на экран проецировалась замкнутая пленка.

Майлз почувствовал, что стоит на четвереньках: ускорение катера вжимало его в пол. Люк удалось закрыть. Теперь людской шум казался приглушенным и жидким, ибо замолкли ревушие голоса божеств. Майлз взглянул в побелевшее лицо приятеля Питта, согнувшегося рядом и все еще сжимавшего оружие, из которого ему так и не удалось пострелять.

— Смотри, парень, убей побольше цетагандийцев за Мэрилак, — прохрипел ему Майлз. — Надо, чтобы ты хоть для кого-то чего-нибудь стоил, потому что мне ты обошелся слишком дорого.

Лицо мэрилака сморщилось: он был настолько испуган, что даже не пытался принять виноватый вид. Майлз мимолетно заинтересовался, как выглядит сейчас он сам. Судя по лицу этого парня, странно, очень странно.

Он пополз вперед, пытаясь отыскать кого-то... что-то... В глазах то и дело вспыхивали какие-то странные желтые искры. Еще не снявшая доспехов дендарийка помогла ему встать.

— Как вы, сэр? Может, вам пройти к пилоту?

— Да, ладно...

Она обхватила Майлза рукой, чтобы он снова не упал. Они начали пробираться вперед по переполненному мэрилакцами и дендарийцами катеру. К нему оборачивалось множество лиц, но никто не пытался ничего сказать. Возле кабины пилота Майлз увидел серебряный кокон.

— Подожди...

Он упал на колени рядом со Сьюгаром. Прилив надежды...

— Сьюгар! Эй, Сьюгар!

Проповедник чуть приоткрыл глаза. Трудно было сказать, насколько он воспринимает происходящее сквозь боль, шок и лекарства.

— Мы уже в пути. Мы справились, уложились в срок. С легкостью. С ловкостью и быстротой. Вверх через воздушные области, выше облаков. Ты правильно понял Писание, правильно.

Сьюгар шевельнул губами. Майлз наклонился поближе.

— ...не настоящее Писание, — прошептал умирающий. — Я это знал... ты это знал... нечего тут заливать...

Майлз оцепенел. Потом снова наклонился к Сьюгару и прошептал:

— Нет, брат. Потому что хоть мы и пришли в одеждах, но определенно вышли нагими. С сухих губ Сьюгара сорвался слабый смешок.

Майлз не плакал, пока они не вышли из п-в-туннеля.

IV

Иллиан сидел молча.

Майлз откинулся на подушке, бледный и измученный. Струна, натянувшаяся где-то внутри, заставила дрожать его голос.

— Извините. Думал, что уже все забыл. С тех пор столько случилось: не было времени подумать, переварить...

— Синдром боевой усталости, — подсказал Иллиан.

— Бой длился всего пару часов.

— Да? Судя по твоему рассказу, недель шесть, не меньше.

— Все равно. Но если ваш граф Форволк будет говорить, что надо было обменять жизни на оборудование... У меня было всего минут пять, чтобы принять решение под огнем противника. Если бы у меня был месяц на размышления, я поступил бы точно так же. И я повторю это, хоть перед трибуналом, хоть где.

— Успокойся, — посоветовал Иллиан. — Форволком и его тайными советчиками займусь я. Думаю... нет, гарантирую, что их козни больше не будут мешать вашему выздоровлению, лейтенант Форкосиган.

Иллиан сверкнул глазами, и Майлз напомнил себе, что этот худощавый человек уже тридцать лет работает в Имперской службе безопасности. У «Пса Эйрела» еще целы зубы.

— Мне жаль, что моя... небрежность поколебала вашу веру в меня, — сказал Майлз.

Его странно ранило подозрение шефа — словно какой-то незаживающий нарыв в груди. Значит, доверие гораздо больше зависит от обратной связи, чем он прежде думал. Может, Иллиан прав, и Майлзу следует больше внимания обращать на материальное?

— Впредь я постараюсь быть разумнее.

Иллиан покраснел и кинул на него непонятный взгляд:

— И я тоже, лейтенант.

Зашипела дверь, прошелестели юбки. Это была графиня Форкосиган — высокая женщина с каштановыми волосами и стремительной походкой. Она так и не сумела приспособить темп своих движений к барраярским нарядам, но пышные туалеты знатной дамы она надевала охотно, словно ребенок, устроивший маскарад, — и носила их с такой же убедительностью.

— Миледи, — кивнул Иллиан, вставая.

— Привет, Саймон, — ухмыльнулась она. — Доктор, которого ты спугнул, умоляет меня применить силу и вышвырнуть тебя. Я знаю, у вас, офицеры и джентльмены, свои дела, но пора бы вам и закругляться. По крайней мере так советуют приборы.

Она посмотрела на Майлза. На добродушном лице ее промелькнуло недовольство, намек на стальную волю.

Иллиан тоже заметил это и поклонился:

— Мы закончили, миледи. Нет проблем.

— Надеюсь.

Вскинув голову, графиня ждала, пока Иллиан уйдет.

Разглядывая решительный профиль матери, Майлз вдруг осознал, почему смерть агрессивной высокой женщины с рыжими волосами все еще рвет ему душу, хотя он давно примирился с другими потерями, в которых виноват не меньше. «Как поздно мы начинаем себя понимать! И как это бесполезно». Но все же, когда графиня Форкосиган повернулась к нему, комок, застрявший в горле, начал растворяться.

— Ты ужасно выглядишь, мой милый.

Она прикоснулась теплыми губами к его лбу.

— Спасибо, мама! — прошептал Майлз.

— Эта славная командор Куин, которая тебя привезла, говорит, что ты плохо ел. Как обычно.

— А! — Майлз повеселел. — Где Куин? Я могу ее увидеть?

— Здесь — нет. Ее не допускают на засекреченные объекты, каковым считается этот императорский госпиталь. Ведь она офицер чужой армии. Проклятые баррарцы!

Последние два слова были любимым ругательством графини — отставного капитана Корделии Нейсмит из астроэкспедиционного корпуса Беты.

— Я взяла ее в дом Форкосиганов.

— Спасибо. Я... в немалом долгу у Куин.

— Я так и поняла. — Графиня улыбнулась. — Через три часа после того, как убедишь врачей выписать тебя из этого скучного места, ты будешь на озере. Я пригласила туда и командора Куин. Мне показалось, что это заставит тебя серьезнее отнестись к выздоровлению.

— Да, сударыня.

Майлз забрался поглубже под одеяло. К рукам начала возвращаться чувствительность, но пока, к сожалению, чувствовали они одну лишь боль. Все равно это лучше, чем никакой чувствительности! Он ухмыльнулся.

— Мы по очереди будем тебя кормить и баловать, — размечталась мать. — И... ты сможешь рассказать мне о Земле.

— А... да. Я могу немало порассказать тебе о Земле.

— Ну, отдыхай.

Еще один поцелуй, и она ушла.